

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

«ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Андреева Яна Евгеньевна

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ЛАКУНЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ И
СПОСОБЫ ИХ ЭЛИМИНИРОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДОВ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ Г. Ш. ЯХИНОЙ НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК)

Специальность 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и
сопоставительное языкознание

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, доцент
Лабунец Наталья Вадимовна

Тюмень

2022

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ЛАКУНА КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА И ПРИНЦИПЫ ЕЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ	15
1.1. Лингвокультурология в российском и китайском языкознании	15
1.2. Художественный текст в русско-китайской межкультурной коммуникации	24
1.3. Проблема выявления и интерпретации лингвокультурных лакун	29
1.4. Типология лингвокультурных лакун в русско-китайском переводе художественного текста	34
1.5. Способы элиминирования лингвокультурных лакун в художественном переводе с русского языка на китайский	46
Выводы по главе I	54
ГЛАВА 2. ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ЛАКУНЫ И СПОСОБЫ ИХ ЭЛИМИНИРОВАНИЯ В КИТАЙСКИХ ПЕРЕВОДАХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Г. Ш. ЯХИНОЙ	57
2.1. Романы Г. Ш. Яхиной и их переводы на китайский язык	57
2.2. Типы лингвокультурных лакун в китайских переводах произведений Г. Ш. Яхиной	71
2.2.1. Этнолингвистические лакуны	72
2.2.2. Ассоциативные лакуны	83
2.2.3. Лексические лакуны	101
2.2.4. Идиостилистические лакуны	106
2.3. Способы элиминирования лингвокультурных лакун в переводах произведений Г.Ш. Яхиной на китайский язык	118
2.3.1. Заполнение лакун	118
2.3.2. Компенсация лакун	124
2.3.3. Лингвокультурная адаптация лакун	133
Выводы по главе II	136
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	144
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	149
ПРИЛОЖЕНИЕ 1	175
ПРИЛОЖЕНИЕ 2	200

ВВЕДЕНИЕ

Работа «*Лингвокультурные лакуны в художественном тексте и способы их элиминирования (на материале переводов произведений Г. Ш. Яхиной на китайский язык)*» выполнена в русле теории перевода и касается таких вопросов, как языковое посредничество и межкультурная коммуникация, сопоставительный анализ оригинала и перевода, художественный перевод, лингвокультурологический аспект перевода, проблема переводимости/ непереводимости, понятие адекватности перевода, что полностью соответствует специальности 10.02.20 Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.

Антропологизация научной парадигмы в языкознании обнаруживается прежде всего в переносе акцентов на человека и фактор культуры, в связи с чем вопросы межкультурной коммуникации стали приоритетными. В последнее время наблюдается всплеск исследовательского интереса к особенностям культур, которые осознаются только в ситуации контакта. В период глобализации перевод как вид межкультурного посредничества приобретает особое значение. Емкость данной области исследований обусловлена глубокой связью языка и культуры. Многочисленные понятия, которые не имеют средств вербализации в языке перевода и репрезентируют специфику той или иной лингвокультуры, являются барьером в процессе межкультурного общения. Лингвокультурологический анализ переводных художественных произведений, выявляющий культурную коннотацию текстов, делает понятие лакуны чрезвычайно востребованным.

Актуальность выполненной работы обусловлена следующими факторами:

1. В современной лингвистике значительно усилился интерес к лингвокультурологии и теории перевода. Отсюда возникает необходимость продолжения исследований, которые посвящены изучению лингвокультурных параметров, влияющих на переводческую деятельность.

2. Значимость феномена лингвокультурной лакуны определяет многоаспектность подходов к интерпретации ее сути, неоднозначность механизмов передачи лакун в условиях русско-китайской языковой пары.

3. Обращение к переводным вариантам произведений Г. Ш. Яхиной, содержащих широкий диапазон этнолингвистической, историко-культурной информации, представляется перспективным для исследования русско-китайского художественного перевода, изучения специфики русской и китайской лингвокультур.

Степень разработанности темы. Лингвокультурологический подход к изучению художественного перевода как направление исследований набирает популярность у лингвистов. До недавнего времени переводная литература исключалась из перечня потенциальных источников лингвокультурологического анализа лакун. Исследователи ссылались на субъективность научного описания подобного языкового материала. Однако в последнее время художественный перевод признается важнейшим источником изучения разных лингвистических явлений и процессов, в том числе лакунарной лексики. Среди работ в данной области можно отметить, к примеру, труды Ю. Л. Оболенской «Художественный перевод и межкультурная коммуникация» (2013), Е. О. Леонович «Лингвокультурологический аспект перевода» (2017), И. Ю. Марковиной и Ю. А. Сорокина «Культура и текст. Введение в лакунологию» (2010), Н. Г. Валеевой «Теория перевода: культурно-когнитивный и коммуникативно-функциональный аспекты» (2018), Д. И. Еромолович «Имена собственные на стыке языков и культур» (2001) и др.

В исследовании лингвокультурологической проблематики художественного перевода важными являются работы К. В. Волкова и Т. Л. Гурулиевой «Лингвокультурологический аспект китайско-русского перевода» (2019), Н. В. Тимко «Фактор "культура" в переводе» (2007), О. Г. Сидоровой «Лингвокультурологический подход при переводе» (2001), И. В. Долининой «Художественный текст как объект лингвокультурологического анализа» (2015), С. В. Евтеева «Лингвокультурологическая модель перевода» (2014), И. М. Владовой «Перевод как межкультурная коммуникация» (2011), И. Р. Сайтбатталова, Ф. Г. Фаткуллиной, Ю. А. Сайтбатталовой «Перевод в контексте межкультурного диалога» (2017) и др.

Русскоязычных исследований, посвященных лингвокультурным лакунам в русско-китайском переводе, немного. Отметим следующие: словарь лакун Г. В. Быковой, Н. Л. Глазачевой, Лу Чуньюэ «Межкультурная коммуникация: Россия – Китай» (2011), статью Юань Линьлинь «Проблема классификации лексических лакун в лингвокультурологическом аспекте (на примере китайского и русского языков)» (2018), диссертацию Н. Л. Глазачевой «Модель лакунизации как составляющая теории перевода: на примере русского и китайского языков» (2006). В этих исследованиях материалом сопоставительного анализа являются выборки из китайских и русских словарей, тексты современных китайских авторов.

В настоящем исследовании анализируются лингвокультурные лакуны и стратегии их элиминирования на материале китайских переводов романов современного российского автора Г. Ш. Яхиной. Среди работ, посвященных лингвокультурологическому анализу произведений писательницы, следует отметить труды О. Д. Луценко «Особенности перевода этнографических лакун с русского языка на английский (на материале произведения Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза»)» (2020), О. В. Арязмовой «Этнокультуремы в концептосфере писателя-билингва (на материале романа Гузели Яхиной «Зулейха открывает глаза»)» (2015), Е. Н. Соколовой, О. А. Нестеровой «Лингвокультурема как маркер идентичности (на примере перевода на английский язык романа Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза»)» (2021), Сунь Цуйин, О. А. Нестеровой «Женские коммуникативные практики и традиционный уклад жизни в произведениях Г. Яхиной "Зулейха открывает глаза" и Лу Синя "Моление о счастье"» (2019).

Объектом исследования являются лингвокультурные лакуны, возникающие в процессе перевода художественных текстов Г. Ш. Яхиной на китайский язык. **Предметом** исследования выступают способы элиминирования лингвокультурных лакун в китайских переводах произведений Г. Ш. Яхиной.

Материалом исследования послужили тексты романов Г. Ш. Яхиной «Зулейха открывает глаза» (Яхина Г. Ш. Зулейха открывает глаза / предисл. Л. Улицкой / ред. Елены Шубиной. – М.: АСТ, 2015. – 508 с.), «Дети мои» (Яхина Г. Ш. Дети мои : роман / Гузель Яхина; предисл. Елены Костюкович. – М: АСТ :

ред. Елены Шубиной, 2018. – 493 с.) и тексты их переводов на китайский язык, выполненные Чжан Цзе, Се Юньцай (祖列依哈睁开了眼睛 / (Россия) 古泽尔·雅辛娜著; 张杰, 谢云才译. – 北京: 人民文学出版社, 2017. – 495 页. 21 世纪年度最佳外国小说) и Чэнь Фан (我的孩子们 / (Россия) 古泽尔·雅辛娜著; 陈方译. – 北京: 北京十月文艺出版社, 2020. – 571 页). Общий объем проанализированного материала – 2067 страниц.

Релевантная для исследования выборка составила 300 текстовых фрагментов на русском языке в романе Г. Ш. Яхиной «Зулейха открывает глаза», 270 русскоязычных контекстов в романе «Дети мои» и их эквиваленты в китайских переводах.

Единица исследования – лингвокультурная лакуна, выявленная при сопоставлении оригинальных художественных текстов Г. Ш. Яхиной и их переводов на китайский язык. Общее количество исследованных лакун – 670 единиц (в романе «Зулейха открывает глаза» – 355, в произведении «Дети мои» – 315).

Цель настоящей работы – определение специфики лингвокультурных лакун и способов их элиминирования в текстах переводов романов Г. Ш. Яхиной на китайский язык.

В соответствии с целью были поставлены следующие **задачи**:

- 1) изучить принципы исследования лингвокультурной лакуны в художественном переводе с русского языка на китайский;
- 2) описать причины возникновения лингвокультурных лакун в русско-китайском переводе художественного текста;
- 3) провести сопоставительный анализ оригинальных текстов романов «Зулейха открывает глаза», «Дети мои» и их переводов, выявить и классифицировать лингвокультурные лакуны;
- 4) определить способы элиминирования лингвокультурных лакун в русско-китайском переводе художественного текста на материале произведений Г. Ш. Яхиной;

5) рассмотреть особенности индивидуальных переводческих решений и проанализировать общие закономерности элиминирования лингвокультурных лагун в двух китайский переводах произведений Г. Ш. Яхиной.

Теоретическим обоснованием исследования послужили работы российских и зарубежных исследователей:

– в русле лингвокультурологического подхода к изучению художественного текста [Лотман, 1997; Мурзин, 1994; Маслова, 2001; Гудков, 2003; У Гохуа, 2003; Верещагин, Костомаров, 2005; Воробьев, 2008; Красных, 2008, 2012; Шаклеин, 2012; Карасик, 2015; Алефиренко, 2016; Зиновьева, 2016; Лю Чаоцзе, 2018 и др.];

– в контексте изучения художественного перевода [Якобсон, 1978; Гак, 1979; Влахов, Флорин, 1980; Опарина, 1999; Ермолович, 2001; Сидорова, 2001; Виноградов, 2004; Марковина, Сорокин, 2010; Владова, 2011; Габдреева, 2013; Оболенская, 2013; Евтеев, 2014; Саитбатталова, 2017 и др.];

– в области исследования трансформаций в русско-китайском переводе [Тань Аошуан, 2002; Лю Вэньфэй, 2004; Быкова, 2006; Лу Юнчан, 2007; Лю Чжундэ, 2007; Щичко, 2009; Ван Мэняо, 2012, 2014; Цао Чжундэ, 2014; Волкова, 2017; Кулемина, 2017; Чжан Бин, 2018; Моргун, 2020 и др.];

– в сфере анализа лагун в переводе [Степанов, 1965; Гачев, 1967; Бархударов, 1975; Муравьев, 1975; Стернин, Попова, 2003; Ма Хуньюй, 2003; Глазачева, 2005; Тимко, 2007; Быкова, 2009, 2011; Данильченко, 2014; Чжипин Хань, 2016; Ибрагимова, 2017; Ли Ифан, Прощенкова, 2017; Чан Сянюй, 2017; Юань Линьлинь, 2018; Акай, 2019; Ду Синь, Чулкина, 2021 и др.].

Изучение проблемы обусловило выбор следующих **методов исследования**:

– метод сопоставительного анализа, позволивший выявить общие и дифференциальные признаки текстов оригиналов и переводов на лингвокультурологическом уровне;

– метод компонентного анализа, применяемый для изучения семантического наполнения лексем, лингвокультурологических расхождений в оригинале и переводе;

- контекстуальный анализ, заключающийся в выявлении степени зависимости значения слова от контекста;

- метод лингвокультурологического комментирования, использующийся для интерпретации переводческих решений.

Научная новизна обусловлена тем, что впервые:

- осуществляется обращение к лингвокультурным лакунам в аспекте перевода русского художественного текста на китайский язык, что до настоящего времени не становилось предметом специального исследования;

- проводится сопоставительное изучение лакунарности на материалах произведений Г. Ш. Яхиной и их переводов;

- рассматриваются способы элиминирования лакун в китайских переводах, ранее не упоминавшихся в русском научном дискурсе.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что она содействует изучению проблемы интерпретации художественного текста в русско-китайском переводоведении с лингвокультурологических позиций. В работе предпринимается попытка решить такие важные для сопоставительного языкознания вопросы, как установление причин лакунарности, выявление типологических характеристик лакун, описание способов их элиминирования в художественном переводе с русского языка на китайский.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его результатов в практике улучшения механизмов перевода художественных текстов с русского языка на китайский, при разработке курсов по художественному переводу, лингвокультурологии и межкультурной коммуникации.

Гипотезой исследования стало предположение о том, что национально-культурная специфичность художественных произведений Г. Ш. Яхиной является барьером в переводческой деятельности. Компенсация лингвокультурных лакун в процессе перевода на китайский язык приводит к сдвигу в трансляции национально-культурного и идиостилистического своеобразия художественных текстов автора. Китайские переводчики романов Г. Ш. Яхиной использовали во

многим общие средства при элиминировании лингвокультурных лакун. Различия в адаптации лакун в двух китайских изданиях обусловлены спецификой информационного содержания и структурной композиции оригинальных текстов, творческой индивидуальностью переводчиков.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Сопоставительный анализ оригиналов художественных произведений Г. Ш. Яхиной и их переводов на китайский язык позволяет выявить лингвокультурные лакуны, причиной возникновения которых являются этнокультурный аспект романов писательницы, их стилистическая разнородность, многообразие культурно-маркированной лексики, лингвокультурологические расхождения между исходным языком и языком перевода. В условиях межкультурной коммуникации интерпретация художественных текстов Г. Ш. Яхиной требует от китайских переводчиков обширных фоновых знаний.

2. Изучение лингвокультурных лакун позволяет проследить смещение акцентов в смысловом содержании художественного текста при переводе. Передача произведений Г. Ш. Яхиной на китайский язык влечет за собой семантические трансформации, упрощение идиостилистических особенностей оригинальных текстов, сдвиг в трансляции их этнокультурной специфики.

3. Китайские переводчики романов Г. Ш. Яхиной стремятся адаптировать художественный текст в интересах реципиента перевода, сделать его доступным для читателя. Многочисленные лингвокультурные лакуны в анализируемых текстах, представляющие собой реалии татарской, русской, немецкой культуры, адаптируются в текстах переводов по пути двойного транскодирования – применения приемов экспликации, генерализации, эквивалентной лексико-семантической замены. При этом лингвокультурное своеобразие литературных произведений не исчезает совсем, но несколько затемняется.

4. Сопоставительное исследование художественных произведений Г. Ш. Яхиной и их китайских переводов позволило выявить наиболее эффективные приемы элиминирования лингвокультурных лакун, которое происходит двумя способами – компенсацией и заполнением (перевод с комментарием).

Переводческие решения разъясняют значения лакун, однако они не всегда являются точными. Особую сложность представляет элиминирование ассоциативных и идиостилистических лакун – в некоторых случаях они остаются не раскрытыми для реципиента перевода.

5. Китайские переводы произведений Г. Ш. Яхиной различаются индивидуальностью переводческих решений, которая проявляется в выборе приемов элиминирования лингвокультурных лакун. Также китайские издания демонстрируют общие тенденции перевода, связанные со сдвигом в трансляции лингвокультурной специфичности произведений, частотой употребления приемов экспликации, генерализации и эквивалентной лексико-семантической замены при элиминировании лакун, редукцией стилистических коннотаций слов и фразеологизмов.

Апробация работы. Основные результаты исследования были представлены на следующих всероссийских, международных конференциях и форумах:

– Казанский международный лингвистический саммит (Казанский федеральный университет, г. Казань, 15-19 ноября 2021 г.);

– Третья всероссийская научно-практическая конференция молодых ученых «Осмысляя Восток» (Институт востоковедения РАН, г. Москва, 22-23 апреля 2021 г.);

– Международная научная конференция «Русский язык в современном научном и образовательном пространстве» (Российский университет дружбы народов, г. Москва, 28-29 октября 2020 г.);

– IV Международный молодежный Конвент «Гуманитарное знание и искусственный интеллект: стратегии и инновации» (Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург, 26 марта 2020 г.);

– Международная научно-практическая конференция «Русский язык на перекрестке наук: традиции и инновации в русистике» (Российско-Армянский университет, г. Ереван, 26-28 сентября 2019 г.);

– Международная научная конференция «Аксиологические аспекты современных филологических исследований» (Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург, 15-17 октября 2019 г.);

– Международный молодежный научный форум «Ломоносов» (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, 8-12 апреля 2019 г.);

– III Международный молодежный конвент УрФУ «Многомерность общества: цифровой поворот в гуманитарном знании» (Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург, 14-16 марта 2019 г.).

Основные положения диссертационного исследования отражены в 11 публикациях автора, 5 из которых в журналах, входящих в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата наук.

Наиболее значимые научные публикации:

1. Андреева Я. Е. Элиминирование этнографических лакун при переводе романа Г. Ш. Яхиной «Зулейха открывает глаза» на китайский язык / Я. Е. Андреева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – Том 14. – № 12. – С. 3981-3985.

2. Андреева Я. Е. Лингвистическая репрезентация категории повседневности в романе Г. Ш. Яхиной «Зулейха открывает глаза» и в его переводе на китайский язык / Я. Е. Андреева // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. – 2021. – Том 7. – № 2 (26). – С. 75-93.

3. Андреева Я. Е. Межъязыковые трансформации при переводе с русского языка на китайский романа Г. Ш. Яхиной «Зулейха открывает глаза» / Я. Е. Андреева, Н. В. Лабунец // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. – 2020. – Том 6. – № 4 (24). – С. 6-23.

4. Андреева Я. Е. Преодоление лингвокультурных барьеров в сфере гендерной фразеологии: переводческий эксперимент в китайской аудитории / Я. Е. Андреева // Вестник Пермского национального исследовательского

политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. – 2019. – № 1. – С. 198-208.

5. Андреева Я. Е., Лабунец Н. В. Гендерный русско-китайский фразеологический портрет / Н. В. Лабунец, Я. Е. Андреева // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. – 2018. – Том 4. – № 3. – С. 103-118.

Другие публикации автора:

6. Андреева Я. Е. Межкультурная коммуникация: вопросы теории и практики: монография // Е. О. Аквазба, Я. Е. Андреева, Н. А. Галактионова, Н. В. Лабунец и др. / отв. редактор: Н. А. Никулина. – Тюмень: ТИУ, 2021. – С. 138-198.

7. Андреева Я. Е. Культурно-маркированная лексика в романе Гузели Яхиной «Зулейха открывает глаза» и его переводе на китайский язык // Русский язык в современном научном и образовательном пространстве : сборник тезисов Международной научной конференции, посвященной 90-летию профессора Серафимы Алексеевны Хаврониной. Москва, РУДН, 28–29 октября 2020 г. / под общ. ред. В. М. Шаклеина. – Москва : РУДН, 2020. – С. 307-308.

8. Андреева Я. Е. Феминно маркированные лексические единицы в романе Гузели Яхиной «Зулейха открывает глаза» и его переводе на китайский язык // Stephanos. Рецензируемый мультиязычный научный журнал. Проект филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. – М: МГУ. – 2019. – № 6(38) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://stephanos.ru>.

9. Андреева Я. Е. Аксиологический потенциал имени собственного в романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» и его переводе на китайский язык // Аксиологические аспекты современных филологических исследований: тез. докл. Междунар. науч. конф. (УрФУ, 15–17 октября 2019 г.) / Отв. ред. Н. А. Купина. – Екатеринбург: Издательский дом «Ажур», 2019. – С. 285-286.

10. Андреева Я. Е. Особенности передачи гендерных номинаций лиц с русского языка на китайский (на материале романа Гузели Яхиной «Зулейха открывает глаза» и его перевода) // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2019» / Отв. ред. И. А. Алешковский, А. В.

Андрянов, Е. А. Антипов [Электронный ресурс]. – М: МАКС Пресс, 2019. – Режим доступа: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2019/index.htm

11. Андреева Я. Е. Фразеологическая репрезентация гендерных категорий в русском языке (на фоне китайского) // Русский язык: исторические судьбы и современность: VI Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, филологический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 20–23 марта 2019 г.): Труды и материалы / под общей редакцией М. Л. Ремнёвой и О. В. Кукушкиной. – М.: Издательство Московского университета, 2019. – С. 270-271.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, двух глав, выводов по каждой главе, заключения, списка литературы и двух приложений.

Во введении описано общее направление исследования, поставлены цели и задачи, установлены объект, предмет, материал исследования, обоснованы актуальность и новизна, перечислены методы исследования, сформулирована гипотеза, представлены положения, выносимые на защиту.

В первой главе «Лакуна как объект лингвокультурологического анализа и принципы ее исследования в российской и китайской лингвистике» рассмотрены понятия *лингвокультурология, лингвокультура, межкультурная коммуникация, художественный текст и художественный перевод, лингвокультурная лакуна, элиминирование лакун*; представлена информация о лингвокультурологических исследованиях художественного перевода в России и Китае; выявлены содержание и причины возникновения лингвокультурных лакун в переводе художественного текста с русского языка на китайский; представлена классификация лингвокультурных лакун в русско-китайском переводе литературного произведения.

Во второй главе «Лингвокультурные лакуны и способы их элиминирования в китайских переводах произведений Г. Ш. Яхиной» характеризуются особенности романов писательницы и специфика их переводов на китайский язык; дается классификация лингвокультурных лакун в китайских переводах анализируемых текстов; рассматриваются способы их элиминирования и наиболее эффективные

переводческие решения; предлагаются данные сопоставительного исследования двух переводов.

В заключении формулируются результаты исследования. В двух приложениях представлены контекстные употребления лингвокультурных лакун с дословным обратным переводом на русский.

ГЛАВА 1. ЛАКУНА КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА И ПРИНЦИПЫ ЕЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

1.1. Лингвокультурология в российском и китайском языкознании

В настоящее время лингвистическая наука демонстрирует повышение интереса к изучению взаимосвязи языка и народной культуры, способов идентификации национального сознания, форм культурно-исторического развития языка и самобытности этноса. Эти идеи получили свое отражение в ряде работ, где наряду с основными функциями языка исследователи выделяют его культуронакопительное и культуроприобщающее назначение [Верещагин, Костомаров, 2005, с. 26].

Антропологический подход в современном языкознании обнаруживается прежде всего в переносе акцентов на человека и фактор культуры, в результате чего возникла такая междисциплинарная область науки, как лингвокультурология. Это направление определяется как «комплексная научная дисциплина, изучающая взаимосвязь и взаимовлияние культуры и языка в его функционировании и отражающая этот процесс как целостную структуру в единстве их языкового и внеязыкового (культурного) содержания» [Азимов, Щукин, 2009, с. 127]. Термин «лингвокультурология» раскрывается в работах В. Н. Телия (1996), Н. Д. Арутюновой (1999), В. А. Масловой (2001), Ю. С. Степанова (2001), В. В. Воробьева (2008), В. В. Красных (2008), В. М. Шаклеина (2012), В. И. Карасика (2015), Н. Ф. Алефиренко (2016), Е. И. Зиновьевой (2016), М. Л. Ковшовой, Д. Б. Гудкова (2017) и других лингвистов.

Развитие исследований в области лингвокультурологии обусловлено необходимостью изучения феномена культуры как специфической формы существования человека. Существуют десятки дефиниций понятия «культура». В Большом толковом словаре по культурологии находим следующее определение: «Культура – это совокупность искусственных порядков и объектов, созданных людьми в дополнение к природным, заученных форм человеческого поведения и

деятельности, обретенных знаний, образов самопознания и символических обозначений окружающего мира» [БТСК, 2003]. Любая культура имеет общечеловеческие признаки, а также ряд особенностей, несущих в себе этномаркированную информацию. В компаративистике степень сходства и различия может быть разная – от очень близких до очень далеких культур.

К уникальным компонентам культуры исследователи относят традиции и обычаи, быт и повседневные практики. Отличительной чертой является национальная картина мира, отражающая особенности мышления представителей той или иной этнической общности, которая определяется как «мыслительная, познавательная деятельность народа» [Корнилов, 2003, с. 269]. Это обнаруживается в некоторой стереотипности поведения конкретного народа, в общих убеждениях, в формировании общего для того или иного этноса национального представления о действительности.

Важным национально-специфическим компонентом культуры является язык. В рамках лингвокультурологического направления язык выступает в качестве средства интерпретации человеческой культуры, как «транслятор культурной информации и исторической памяти народа» [Верещагин, Костомаров, 1990, с. 11]. В семантике каждого языка можно выделить как общий, универсальный компонент, так и уникальный. Он может стать средством общения и разобщения людей, основой сохранения этноса или обособления «своего» от «чужого». Носители любой культуры обладают общей когнитивной и коммуникативной базой, которые «обеспечивают выполнение языком и культурой как этноинтегрирующей, так и этнодифференцирующей функции» [Марковина, Сорокин, 2010, с. 16].

Ключевым вопросом лингвокультурологии остается поиск механизмов взаимодействия языка и культуры. Барьером в процессе межкультурного общения являются национально обусловленные особенности контактирующих культур. Важную роль в разрешении этой проблемы играет исследование языка как средства трансляции этнической культуры.

Сказанным определяется актуальность диссертационного исследования, которое включается в рамки антропоцентрической парадигмы в языкознании. Его

объектом является художественный перевод, который следует интерпретировать с лингвокультурологических позиций, поскольку при переводческом акте происходит преобразование литературного произведения в иноязычный и инокультурный текст. Выбор именно этой области исследований объясняется двумя причинами – практической и теоретической.

Практический интерес восходит к практике перевода, в частности, к представлениям о том, что перевод художественного текста невозможен без учета культуры говорящего на этом языке народа, без внимательного изучения реалий и ситуаций другого лингвокультурного пространства, стереотипов мировосприятия и способов их вербализации. Эти же положения являются важнейшими и для межкультурной коммуникации.

Вторая причина выбора названного объекта исследования объясняется тем, что практический интерес соотносится с общим направлением современных исследований в области лингвокультурологии. Художественный текст и перевод как объекты лингвокультурологического анализа изучаются в работах Ю. М. Лотмана (1997, 1999), В. А. Масловой (2001), О. Г. Сидоровой (2001), И. Ю. Марковиной и Ю. А. Сорокина (2010), И. М. Владовой (2011), Ю. Л. Оболенской (2013), И. В. Долининой (2015) и др.

Исследования в области китайской лингвокультурологии стали активно развиваться в 80–90-е гг. Всплеск интереса к данной области лингвистики в Китае произошел по причине продвижения лингвокультурологических исследований в трудах отечественных ученых (В. В. Красных, В. Н. Телия, В. В. Воробьева, Л. Н. Мурзина, Н. Д. Арутюновой, В. А. Масловой), а также в работах китайских лингвистов Шэнь Сяолун, Чэнь Цзяньминь и Чжоу Чжэньхе, которые впервые в истории китайского языкознания начали проводить исследования на стыке языка и культуры [Лю Чаоцзе, 2018, с. 66].

В последнее время китайские лингвисты Чжао Айго и Чжао Миншань рассматривают лингвокультурологию как науку, раскрывающую сущность китайской национальной культуры через ее отражение в слове, характеризуют внутренние и внешние факторы ее развития, которые проявляются в коммуникации,

через общение. «Лингвокультурология фокусируется не только на интерпретации культурной семантики лингвистических символов, но и концентрируется на механизме формирования системы знаний коммуникаторов» [Лю Чаоцзе, 2018, с. 67]. Анализируя работы Пэн Вэнчжао и Сунь Юйхуа, Лю Чаоцзе приходит к выводу о том, что лингвокультурологические исследования направлены на установление через язык, лексикон, тезаурус, прагматикон лингвоспецифичности национального сознания, ментальности, в которых так или иначе проявляется традиционная культура Китая. В круг актуальных задач лингвокультурологии китайские лингвисты включают необходимость дальнейшей разработки методологических, теоретических, лексикографических вопросов, сопоставительных русско-китайских, китайско-русских исследований [Лю Чаоцзе, 2018, с. 68].

Одним из основных понятий диссертационного исследования является термин «лингвокультура». Он имеет широкую трактовку в трудах различных исследователей. В содержание лингвокультуры включаются образы, прецедентные тексты и имена [Юзефович, 2011, 2013], ценности [Латышев, Тимко, 2013], традиции [Супрун, Кудряшова, Брысина, 2013], языковые средства и символы [Пожидаева, 2012]. В трудах В. В. Красных лингвокультура определяется как «культура, воплощенная и закрепленная в знаках языка, явленная нам в языке и через язык» [Красных, 2012, с. 68]. Схожую трактовку термина находим в работах М. А. Федорова, который понимает данный феномен как «совокупность массива информации культуры, получившей объективацию в языке» [Федоров, 2014, с. 64]. Для оптимизации процесса перевода исследователи говорят о необходимости выявления общего и частного на уровне контактирующих лингвокультур.

Анализ отличительных черт лингвокультуры становится востребованным в условиях художественного перевода с русского языка на китайский. Вместе с анализом типологической специфики сопоставляемых языковых систем необходимо оценить особенности на уровне культур России и Китая для создания целостной картины возможных барьеров в переводе.

Анализ научной литературы показывает, что активное сопоставительное исследование русской и китайской лингвокультур началось в конце XX – начале XXI в. Термин «语言文化» (лингвокультура) рассматривается в работах У Гохуа (1996), Цун Япин (1996), Чжао Миньшань (1994), Янь Годун (2001), Сунь Вэньфан (2016), В. А. Пищальниковой, О. В. Дубковой, Цун Фэнлин, Яо Чжипэн (2020) и др. В аспекте сопоставительного исследования лингвокультур рассматриваются образы сознания в языковых знаках [Красных, 2012, с. 71-72].

В настоящем исследовании при сопоставлении русскоязычного художественного текста и его перевода на китайский язык возникает вопрос о том, к какому типу – западному или восточному – относится русская культура. Многие лингвисты, историки и философы считают, что в русской лингвокультуре сочетаются смыслы и ценности восточных и западных цивилизаций. «В России сталкиваются два потока мировой истории – Восток и Запад. Русский народ есть не чисто европейский и не чисто азиатский народ. Россия – огромный Востоко-Запад, она соединяет два мира. И всегда в русской душе боролись два начала, восточное и западное» [Бердяев, 2008, с. 9].

В рамках сопоставления лингвокультур этот вопрос является очень важным, так как расхождения в понимании базовых концептов у представителей азиатской и европейской культур значительны. «За многие годы сравнительного изучения западной и азиатской культур в науке сложились стереотипы, в которых динамизму первых противостоит статичность вторых, "молодости" первых – "старость" вторых, ориентации на свободу – ориентация на деспотизм» [Ерасов, 1989, с. 73].

Ричард Нейсбит в исследовании «География мысли» подмечает разницу между западным и восточным типами мышления. По мнению ученого, «китайцы верят в постоянные перемены, после которых все возвращается к некоему изначальному состоянию. Они уделяют внимание самым разнообразным событиям, ищут взаимосвязи в природе и жизни, считают, что невозможно понять часть без понимания целого. На Западе люди живут в более простом, детерминированном мире. Их взгляд сосредоточен лишь на крупных деталях и объектах, не охватывая

всей картины; они думают, что способны контролировать события, зная законы поведения этих отдельных объектов» [Нейсбит, 2012, с. 14]. Из этого можно заключить, что лингвокультурологический анализ оригинального художественного текста и его перевода базируется на неразрывном единстве с изучением культурных кодов, типов мировоззрений, различия в которых обуславливают различия в сопоставляемых текстах и языках.

В процессе сравнения российской и китайской лингвокультур ученые проводят анализ «национальных ценностей, объективированных в языке и закрепленных в языковых единицах, пригодных для лингвокультурологического анализа» [Волков, Гурулиева, 2019, с. 59]. Каждый язык несет в себе культурно маркированный пласт информации об особенностях быта, обычаев и традиций того или иного народа, его исторического прошлого. С точки зрения Е. О. Опариной, фактор культуры проявляется в языке в виде культурных сем, культурного фона, культурных коннотации и культурных концептов [Опарина, 1999, с. 99]. Определим содержание данных понятий.

1. Культурные семы – это компоненты лексического значения слова, несущие в себе национально обусловленную нагрузку и раскрывающиеся только в процессе сопоставления. В данном случае речь идет о реалиях, «словах и словосочетаниях, называющих объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому; будучи носителями национального и / или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках...» [Влахов, Флорин, 1980, с. 65].

Остановимся подробнее на способах перевода реалий с русского языка на китайский и проиллюстрируем особенности передачи культурно-маркированных лексем на материале произведения «Евгений Онегин». В романе в стихах А. С. Пушкина слово «самовар» появляется в главах II и III: «*Зовут соседа к самовару, А Дуня разливает чай*» [Пушкин, 1999, с. 36]; «*Смеркалось, на столе, блистая, шипел вечерний самовар*» [Пушкин, 1999, с. 70].

Китайский переводчик Фэн Чунь перевели «самовар» как «茶炊» (досл. «чайная посуда») [Фэн Чунь, 1999]. Людям, не знающим русскую культуру, традиции и русский язык, трудно понять, что значит «茶炊», потому что его буквальное толкование имеет широкий диапазон.

Следует отметить, что словосочетание «火锅» (китайский самовар) с основным компонентом «самовар» не обозначает посуду, связанную с чаем, а имеет совсем другое значение: «火锅 金属或陶瓷制成的用具, 锅中央有炉膛, 置炭火, 使菜保持相当热度, 或使锅中的汤经常沸腾, 把肉片或蔬菜等放在汤里, 随煮随吃. 也有用酒精, 石油液化气等做燃料的. 用电加热的叫电火锅» [Синьхуа], что в переводе с китайского означает «посуду из металла или керамики, имеющая очаг в центре горшка, где разводится огонь, чтобы держать блюдо из мяса и овощей достаточно горячим. В качестве топлива для него могут использовать уголь, спирт, сжиженный газ и т.д.». Таким образом, хотя по своему ключевому лексическому компоненту понятия «火锅» (китайский самовар) и «русский самовар» похожи, их назначение не совпадает.

2. Культурный фон – это информация различного характера, которая окружает слова и присутствует в сознании представителей определенного лингвокультурного общества [Верещагин, Костомаров, 2005, с. 56-65].

В китайской мифологии есть персонаж Чанъэ, который почитается в даосизме как богиня Луны. Именно богине Чанъэ посвящен Праздник середины осени. Почитание богини Луны у китайцев легло в основу многих идиом о женской красоте: 月里嫦娥 (Лунная Чанъэ, в значении невероятной красавицы), 月眉星眼 (досл. «брови как луна, глаза как звезды»), 花容月貌 (досл. «внутри – цветок, снаружи – луна»), 闭月羞花 (досл. «затмить луну и посрамить цветы») [СКФПАЯ, 2005; БКРС-Э].

Для русской лингвокультуры не характерно сравнение женской красоты с Лунной, однако во фразеологическом фонде о женщине встречаются прецедентные имена из русского фольклора, например: *Царевна Лебедь* (сказочный персонаж, в

значении красивой женщины), *Царевна Несмеяна* (о тихоне, скромнице) [ФСРЛЯ, 2008]. Вышеприведенные устойчивые выражения могут вызывать ситуации непонимания в процессе межкультурной коммуникации, поэтому при переводе учет культурного фона определенного народа становится особенно важным.

3. Культурная коннотация трактуется как дополнительные оттенки значения слова или выражения. По мнению В. А. Масловой, их суть заключается «в усилении отдельных аспектов значения слова или в самой его внутренней форме, провоцирующей те или иные ассоциации» [Маслова, 2001, с. 44–56]. Коннотативные значения присутствуют в каждой лингвокультуре, и поэтому их перевод требует некоторых преобразований в соответствии с типичными образами принимающей культуры.

Ярким примером репрезентации национально-культурных коннотаций являются числа. Изучение цифровой символики в русском языке на фоне китайской лингвокультуры обнаруживает значительные расхождения. Так, например, в китайской культуре число 4 (四 sì) обладает крайне отрицательной коннотацией, поскольку в силу сильной омонимии китайского языка оно созвучно со словом «смерть» (死 sǐ). В русской культуре числу 4 не приписывается столь негативное значение.

4. Культурные концепты представляют собой понятия, относящиеся к духовной и материальной сфере существования людей, в семантике которых «понятийный аспект преобладает над денотативным» [Опарина, 1999, с. 89]. Их содержание раскрывается через обращение к аксиологическим установкам, характерным для данной лингвокультурной общности.

Рассмотрим национально-культурную специфику в отношении такого базового концепта любой культуры, как семья. Семейные ценности служат вектором в аксиологической системе координат русской и китайской лингвокультур. А. Я. Иванова в своем исследовании «Специфика концепта "семья" в русской и китайской лингвокультурах (на примере пословиц о семье)» (2019) устанавливает отличия в содержании данного концепта в русской и китайской

лингвокультурах. Для китайской культуры более характерен культ старших членов семьи, поскольку «孝慈» («сыновняя почтительность») является ключевым понятием конфуцианства. Информация об этом содержится в многочисленных чэньюй (成语) – устойчивых оборотах, состоящих чаще всего из четырёх иероглифов, например: 入孝出悌 (досл. «почитай старших»), 家有一老, 如有一宝 (досл. «старик в доме – сокровище») [СКФПАЯ, 2005; БКРС-Э].

Наполнение китайского концепта «сыновняя почтительность» раскрывается в канонических трудах Конфуция, Мэн-цзы, в литературном произведении Го Цзюйцзин (郭居敬) «二十四孝» («24 истории о сыновней почтительности»). Этот текст является своеобразным пособием, обучающим взаимоотношениям со старшим поколением в следующих историях: «孝感动天» («Сыновняя почтительность растрогала небеса»), «埋儿奉母» («Похоронить сына ради матери»), «卖身葬父» («Торговать собственным телом, чтобы похоронить родителей»), «扼虎救父» («Душить голыми руками тигра, чтобы спасти отца»), «恣蚊饱血» («Накормить комаров своей кровью, чтобы они не покусали родителей») [Энциклопедия Байду] и др. И сегодня в китайской культуре демонстрируется глубокое уважение к старшему поколению.

По замечанию А. Я. Ивановой, если в китайской культуре важное значение отводится принципу «сыновней почтительности», то для русской лингвокультуры характерен культ детства [Иванова, 2019]. Данное утверждение поддерживается следующими фразеологизмами: *Дети что цветы – уход любят; Изба детьми весела; Дети – благодать наша; Богат сынами, славен дочерями; С детьми горе, а без них вдвое; Не вскормивши малого, не видать и старого* [БСРП, 2010]. Следует отметить, что в процессе межкультурной коммуникации требуется дальнейшее сравнительно-сопоставительное изучение русской и китайской лингвокультур, способствующее разработке механизмов адекватной интерпретации этномаркированного наполнения концептов при художественном переводе.

Подчеркнем, что сопоставительное изучение национальных лингвокультур может проводиться по разным основаниям, однако наиболее продуктивным такое исследование становится, если оно основывается на художественных текстах оригинала и его перевода, соотносящихся с одним и тем же синхроническим срезом.

1.2. Художественный текст в русско-китайской межкультурной коммуникации

Известно, что художественная культура обладает специфическими особенностями, а текст является ее неотъемлемой частью. По мнению В. А. Масловой, текст «пронизан множеством культурных кодов» [Маслова, 2001, с. 35–36], которые в большей степени присущи художественному тексту как некой модели мира, построенной автором посредством художественных образов.

Анализируя параметры литературного произведения с позиции лингвокультурологии, В. В. Воробьев говорит о том, что «во-первых, художественный текст фиксирует определенную картину мира данной культурноязыковой общности. Во-вторых, текст как характеризующая языковая реализация личности отражает уровень культуры в синхронии, как это представлено конкретным *homo loquens* (человек говорящий) здесь и сейчас» [Воробьев, 2008, с. 302].

В настоящее время художественный текст, будучи разноаспектным и многоплановым явлением, становится предметом изучения множества лингвистических направлений. Литературное произведение не только выражает авторский замысел, вызывает эмоциональный отклик у читателя, но и является «носителем концептуально нагруженной и ценностно ориентированной информации, физическим бытием социально значимой художественной мысли» [Борев, 2002, с. 23]. Лингвокультурологический аспект перевода, ставший одной из центральных проблем современного переводоведения, нацелен на изучение слова, которое вовлечено в «ту систему координат, в которой человек живет, в которой формируется образ мира» [Лурье, 1997, с. 221].

В работах Ю. М. Лотмана (1997, 1999) язык художественного произведения рассматривается в качестве совокупности лингвистических средств, содержащих определенную национально обусловленную информацию. В этом смысле язык «представляет особый материал, отмеченный социальной активностью ещё до того, как к нему прикоснулась рука художника» [Лотман, 1997, с. 206]. Учёный утверждает, что «писатель обращается к материалу, в котором конденсированы итоги многовековой деятельности человека, направленной на познание жизни» [Лотман, 1997, с. 207].

В соответствии с вышеперечисленными исследовательскими позициями, анализ художественного текста с точки зрения реализации в нем фактора культуры становится крайне актуальным. В поддержку этой мысли Л. Н. Мурзин подмечает, что «культура "разлагается" на тексты, состоит из текстов, хотя качественно не сводится к ним» [Мурзин, 1994, с. 165]. Схожее мнение находим в работах С. В. Ивановой, которая определяет художественный текст как «ярчайшее порождение симбиоза языка и культуры, актуализирующее и манифестирующее особенности лингвокультурного кода, создающее почву для "многоголосия" художественного текста» [Иванова, 2003, с. 123].

Исходя из этого следует, что изучения лингвокультурных параметров художественного текста представляется перспективной областью исследования. Автор является представителем определенной народности, что неизбежно вписывает его в тот или иной лингвокультурный контекст, следовательно, языковая картина мира автора наделена спецификой языкового сознания всего народа, на языке которого написано произведение. Однако не стоит исключать и тот факт, что язык каждого художественного текста так же имеет специфические свойства, которые обусловлены исключительностью автора, особенностями его идиостиля.

В качестве ситуации межкультурного общения мы, вслед за Е. О. Опариной (1999), О. Г. Сидоровой (2001), С. В. Евтеевым (2014), Ю. Л. Оболенской (2013), рассматриваем процесс художественного перевода. Под художественным переводом понимается «вид переводческой деятельности, функционирующий в сфере художественной литературы, который является инструментом культурного

освоения мира и расширения коллективной памяти человечества, фактором самой культуры» [ТПС, 2003, с. 246-247].

Исследователями в разных работах были сформулированы основные требования к переводу художественных произведений: передать дух переводимого текста; произвести на реципиента перевода то же впечатление, что и оригинал производит на своего читателя; воспроизвести индивидуальное своеобразие исходного текста и сохранить его эстетическое восприятие; сохранить тонкости содержания иноязычного текста. Именно поэтому художественный перевод представляет собой «особый вид межкультурной, культурно-этнической и художественной коммуникации, для которой непреходящей ценностью является собственно текст как значимая смысловая величина и предмет художественного изображения и восприятия» [ТПС, 2003, с. 246-247].

Художественный перевод рассматривается как трансфер инокультурного текста в новую лингвокультурную парадигму. При этом «чужая» культура рассматривается как совокупность специфических кодов, которые являются «чужими» для другой лингвокультуры. Другими словами, «процесс понимания незнакомой культуры – расшифровка "чуждых" кодов, преобразование их в свои, "естественные"» [Марковина, Сорокин, 2010, с. 18].

В последнее время наметился определенный интерес в аспекте лингвокультурологической проблематики переводоведения. Художественный текст является площадкой для российско-китайского межкультурного взаимодействия: по мнению Ю. М. Лотмана, «текст ведет себя как собеседник в диалоге, перестраивается по образцу аудитории» [Лотман, 1999, с. 113].

Русская художественная литература имеет свою историю и традиции перевода на китайский язык. Китайские лингвисты отмечают: «С целью знакомства с русской цивилизацией и заимствования у нее передовых идей, у нас в Китае начали переводить классическую русскую литературу уже с середины XIX в. В 50-60-е гг. прошлого века огромное количество переводов советских изданий с научно-технической тематикой дало сильный толчок экономическому строительству в Китае» [Чжан Бин, 2018, с. 70].

Длительное время в традиционном китайском переводе господствовали идеи «信达雅» (досл. «достоверность, норма, стиль»), когда основным критерием хорошего перевода считалось максимальное сходство с оригиналом. Изучая традиции китайской школы перевода, Янь Фу приходит к заключению, что и в XX в. эти идеи оставались преобладающими [Чэнь Фукаун, 2002].

Современное китайское переводоведение, как отмечает Ван Мэняо, рассматривает перевод через призму межкультурного диалога, когда «чужая» лингвокультура, пересекая границы языка, способствует восприятию новой информации и обогащению национальной культуры Китая. Подчеркнем, что такое понимание сути переводческого акта коррелирует с мнением российских исследователей, которые трактуют перевод как инструмент «культурного освоения мира и расширения коллективной памяти человечества» [Ван Мэняо, 2012, с. 18].

Ученый Ван Мэняо анализирует китайские, российские, европейские исследовательские ориентации в переводе и приходит к выводу, что китайские переводчики «по-прежнему с большим уважением относятся к традиционным идеям национальной школы перевода, в частности, к концепции "верности"» [Ван Мэняо, 2012, с. 17], в связи с чем «для китайских исследований перевода в большей степени свойственен консерватизм, почитание классических идей мыслителей старого мира, а на Западе новаторство фактически привело к нивелированию значения классических идей» [Ван Мэняо, 2012, с. 23].

По утверждению ученых, в настоящее время исследователи теории перевода в аспекте русско-китайской языковой пары продолжают обращаться к вопросам межъязыковых переводческих трансформаций, вопросам переводимости / непереводимости, трансляции культуры в переводе, производить оценку различных переводческих ситуаций и решений [Моргун, 2020, с. 91]. Вместе с тем проблема переводческих искажений, игнорирования лингвокультурных составляющих текста проявляется всё более выпукло.

Особую сложность в русско-китайском художественном переводе представляет соотносительность переводного текста с понятиями эквивалентности и

адекватности. Оценивая переводы А. С. Пушкина на китайский язык, исследователи утверждают, что художественный перевод представляет настолько значительную сложность, что в ряде случаев отрицается сама возможность эквивалентной передачи смысла с одного языка на другой: «Создание адекватного перевода художественного текста – практически невыполнимая задача, так как чрезвычайно трудно передать не только смысл и грамматические конструкции с одного языка на другой, но и донести до читателей систему художественных образов произведения» [Кулёмина, 2017, с. 152].

Переводоведы разрабатывают все новые способы преодоления межкультурных барьеров: «В этих случаях возникает вопрос о рентабельности перевода, вопрос об использовании иного вида языкового посредничества (пересказа). Подтверждается тезис, что перевод – далеко не всегда оптимальный способ преодоления лингвоэтнического барьера» [Тимко, 2007, с. 8]. Преодоление лингвокультурных барьеров считается одной из фундаментальных проблем в переводе. Многие авторы высказывают точку зрения о неизбежности в процессе перевода определенных смысловых потерь, особенно в условиях русско-китайского перевода.

Большой интерес к переводческим проблемам проявляют китайские исследователи [Лу Юнчан, 2007; Чжао Миньшань, 1994], хотя, как показали работы Ван Мэняо, в Китае продолжают дискуссии по теоретическим и практическим вопросам переводоведческой науки. С одной стороны, доказывается необходимость создания теории переводоведения, опирающейся на традиционную концепцию «верности» (феномен 心 (xīn), с кит. «вера, надежность, сердце»), с другой – обосновывается академический подход, в соответствии с которым развитие китайского переводоведения должно осуществляться в русле общих, универсальных, мировых тенденций развития науки о переводе [Ван Мэняо, 2014, с. 64–65].

Одним из аргументов сторонников «китайской школы» является справедливый тезис о том, что не может существовать единая теория перевода, одинаково приемлемая для всех языков мира, поэтому необходимо в каждом

конкретном случае говорить о «переводе с китайской национальной спецификой». Но, как справедливо отмечает Ван Мэняо, и «традиционалисты», и «универсалисты» так или иначе пытаются решить один вопрос: «как правильно перевести оригинал», учитывая тот факт, что перевод должен осуществляться «верно, понятно, лояльно» [Ван Мэняо, 2014, с. 67].

Подводя итог вышесказанному, стоит отметить, что традиционная теория перевода в Китае, базирующаяся на принципах «достоверности», «грамотности», то есть формальной близости текста к оригиналу, в последнее время переориентировалась на поиски новых подходов. По замечанию китайских переводоведов, на современном этапе все чаще стали подвергаться анализу межъязыковые трансформации, осуществляемые в процессе передачи инокультурного художественного текста, изучаться прагматические и культурологические аспекты перевода.

1.3. Проблема выявления и интерпретации лингвокультурных лакун

Исследуя художественную литературу как вербальный аспект культуры, исследователи И. Ю. Марковина, Ю. А. Сорокин в работе «Введение в лакунологию» (2010) рассматривают отношения внутри триединства «автор – текст – реципиент». Лингвисты определяют трех участников переводческого акта: автор, переводчик (который одновременно является и реципиентом, и трансформатором текста) и читатель [Виноградов, 2004]. Вместе с тем одними из ключевых проблем современного переводоведения признаются моделирование стратегии достижения эквивалентности перевода, сохранение лингвокультурного контекста исходного произведения.

Перевод художественного произведения представляет собой процесс передачи литературного текста в «чужую» культуру, который при этом должен получить определенную переводческую эквивалентность. Связь между исходным и переводным текстами – это «не только межъязыковые отношения, но и отношения между исходной и переводной культурами» [Евтеев, 2014, с. 330].

В настоящем исследовании мы обращаемся к модели перевода, предложенной И. Ю. Марковиной и Ю. А. Сорокиным. При лингвокультурологическом подходе художественный перевод понимается как двухэтапный процесс.

Первый этап нацелен на трансфер оригинального текста в другую культуру, при котором переводчик становится посредником между двумя культурами. Сталкиваясь с национально-культурным своеобразием оригинального текста, переводчик неизбежно обнаруживает различные расхождения на языковом, понятийном уровнях двух культур.

Второй этап на пути исходного текста к инокультурному читателю – это его восприятие реципиентом перевода. Результатом данного этапа являются различные проекции реципиентов, определяющиеся во многом их национально-культурной принадлежностью. Однако каждый реципиент понимает текст по-своему. Это обусловлено комплексом факторов, сформулированных З. И. Клычниковой: однозначность языковой информации, соотношение понятийных систем отправителя и получателя информации, коммуникативная насыщенность текста, общие и специальные знания, индивидуально-психологические особенности получателя перевода [Клычникова, 1983, с 87]. Содержание текста так же влияет на адекватность его интерпретации.

Все, что воспринимается реципиентом перевода как непонятное, является сигналом присутствия в тексте лакун определенного типа. Феномен лакунарности как проявление национальной специфики двух контактирующих культур в последние десятилетия стал предметом активных исследований. Изучение понятия «лакуна» актуально прежде всего для переводоведения. Ученые отмечают, что первичной характеристикой лакуны является ее межкультурный статус, поскольку «вне ситуации межъязыкового контакта явление лакунарности теряет свою релевантность» [Ибрагимова, 2017, с. 11].

Теория лакун является одним из перспективных направлений лингвистических исследований, вносит существенный вклад в развитие теории перевода и межкультурной коммуникации. Лакуны возникают в результате «проекции тех или иных элементов вербального и невербального опыта носителей

"чужой" культуры на "аксиологическую ось" автохтонного образа мира» [Grodzki, 2003, с. 97]. Лакунарные единицы отражают неконгруэнтность образов в различных лингвокультурах, затрудняют переводческую деятельность и находятся под пристальным вниманием современных переводоведов.

Расхождения в языках и культурах фиксируются исследователями в различных терминах. Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров используют термин «безэквивалентная лексика», которая понимается как «слова, план содержания которых невозможно сопоставить с какими-либо иноязычными лексическими понятиями» [Верещагин, Костомаров, 2005, с. 93]. Определяя национально-специфические смыслы, которые затрудняют межкультурное взаимодействие, Г. Д. Гачев употребляет метафору «заусеницы», которые «задираются» в процессе диалога культур [Гачев, 1967]. Ю. С. Степанов применяет лексему «антислова» [Степанов, 1965], С. И. Влахов и С. П. Флорин – термин «реалии» [Влахов, Флорин, 1980, с. 85], Л. А. Шейман – «этноэидема» [Шейман, Варич, 1976]. В зарубежной лингвистике существуют такие термины, как «гар» (дыра, пробел) [Hale, 1975], «random hole in a pattern» (случайные пропуски в речевых моделях) [Hockett, 1954].

Рассмотрим определения понятия «лакуна», которые были представлены в работах отечественных и зарубежных лингвистов.

В теории перевода лакуны обозначают «пробелы, незаметные изнутри». В Толковом переводоведческом словаре находим следующую дефиницию: «Лакуны – отсутствие лексических эквивалентов в одном языке обозначениям, преимущественно национальных реалий, в другом» [ТПС, 2003, с. 97]. И. И. Ревзин и В. Ю. Розенцвейг применяют понятие лакуны к случаям, «когда ситуации, обычные для культуры одного народа, не наблюдаются в другой культуре» [Ревзин, Розенцвейг, 1964, с. 18].

Ю. С. Степанов, исследовавший лакуны в русско-французском переводе художественного текста, указывает, что «сравнительное описание норм двух языков вскрывает существующие в каждом языке словарные пробелы, "белые пятна" на семантической карте языка, незаметные изнутри, например, человеку, владеющему только одним языком» [Степанов, 1965, с. 120]. Л. С. Бархударов

выделяет группу «случайных лагун», «которым по каким-то причинам нет соответствия в виде слов или устойчивых словосочетаний другого языка» [Бархударов, 1975, с. 93]. В исследованиях Г. В. Быковой, И. А. Стернина лагуна представляет собой «отсутствие межъязыкового соответствия в одном языке относительно другого» [Быкова, 2009, с. 3].

Сходное понимание лагун мы находим в работах зарубежных лингвистов. Эрика Гродски пишет: «*Lacunae* are often understood as cultural specific information that is "missing" and/or is simply not understood by non-members of the given culture» [Grodzki, 2006, с. 95]. В своем исследовании Ледиа Казази приходит к следующему определению: «*The lacuna* is a semantic entity, a contextual cultural invariant, which provides a degree of non-compatibility between two or more semantic systems» [Kazazi, 2014, с. 354].

В китайском языкознании понятие лагуны фиксируется различными лексемами, такими как «空白» (пустое место), «空隙» (дыра), «过失» (упущение), «阙文» (пропуск в тексте, лагуна). Последнее определяется как: «1. 原指有疑暂缺的字. 后亦指有意存疑而未写出的文句. 2. 脱漏的字句. 3. 犹佚文» [ЭКС] (с кит. «1. Отсутствующее слово. Впоследствии стало относиться к целым фразам. 2. Пропущенные слова и предложения. 3. Пропуск в тексте»).

В настоящей работе лагуна рассматривается не только как пробел в системе языка, но и как несовпадение в образах культур. В данном случае речь идет о лингвокультурных лагунах. Из приведенных выше определений следует, что лагуны выявляются только в ситуации контакта двух культур, при этом в процессе сопоставления с другим языком могут быть обнаружены абсолютно неконгруэнтные фрагменты лингвокультуры – полные лагуны, а в сравнении с третьим – практически совпадающие образы, что означает отсутствие лагуны. Следовательно, к основным признакам лагун относятся «непонятность, непривычность, чуждость» понятий для реципиента [Глазачева, 2005, с. 32].

В концепции А. И. Стернина, З. Д. Поповой (2003) наличие лагун объясняется несоизмеримостью сопоставляемых языковых картин мира, в которых

транслируются социально типичные представления носителей языка. Языковая картина мира представляет собой «определенный универсальный и в то же время национально специфичный способ восприятия и организации (концептуализации) мира, в котором выражаемые значения складываются в единую систему взглядов (коллективную философию), которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка» [Апресян, 1996, с. 39]. Именно эта культурно обусловленная система взглядов каждого этноса лежит в основе концепции о «лакунизированном характере» [Сорокин, 1988, с. 110] межкультурной коммуникации.

Вслед за ведущими исследователями в области лакунологии (А. И. Стерниним, Н. Л. Глазачевой, Г. В. Быковой, Т. Ю. Данильченко и др.), мы понимаем лингвокультурную лакуну как «несовпадение, возникающее при сопоставлении понятийных, языковых, эмоциональных и других категорий двух или нескольких лингвокультурных общностей» [Данильченко, 2014, с. 52]. Лингвокультурная лакуна при сопоставлении двух языков (в данной работе – русского и китайского) «адаптирует ценностно-смысловые представления и реалии одной знаковой системы к другой и, таким образом, в зависимости от интерпретации перекодируемой информации, дистанцирует или наоборот, социализирует различные системы знаний» [Агошкова, 2019, с. 19].

Такой подход к интерпретации лакуны связан с исследовательскими представлениями об обусловленности языка спецификой мышления и культуры. Следовательно, лакуна, как уже было отмечено, возникает в тот момент, «когда трансфер элемента из одной культуры в другую оказывается невозможным или только частично возможным» [Глазачева, 2006, с. 119].

В отечественном переводоведении традиционно принятой является концепция лакун, предложенная Ю. А. Сорокиным и И. Ю. Марковиной [Сорокин, Марковина, 1988], которые понимают это явление как выражение несоизмеримости культур и языков. При этом ученые отмечают, что эти различия не существуют обособленно: «только контакт с другими, сравнение своего с чужим придает тем или иным элементам статус дифференциального признака» [Папикян, 2008, с. 479].

Все это свидетельствует о том, что понятие лингвокультурной лакунарности является наиболее актуальным для переводоведческой науки и межкультурной коммуникации. Эта мысль нашла свое отражение в работах И. Ю. Марковиной, Ю. А. Сорокина, И. А. Стернина, Г. В. Быковой, Н. Л. Глазачевой и др. Именно эти лингвисты развивали и продолжают развивать такую область знания науки о языке, как лакунология. Кроме того, стараниями российских и зарубежных ученых были собраны масштабные корпусы лакунарных единиц на материале различных языков. К таковым следует отнести «Словарь этнографических абсолютных лакун для французов» В. Л. Муравьева (1975), «Лакуны русского языка: словарь» Г. В. Быковой, В. Л. Фраер, И. А. Стернина (2009), где материал рассматривается в зеркале английского, польского, французского, испанского, итальянского и немецкого языков, а также «Тематический словарь лакун русского языка на фоне китайского» Г. В. Быковой (2011) и др.

Ю. А. Сорокину принадлежит мнение о том, что лакунология способна решить многие переводоведческие проблемы [Сорокин, 2003, с. 6]. Заметим, что назревшая в русско-китайском переводе проблема интерпретации художественного текста активно использует идеи лингвокультурологии, а теория лакун приобретает культурологический статус и безусловную значимость в совершенствовании приемов перевода. Перевод не стоит рассматривать исключительно как передачу языковых единиц из одного языка в другой. В последнее время наметился более широкий исследовательский подход к изучению перевода в национально-культурном и прагматическом контекстах, в рамках которых особую значимость приобретает исследование лакунарных явлений, связанных с национальными культурами, традициями, религией и историей народов.

1.4. Типология лингвокультурных лакун в русско-китайском переводе художественного текста

Переходя к систематизации лакун, следует сказать, что исследователи выделяют лакуны **абсолютные** и **относительные**. Так, в работе В. Л. Муравьева

[Муравьев, 1975] представлены основания разграничения лакунарных единиц языка по степени несходства. Лакуны называются *абсолютными*, «если их эквиваленты в другом языке не могут быть переданы при помощи одного слова, а лишь посредством словосочетания» [Муравьев, 1975, с. 31]. В. И. Жельвис определяет абсолютные лакуны как «то, что в одних языках и культурах обозначается как "отдельности", а в других не сигнализируется, то есть не находит общественно закрепленного выражения» [Жельвис, 1977, с. 136].

Под *относительной* лакуной Ю. С. Степанов понимает «слово или словоформу, существующие в национальном языке и употребляющиеся очень редко» [Степанов, 1965, с. 121]. Однако стоит отметить, что деление лакун на абсолютные и относительные поддерживается не всеми исследователями. В частности, по мнению Д. Б. Гудкова, сам термин «относительная лакуна» нельзя считать удачным, поскольку «не может быть относительного пробела» [Гудков, 2003, с. 79].

Исследователь В. Л. Муравьев [Муравьев, 1975] различает **культурологические** и **лингвистические** лакуны. Из самого названия первых следует, что эти лакуны возникают в результате национально-культурной специфики участников коммуникации. **Культурологические** лакунарные единицы можно разделить на четыре группы [Марковина, Сорокин, 2010, с. 45]:

1) *Субъектные (национально-психологические, характерологические) лакуны*, которые репрезентируют национально-культурные особенности участников коммуникации. В результате выявления подобных лакун фиксируются наиболее характерные для представителей определенной культуры черты. Так, к субъектным лакунам могут быть отнесены пунктуальность немцев, трудолюбие японцев, уравновешенность в английском национальном характере. Безусловно, эти стереотипные представления могут отражаться в художественной культуре и представлять трудности при переводе.

Ряд исследователей относит к этой группе *культурно-эмотивные лакуны*, которые транслируют чувства и представления, национальный темперамент [Эртельт-Фиит, Денисова-Шмидт, 2007, с. 42].

2) *Деятельностно-коммуникативные* лакуны несут в себе информацию об особенностях протекания различных видов деятельности и коммуникации в повседневных практиках того или иного этноса. В работе исследователей А. Эртельт-Фиит, Е. Денисовой-Шмидт эта классификационная сетка разбивается на такие разновидности деятельностных лакун, как жестовые, поведенческие, этикетные, лакуны в сфере использования языка и повседневных стереотипов («рутинные» лакуны) и др. [Эртельт-Фиит, Денисова-Шмидт, 2007, с. 43].

3) *Лакуны культурного пространства*, в состав которых входят следующие элементы: окружающий мир и уклад жизни представителей лингвокультурной общности, культурный фонд типичного представителя этой общности, образ представителей «своего» и «чужого». Этот тип лакун, указывающий на своеобразие быта той или иной культуры, является наиболее чутким барометром лингвокультурной лакунарности в аспекте перевода. В художественных произведениях они проявляются в реалиях культуры, указывающих на различия в организации материального мира.

4) *Текстовые* лакуны демонстрируют специфику текста (содержание, форму фиксации, поэтику автора и др.).

В работах других исследователей данная классификация дополняется или переосмысливается другими терминами. Так, например, в работе Л. В. Муравьева «Лексические лакуны на материале лексики французского и русского языков» [Муравьев, 1975] представлен термин «этнографические лакуны». Исследователь разделяет их на следующие группы: *абсолютные этнографические лакуны*, которые непосредственно связаны с внеязыковой национальной реальностью; *относительные этнографические лакуны*, относящиеся к распространенности данной вещи (явления) в быту народа; *ассоциативные лакуны*, которые способны вызывать у носителей языка определенные языковые ассоциации [Муравьев, 1975, с. 31].

Помимо вышеприведенных разновидностей культурологических лакун, в различных работах можно встретить дополнения к предложенным классификациям. В частности, А. Эртельт-Фиит, Е. Денисова-Шмидт выявляют *аксиологические*

лакуны, которые возникают вследствие различных оценок и интерпретаций в сопоставляемых культурах [Эртельт-Фит, Денисова-Шмидт, 2007, с. 43].

Переходя к опыту систематизации **лингвистических** лакун, следует отметить, что данная разновидность лакунарных явлений проявляется в процессе сравнения различных уровней контактирующих языков. Эти единицы можно назвать чисто языковыми, поскольку их наличие не зависит от экстралингвистических факторов, но обусловлено тем фактом, что один язык выделяет и фиксирует определенный объем понятий, в то время как другой язык представляет это же понятие в другом объеме или оформляет явления внеязыковой действительности другого порядка. Идея разноуровневой языковой лакунарности выражается в работах Г. В. Быковой, Н. В. Габдреевой, И. Ю. Марковиной, Ю. А. Сорокина, В. Л. Муравьева и может быть представлена в классификации, содержащей три группы лакун – лексических, грамматических и стилистических.

Исследователи классифицируют лакуны с учетом различных факторов, в отношении к различным языковым парам. Исходя из необходимости изучения сущности лингвокультурных лакун именно в аспекте русско-китайского перевода, нужно систематизировать лакунарные единицы, беря во внимание специфику анализируемого материала. Следует отметить, что культурные отличия порождают большее количество трудностей в переводе, чем чисто лингвистические. В связи с этим мы ограничились выборочной характеристикой некоторых из вышеперечисленных категорий лакун, дополнив их причинами возникновения лингвокультурной лакунарности в китайском языке в зеркале русского, описанных в работах Чжань Дэхуа (1994), Ма Хуньюй (2003), Чжипин Хань (2015), Ли Ифан, Н. В. Прощенковой (2017), Чан Сянюй (2017) Ду Синь, Н. Л. Чулкиной (2021) и др.

1. Этнолингвистические лакуны. В контексте предпринятого исследования используется термин «этнолингвистические лакуны». Понятийное содержание термина соответствует пониманию этнолингвистики в традициях этнолингвистической школы Н. И. Толстого, С. М. Толстой, М. Э. Рут, Е. Л. Березович, Т. В. Леонтьевой и др. Этнолингвистика детерминирует лакуну как «национально-специфический элемент культуры, нашедший отражение в языке

носителей одной культуры, который либо полностью не понимается, либо недопонимается носителями другой культуры и языка в процессе коммуникации» [Томашева, 1995, с. 51].

Этнолингвистические лакуны чаще репрезентированы этнографизмами, выражающими не только лакунарные предметы, явления народного быта, но и элементы народной культуры, имплицитно представленной в слове / словосочетании. Этнографизмы свидетельствуют об уникальности лингвокультуры, имеют особое фонетическое оформление, поэтому их выявление не вызывает затруднений.

К лингвокультурным лакунам прежде всего можно отнести уникальные для каждого этноса названия блюд и напитков, наименований одежды и обуви, национальных праздников, которые связаны с историей, культурой и средой обитания того или иного народа. Русская и китайская культура имеют разные исторические корни, что объясняет различия образа жизни, менталитета, традиций и обычаев народов.

Возникновение этнолингвистических лакун обусловлено отсутствием понятия в быту одного народа относительно другого. В них транслируется национально-культурная информация, образ «своего» в отличие от «чужого». Кроме того, передача этнографизмов на китайский язык требует от переводчика фоновых, экстралингвистических знаний. Также барьеры перевода объясняются необходимостью передать семантику реалии и ее национальный колорит.

Для русского языка лакунарной единицей являются следующие реалии китайской культуры: 四合院 (сыхэюань) – тип традиционной китайской застройки, 二胡 (эрху) – струнный музыкальный инструмент, 花轿 (свадебный паланкин) – красный паланкин, разукрашенный символами счастья, в котором перевозили невесту в дом будущего мужа по древнему китайскому свадебному обычаю.

В свою очередь, для китайской лингвокультурной общности абсолютными лакунами на фоне русского языка будут являться такие реалии, как «аршин», «балалайка», «колядки», «паперть» и др. К данному виду лакун можно отнести и

многие другие лексемы, обозначающие культурно-специфические наименования единиц измерения, национальные традиции, фрагменты быта, уклада жизни, названия танцев и музыкальных инструментов, блюд и напитков, элементов одежды и обуви.

К этнолингвистическому пласту лакунарной лексики можно отнести религиозно-философские лакунарные явления. Так, русское юродство как феномен духовной культуры является барьером в переводе на китайский язык. Лексема «юродивый» в значении «христианский аскет-безумец или принявший вид безумца и обладающий, по мнению верующих, даром прорицания (церк., рел.)» [Сл. Уш., 2001] в китайском варианте романа Ф. М. Достоевского «Идиот» была переведена словом «苦行僧», где 苦行 – самоистязание, вести аскетическую жизнь, 僧 – буддийский монах: «Ну коли так, — воскликнул Рогожин, — совсем ты, князь, выходишь юродивый, и таких, как ты, бог любит!» / «"噢, 既然这样". 罗戈任大声嚷着, "公爵, 你真是一位苦行僧了, 像你这样的人, 上帝都会喜欢的!"» (Ф. М. Достоевский. «Идиот», 1868 / 费奥多尔·陀思妥耶夫斯基, «白痴», 石国雄, 2004) [РКПК НКРЯ].

Уподобление понятия «юродивый» китайским словосочетанием «苦行僧» (монах-аскет) в переводе было вызвано тем, что русская культура пронизана христианскими религиозными концептами и нравственными ценностями, тогда как китайская культура тяготеет к принципам конфуцианства и буддизма.

2. Ассоциативные лакуны. Эти лакуны, связанные с прецедентной информацией и описанные в работах В. Л. Муравьева [Муравьев, 1975], способны вызывать устойчивые ассоциации у носителей русского языка, но для представителей китайской лингвокультуры могут остаться незамеченными. К ассоциативным лакунам относят лингвокультурную информацию, отраженную в единицах различного порядка: онимах, фразеологических выражениях, цветообозначениях, прецедентных феноменах, анекдотах и др.

В переводе важную роль в трансляции культурных смыслов играют *имена собственные*, так как «в имени – все наше культурное богатство, накапливаемое в

течение веков ... В имени – встреча всех возможных и мыслимых пластов бытия» [Лосев, 1999, с. 42]. Антропоним понимается широко: это «любое собственное имя, которое может иметь человек (группа людей), в том числе личное имя, отчество, фамилия, прозвище, псевдоним и др.» [ТПС, 2003].

В китайском языке существует большое количество фразеологизмов, которые связаны с именем какого-либо исторического или литературного персонажа. Например, во фразеологизме «环肥燕瘦» («Хуань была полной, а Ян-Гуйфэй— худощавой») заложена ассоциативная лакуна – имя знаменитой наложницы Ян Юйхуань, которая известна как одна из четырех красавиц древнего Китая.

Лакуной для китайского языка будет являться антропоним *Тришка* во фразеологической единице «Тришкин кафтан» в значении «непоправимое, безвыходное положение, когда устранение одних недостатков влечёт за собой появление других» [ЭСКВ, 2003]. *Тришка* является персонажем басни И. А. Крылова. Это прецедентное имя приобрело в русской лингвокультуре особые коннотации.

В художественном тексте антропонимы становятся более информативными. Помимо выполнения основной, номинативной функции, имена собственные могут быть репрезентантами оценочной, культурной информации, связанной с воплощением идеи автора. Имена собственные в художественном тексте выполняют важную смыслообразующую функцию, являются элементом создания его содержательной целостности, поскольку «в художественном произведении нет неговорящих имен» [Тынянов, 1977, с. 269].

Топонимы так же могут являться ассоциативными лакунами, что нередко создает трудности при переводе с русского языка на китайский. Так, в работе У Гохуа описывается ряд ассоциаций на топоним «Сибирь», возникающий у представителей русской лингвокультурной общности: «для кого-то оживают связи с: далекая, холодная, место ссылки; для кого-то: обширная, огромная, богатая, родина, родная; тундра, тайга, пушнина; Братская, Новосибирская, Красноярская, Усть-Илимская, Саяно-Шушенская ГЭС; Алтай, Саяны; озеро Байкал, Таймыр;

реки Обь, Иртыш, Лена, Енисей, Ангара; Пушкин, Распутин, Сростки и др.» [У Гохуа, 2002, с. 83]. Ассоциативные цепочки такого рода отражают опыт носителя языка, а также уровень общего развития, культуры и кругозора отдельного человека.

Фразеология в равной мере пополняет группу ассоциативных лакунарных явлений, потому как, являясь фрагментом языковой картины мира, она содержит культурные установки и архетипы определенного народа. В. Н. Телия пишет, что фразеологический фонд любого языка – это «зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» [Телия, 1996, с. 231]. Национально-культурное содержание фразеологизмов объясняется, во-первых, их способностью к номинации явлений определенной культуры, которые не имеют аналогов в других; во-вторых, наличием в своем составе безэквивалентной лексики; в-третьих, описанием нравов и обычаев народа.

Лакунарность в аспекте фразеологии выявляется в процессе сопоставления фразеологических корпусов русского и китайского языков, в результате которого обнаруживаются различные расхождения экстралингвистического характера. Так, например, фразеологизм «синий чулок», обозначающий женщину, лишенную обаяния, в своей стилистической коннотации может вызвать непонимание у носителя китайского языка. В равной мере ассоциативной лакуной для носителя русского языка является идиома «沉鱼落雁» (досл. «рыбы тонут, гуси падают») в значении ослепительной красавицы, поскольку дословная интерпретация фразеологической единицы может привести к прагматическим сдвигам.

3. Лексические лакуны. В процессе перевода лексические лакуны обнаруживаются в ситуации, когда у носителей китайского языка есть представление о понятии, но в словаре отсутствует его однословное обозначение. И. А. Стернин говорит о том, что «в лексико-фразеологической системе каждого языка присутствует большое количество лакунарных единиц, то есть "пустых мест", хотя в них есть близкие по значению слова» [Стернин, Быкова, 1998, с. 56].

В. Г. Гак определяет лексические лакуны следующим образом: «При описании одной и той же действительности в основу наименования могут быть

положены различные признаки денотата... Для передачи одной и той же информации, при описании одного и того же процесса экстралингвистической действительности могут быть использованы слова, которые, будучи взяты в отдельности, оказываются далекими и даже противоположными по значению» [Гак, 1979, с. 86]. В русско-китайском переводе выделяются два типа лексических лагун – структурно-семантические и коннотативные [Кузнецов, 2017].

Основанием для выделения *структурно-семантических лагун* является отсутствие однословного обозначения соответствующего понятия в китайском языке. Это объясняется тем, что в силу определенных исторических, культурных или социальных причин данное понятие оказалось не вербализованным для китайского народа. Многочисленные примеры подобных лагун представлены в труде Г. В. Быковой «Межкультурная коммуникация: Россия – Китай (словарь лагун)» (2011): «всячина» / 各种各样的东西 (досл. «разные вещи»), «сладкоежка» / 爱吃甜食的人 (досл. «человек, любящий есть сладости»), «егерь» / 看护猎场的人 (досл. «человек, охраняющий территорию для охоты»), 爱面子 – «заботиться о сохранении собственного лица», 偕老 – «вместе жить до старости» и др.

Коннотативные лагуны характеризуются отсутствием добавочных экспрессивно-стилистических созначений, которые накладываются на основное значение слова. В Большом китайско-русском словаре представлены следующие переводы коннотативных значений слова «светлый» (перен. «отчетливый, ясный (об умственных способностях); «ничем не омрачённый, приятный» [Сл. Уш., 2001]): «светлая голова» – 清醒的头脑 (досл. «трезвая голова»), «светлый образ» – 高尚的形象 (досл. «благородный образ») [БКРС-Э].

В русском языке лексема «кровь» в переносном значении употребляется, когда речь идет о том, что «присуще от рождения, заложено в характере» [Сл. Ож., 1981]. В переводе на китайский язык требуется трансформация, например, «пылкая кровь» / «热情奔放» (ревностный, пылкий): «*Медея, глядя на заплаканную внучку, отметила про себя: "Пылкая кровь. До чего же очаровательна..."*» / «美狄亚望着

眼泪汪汪的外孙女，心中暗想：“热情奔放，实在太迷人了”» (Л. Е. Улицкая. «Медя и ее дети», 1996 / 柳德米拉·乌利茨卡娅, «美狄娅和她的孩子们», 李英男, 尹城, 1999) [РКПК НКРЯ].

4. Идиостилистические лакуны. Анализируемые единицы связаны со спецификой стиля художественных произведений, особенностями передачи речевых портретов персонажей. Они выделяются на основании «отсутствия в одном из языков слова (фразеологизма), имеющего ту же стилистическую окраску, что и слово с идентичным значением другого языка» [Муравьев, 1975, с. 18].

В китайском переводе существуют две точки зрения на проблему переводимости стиля. По мнению Чэнь Фукан, стиль автора не поддается переводу вследствие значительных расхождений в перечне выразительных средств разных языков. Исследователь настаивает на том, что результатом перевода является создание новой стилистики, порожденной влиянием стиля автора на стиль переводчика, – стилистики переведенного произведения [Чэнь Фукан, 2002].

Идиостилистические лакуны в китайском языке можно обнаружить при переводе диалектных, просторечных лексем, жаргонизмов русского языка. Подобным лакунам затруднительно найти эквиваленты в китайском языке с той же стилистической окраской. Трудности перевода наблюдаются в следующем примере из романа Н. А. Островского «Как закалялась сталь»: «Там тебе привез сапоги и ножик, мамка даст». По данным Русско-китайского параллельного корпуса, лексема «мама» с просторечным стилистическим оттенком была передана в переводе Мэй И «钢铁是怎样炼成的» на китайский язык нейтральным словом «妈» (мама): «我给你带来一双靴子和一把小刀 "妈会拿给你的"» [РКПК НКРЯ].

В русском языке словоформа «положь» является просторечием, образованным от императива «положи» [РОС, 1999]. В переводе следующего текстового фрагмента, где лексеме «положь» соответствует нейтральный переводной вариант «放下» (положи), так же демонстрируется невозможность передачи стилистических нюансов высказывания: «Язык чужим голосом взвизгнул: "Положь!"» / «亚济克用陌生的声音突然尖叫: "放下!"» (М. Харитонов. «Линии

судьбы, или Сундучок Милашевича», 1992 / 哈里托诺夫, «命运线», 严永兴, 2003) [РКПК НКРЯ].

Сторонники переводимости стиля, в частности Лю Мицин, отмечают, что стилистика художественного текста поддается интерпретации [Лю Мицин, 2005]. Ван Цзолян разделяет это мнение, подчеркивая, что специфику иноязычного текста можно передать с помощью изобразительно-выразительных средств китайского языка [Ли Чанбао, 2009].

Приведем некоторые примеры в качестве аргументации данной точки зрения. *«Внизу этот **тип** копает, и я, присмотревшись, вижу, черт побери: его котлован действительно имеет точные очертания Каспийского моря»* / *«下面这家伙仍在挖掘着, 我仔细看, 发现, 真见鬼了: 他挖的基坑确实有着精确的里海外形线»* (М. Харитонов. «Линии судьбы, или Сундучок Милашевича», 1992 / 命运线, «严永兴», 2003) [РКПК НКРЯ]. Разговорная лексема «тип» в значении «человек оригинального склада, отличающийся каким-нибудь характерными особенностями во внешности, в поведении, в образе мыслей и т.п.» [Сл. Уш., 2001] была передана словом «家伙» (разг. «парень») с аналогичной стилистической пометой в китайском языке [БКРС-Э].

Русское местоимение «чѐ» вместо «чего», «что» при передаче просторечного произношения имеет стилистический аналог в китайском языке – «啥» shá (разг. от «什么» shénme – «что»): *«Через несколько минут деревянный ставень поднялся, и старик высунул свою седую бороду. "Что **те** надо? Далеко ли Жадрино?"»* / *«过了几分钟农舍的百叶窗开了, 一个老头伸出一大把白胡须. "干啥? 冉得林诺村离这儿远不远?"»* (А. С. Пушкин. «Метель», 1830 / 亚历山大 普希金, «暴风雪», 萧珊, 1978) [РКПК НКРЯ]. Несмотря на то, что в китайском языке отсутствует просторечное усечение от местоимения «тебе», стилистика высказывания была передана с помощью лексемы «啥» shá («чѐ»).

Фонетическая имитация французской этикетной фразы «excusez moi» (извините), которая приобретает в тексте просторечный оттенок в слове «эскюз»,

представлена в следующем примере: «*Вы уж это... эскюз... — забормотал он, когда они оказались на улице*». При передаче на китайский язык переводчик использовал лексему с другим семантическим наполнением – «美妞» (красивая девчонка), однако стилистика высказывания сохраняется за счет разговорного оттенка слова «妞»: «"您这个...美妞..." 当他们来到街上时, 他开始嘟哝起来» (М. Харитонов. «Линии судьбы, или Сундучок Милашевича», 1992 / 哈里托诺夫, «命运线», 严永兴, 2003) [РКПК НКРЯ].

Идиостилистические лакуны возникают из-за использования в тексте языковых каламбуров, игры слов. Авторское словотворчество создает ситуации, когда истинное значение высказывания может быть не установлено китайским переводчиком. Непереводимой в аспекте русско-китайского перевода является, например, рифмовка – прием повторения созвучных слов или их частей: «*Был муж, да объелся гриш*» / «*有过一个丈夫, 现在不在了*» yǒu guò yī gè zhàngfū, xiànzài bù zài le (досл. «Был муж, теперь не стало»). Данная описательная передача русского устойчивого выражения представлена в Большом русско-китайском словаре [БКРС-Э].

Это далеко не полный список причин, порождающих лакунарность в межкультурной коммуникации России и Китая. В целом можно утверждать, что лакуны в условиях русско-китайского перевода художественной литературы могут проявляться во многих аспектах лингвокультуры, таких как цветообозначения, этикетные нормы, коммуникативные практики, отношение к различным концептам культуры и др.

Таким образом, систематизировав лакуны и факторы, влияющие на понимание инокультурного текста, можно сделать вывод о том, что наличие лакун объясняется с позиций различных лингвистических и экстралингвистических факторов. Демонстрируя своеобразие того или иного лингвокультурного типажа, они создают барьеры в процессе межкультурной коммуникации. Тем не менее практика транснационального диалога доказывает, что препятствия в переводе,

создаваемые национально-культурными расхождениями контактирующих языков, могут быть преодолены с помощью различных способов их элиминирования.

1.5. Способы элиминирования лингвокультурных лакун в художественном переводе с русского языка на китайский

Контактируя с переводным текстом, реципиент рассматривает его сквозь призму собственных культурных установок и стереотипов, что и предопределяет возникновение лакун как своеобразных элементов «чужой» культуры. По мнению некоторых исследователей, для достижения адекватного взаимопонимания в процессе межкультурной коммуникации требуется ссылаться на компоненты другой культуры, т.е. «использовать своеобразный коэффициент, который облегчал бы контакты между культурами» [Гачев, 1987, с. 158]. При межкультурном диалоге языковые картины мира контактирующих культур адаптируются друг к другу: «свое» и «чужое» сопрягаются и координируются [Сорокин, 1988].

Как уже было отмечено, лакунизированный характер художественного текста затрудняет его понимание реципиентом перевода. По мнению И. Ю. Марковиной, при сопоставлении оригинала и перевода художественного текста могут быть найдены следующие варианты соотношения понятий [Марковина, 2006]:

– Отсутствие лакуны в связи с практически совпадающими образами или фрагментами культуры. Допускается незначительная разница, которой можно пренебречь в конкретной переводческой ситуации.

– Полная лакуна обнаруживается при абсолютно несоразмерных явлениях двух культур. Образ не имеет переводного эквивалента и не поддается объяснению.

– Частичная лакуна, возникающая при неполностью совпадающих фрагментах. При этом образ «чужого» сознания переносится в культуру переводного текста с теми или иными потерями.

– Компенсированная лакуна, которая появляется в ситуации, когда «чужой» образ заменяется аналогом.

Лакуны являются барьером в процессе перевода, в связи с чем переводчики постоянно разрабатывают различные способы их элиминирования, лингвокультурной адаптации, стремясь ликвидировать возникающие языковые и культурные препятствия. Элиминирование лакун представляет собой «процесс согласования и совмещения вступивших в конфликт "своих" и "чужих" когнитивных, эмотивных и аксиологических установок, адаптации "чужих" фрагментов сознания с помощью "своих" образов» [Сорокин, 1994, с. 23]. В интерпретациях переводчиков прослеживается стремление к адаптации не только основных, но и периферийных, коннотативных, лингвокультурных компонентов той или единицы.

На сегодняшний день исследователями было сформулировано и изучено несколько способов адаптации лакун в языке перевода. Э. А. Николаева предлагает свою классификацию, в которую включает следующие методы передачи лакунарных единиц: приблизительный перевод, описательная передача, смешанный перевод, переводные эквиваленты [Николаева, 2005, с. 4].

Отталкиваясь от данной классификации, Т. В. Акашева и Е. А. Морозов сводят приемы перевода лакун к следующим: транслитерация и транскрипция, калькирование, описательный перевод, конкретизация, трансформационный перевод, генерализация, приближенный перевод [Акашева, 2014, с. 14-15].

В свою очередь, исследователь Н. И. Костина перечисляет наиболее распространенные приемы элиминации лакун – заполнение и компенсацию, где разновидностями компенсации являются: экспликация, перевод-толкование, перевод с лингвострановедческим комментарием [Костина, 2009, с. 221].

Вопрос о заполнении лакун или их компенсации в переводном тексте остается дискуссионным в современной теории перевода. При этом многие лингвисты сходятся во мнении: элиминирование чисто лингвистических лакун не вызывает особой сложности из-за наличия называемого предмета или явления в

обоих культурах. Для перевода таких лакун в основном применяются методы буквального перевода или аналогизирования [Глазачева, 2003, с. 31].

В настоящей диссертации предметом исследования являются лингвокультурные лакуны, элиминирование которых представляет наибольшую трудность в переводоведении. Приведенные выше приемы перевода применимы в основном при адаптации лексических лакун, тогда как культурологические расхождения требуют дополнительных способов интерпретации при переводческой деятельности. По этой причине мы обращаемся к теоретическим исследованиям И. Ю. Марковиной и Ю. А. Сорокина, в которых авторы выделяют два способа передачи лакун на язык перевода – заполнение и компенсацию [Марковина, Сорокин, 2010, с. 89-107].

Заполнение лакуны происходит путем сохранения национально-культурной специфичности образа при отсутствии аналогичного образа в родной лингвокультуре. Содержание «чужого» образа при этом подробно разъясняется.

В условиях русско-китайского художественного перевода комментария требуют многие аспекты лингвокультурной информации, такие как исторические факты, особенности быта и традиций, антропонимы и топонимы, различные языковые аллюзии. В следующем примере представлен переводческий комментарий к форме имени с оценочной коннотацией: *«Больной обмакивал губы и всякий раз, возвращая кружку, в знак благодарности слабою своею рукою пожимал Дунюшкину руку»* / «病人只打湿一下嘴唇, 趁每次递还杯子的机会, 他照例伸出软绵绵的手捏一捏冬妮莎的小手儿, 以示感激不尽» (А. С. Пушкин. «Станционный смотритель», 1830 / 亚历山大 普希金, «驿站长», 戴启篁, 1983) [РКПК НКРЯ]. В переводе представлен комментарий к антропониму 冬妮莎 (дун-ню-ша): «冬妮娅的爱称» (ласковое обращение к 冬妮娅, дун-ни-я).

Заполнение лакун ведет к приобретению новой информации о другой культуре. У читателя больше возможностей для анализа прочитанного материала, чем у слушателя: он может разобраться в наименованиях незнакомых реалий, именах собственных, фразеологизмах, используя дополнительные источники.

Однако в определенных текстах и в определенном объеме подобное элиминирование может представлять трудности для восприятия в связи с громоздкостью комментария или перенасыщенностью текста переводческими разъяснениями. Исследователи отмечают, что у данного приема существуют разновидности.

Заполнение-перевод представляет собой транскрипцию с переводом заимствованной лексики на язык реципиента. Такой прием предполагает использование комментария в пределах одного предложения, что часто можно наблюдать в публицистических текстах. *Заполнение-комментарий* предполагает вовлечение в текст перевода попутных объяснений переводчиком элементов незнакомой культуры. Избежание переводческого комментария в самом тексте способствует поддержанию естественности и непрерывности авторской речи.

Некоторые лакуны в тексте перевода разъясняются методом *заполнения-примечания*. Особенность такого способа элиминирования лакун заключается в переориентировке текста на носителя другой лингвокультуры. Достаточно затруднительно ответить на вопрос, когда переводчику уместно прибегать к постраничным комментариям. С одной стороны, существует мнение, что излишняя частотность затекстовых комментариев отвлекает читателя от повествования и осложняет восприятие текста. С другой стороны, читатель должен понимать значение предметов и явлений чужой культуры, не в достаточной степени известных за ее пределами.

По мнению исследователей, заполнение может происходить следующими способами: передача содержащейся в тексте лингвострановедческой информации; сохранение в тексте инокультурного элемента и его интерпретация во внутритекстовом комментарии; вовлечение в перевод попутных разъяснений лакун; комментирование элементов «чужой» культуры в приложении к произведению.

Другой способ элиминирования лакун – **компенсация**. Принцип его действия состоит в том, что в переводящей лингвокультуре подбирается эквивалент, аналог исходного образа. Компенсация лакун способна сделать текст максимально понятным для читателя, добиться аналогичного воздействия на

реципиента перевода. Компенсация значительно отличается от приема заполнения: при замене «чужого» «своим» затемняется национально-культурная маркированность исходного текста, не вырабатывается новое знание о другой культуре. К приему компенсации нередко обращаются переводчики в случаях культурологической безэквивалентности, обоснованной спецификой другой культуры. Ю. А. Сорокин отмечает, что суть приема компенсации состоит в «снятии национально-специфических барьеров в ситуации контакта двух культур, в облегчении понимания того или иного фрагмента чужой культуры» [Марковина, Сорокин, 2010, с. 96]. К способам компенсации, применяемым в процессе перевода с русского языка на китайский, относят следующие приемы:

1. Транскрибирование – это способ передачи лексической единицы оригинала через воссоздание ее звуковой формы средствами языка перевода [Ермолович, 2001]. В русско-китайской переводческой практике транскрибирование встречается при переводе антропонимов, топонимов, реже – реалий культуры с целью сохранения национально-культурной самобытности слова.

Однако транскрипция не всегда является эффективным способом перевода имен собственных. В случаях передачи говорящих имен целесообразно обращение к приему калькирования. Рассмотрим перевод фамилий с яркой внутренней формой некоторых персонажей произведений Н. В. Гоголя на китайский язык. Стоит заметить, что история перевода художественного наследия Николая Васильевича началась с твердого убеждения «в важности опыта русской литературы для духовного развития Китая» [Серебряков, 1988, с. 225].

– «Мертвые души» («死魂灵»), перевод 满涛 [Ман Дао, 1983]: *Собакевич* / 索巴凯维奇 (Suǒbākǎiwéiqí); *Манилов* / 玛尼诺夫 (Mǎnínuòfū); *Ноздрев* / 诺兹德寥夫 (Nuòzīdéliáo fū); *Коробочка* / 柯罗鲍奇卡 (Kēluōbàoqíkǎ).

– «Шинель» («外套»), перевод 刘开华 [Лю Кайхуа, 2004]: *Акакий Акакиевич Баимачкин* / 阿卡基·阿卡基耶维奇·巴什马奇金 (Ākǎjī Ākǎjīyúewéiqí Bāshénmǎqíjīn).

В приведенных примерах используются слоги, традиционно участвующие только в передаче русских антропонимов (夫 fū, 奇 qí), и в рамках перевода данных художественных текстов размывают смысловую составляющую имен собственных. Транскрибирование антропонимов передает национальную специфику оригинала через сохранение звуковой формы слова. Оно сохраняет звучание имени, однако упускает культурологические смыслы, в результате чего утрачивается отведенная автором символическая функция.

Комбинирование принципов транскрибирования и переводческого комментирования было представлено в переводе повести «Шинель», выполненном Лю Кайхуа. При фонетической транскрипции имени Акакия Акакиевича Башмачкина переводчик предлагает подстрочные примечания, в которых подчеркивает происхождение фамилии: «语中的"鞋"读作"巴什马克", 可见该姓是由"鞋"字演化而成的, 这里暗寓受人践踏的命运» [Лю Кайхуа, 2004, с. 11] (с кит. «Слово "обувь" по-русски произносится как "башмак". Очевидно, фамилия произошла от слова "обувь", что предопределяет судьбу персонажа»).

Вариативность имени, характерная для русского языка, вызывает трудности при переводе на китайский язык, поскольку китайским реципиентом формы одного и того же антропонима осознаются как имена двух разных людей. В русско-китайском переводе эта вариативность часто опускается. Например, в следующей текстовой иллюстрации формы *Маша*, *Машка* были представлены одной китайской транскрибированной лексемой 玛莎 Mǎshā: «Вошла *Маша*, в куртке поверх ночной рубашки, с воспаленно-розовым лицом в мелкой точечной сыпи. *Машка!* Что с тобой? – ахнула Ника» / «玛莎走进来, 睡衣外面套着夹克, 红肿的脸上满是碎斑点. "玛莎! 你怎么了?" 尼卡哎呀一声» (Л. Е. Улицкая. «Медея и ее дети», 1996 / 柳德米拉·乌利茨卡娅, «美狄娅和她的孩子们», 李英男, 尹城, 1999) [РКПК НКРЯ].

Перевод китайских имен на русский язык равным образом представляет определенные трудности с точки зрения выражения смысла входящих в их состав компонентов. Здесь важным является разъяснение значений иероглифов в

структуре антропонимов. Так, в переводе романа Мо Янь «Большая грудь, широкий зад» применен принцип транскрибирования имен с последующей интерпретацией: «...семеро девочек семьи Шангуань — Лайди (Ждём Братика), Чжаоди (Зовём Братика), Линди (Приводим Братика), Сянди (Думаем о Братике), Паньди (Надеемся на Братика), Няньди (Хотим Братика) и Цюди (Просим Братика)» [Мо Янь, 2013, с. 21].

Аналогичным образом через введение переводческих пояснений происходит трансляция значимости и смыслообразующей функции имен системы персонажей романа «Страна вина»: Миньшэн — досл. «глас народа», Сяо Бао — досл. «маленькое сокровище», Бань Пин — досл. «полбутылки» [Мо Янь, 2012].

Исходя из вышеперечисленных примеров следует, что адекватный перевод имен собственных с русского языка на китайский и наоборот возможен при условии взаимодействия принципов транскрибирования и комментирующего перевода. При транскрипции сохраняется этнокультурная маркированность художественного произведения, при этом переводческий комментарий минимизирует смысловые потери при восприятии текста.

2. Гипо-гиперонимический перевод: *генерализация* – это расширение значения лексической единицы путем замены гипонима гиперонимом в переводе; *конкретизация* – сужение значения слова с более широкого предметно-логического содержания на более узкое. Рассмотрим некоторые примеры.

Изба / 房屋(жильё): «Он не мог объяснить себе точно, отчего так подумал и что помешает ему прийти сюда снова, но от мысли, что он уедет, а озеро и изба останутся...» / «他无法向自己准确地说明, 他为什么这样想什么将阻碍他以后再这儿来, 但是他一想到他将要离去, 而小湖和房屋将留下来» (А. Варламов. «Рождение», 2002 / 瓦尔拉莫夫, «生», 余一中, 2002) [РКПК НКРЯ].

Самогон / 酒 (спиртное): «Черт же безногий побушевал, допил самогон и уснул прямо на пороге, на половике» / «没腿的老鬼咆哮了一阵, 喝光了酒, 躺在门

口的擦脚垫上睡着了» (Л. Е. Улицкая. «Приставная лестница», 2005 / 柳德米拉·乌利茨卡娅, «单梯», 张俊翔, 2006) [РКПК НКРЯ].

3. Эквивалентная лексико-семантическая замена – это замена словом в языке перевода, которое называет понятие, тождественное элементу исходной культуры, но не совпадающее с ним.

Пельмени / 饺子 (цзяоцзы – блюдо китайской кухни, одна из разновидностей пельменных изделий, лепятся из теста с начинкой из мяса и овощей): «От приглашения в гости, на свеженькие **пельмени**, Антон сумел отказаться, договорились в другой раз — пора было на автобус; но Клава сама предложила мужу проводить приятеля» / «对邀请去做客, 吃新鲜饺子一事, 安东婉言谢绝了, 说定下一次——该上车了; 但克拉瓦亲自建议丈夫为好朋友钱行» (М. Харитонов. «Линии судьбы, или Сундучок Милашевича», 1992 / 哈里托诺夫, «命运线», 严永兴, 2003) [РКПК НКРЯ].

4. Экспликация (описательный, перифрастический, дескриптивный перевод) – передача дефиниции лакуны при помощи распространенного объяснения.

Паперть / 教堂门前台阶 (крыльцо перед дверью церкви): «Церковь была отворена, за оградой стояло несколько саней; по **паперти** ходили люди» / «教堂大门开着, 栅栏门外停了几辆雪橇, 有人在教堂门前台阶上走来走去» (А. С. Пушкин. «Метель», 1830 / 亚历山大 普希金, «暴风雪», 萧珊, 1978) [РКПК НКРЯ].

Синий чулок / 学究气很重 (слишком педантичный): «Потом я встретился с Рудиным за границей. Там к нему одна барыня привязалась из наших русских, **синий чулок** какой-то, уже немолодой и некрасивый, как оно и следует синему чулку» / «后来我在国外遇到了罗亭, 那时候一位女士跟他相好, 那女士也是俄国人, **学究气很重**, 年纪已经不轻, 相貌也平平, 女学究一般都是这模样» (И. С. Тургенев. «Рудин», 1855 / 伊万 屠格涅夫, «罗亭», 徐振亚, 沈念驹, 2000) [РКПК НКРЯ].

Подчеркнем, что именно переводчик не только обнаруживает лакунарные явления одной лингвокультуры на фоне другой, но и ищет способы их

элиминирования: «... любому переводчику известно, что тексты переводятся обычно совсем не так, как подсказывает словарь» [Павлова, 2015, с. 208]. Частотность применения способов элиминирования лакун, которые ранее были зафиксированы в научных трудах по данной проблематике, зависит от нескольких обстоятельств. Характер и объем заполнения лакуны определяют лингвокультурологические расхождения между исходным и переводящим языком. Значимость лакунарной единицы в конкретном художественном произведении в равной мере влияет на способ ее элиминирования в тексте перевода. Кроме того, значительным критерием выбора подходящего способа компенсации лакуны является общий кругозор реципиента перевода.

Выводы по главе I

Проведенное исследование, направленное на раскрытие теоретических основ изучения лингвокультурной лакуны в художественном переводе с русского языка на китайский, позволило прийти к следующим выводам:

1. При лингвокультурологическом подходе перевод воспринимается как межкультурное посредничество. В процессе передачи содержания текста в направлении от языка исходного к языку перевода обнаруживаются расхождения между контактирующими культурами, изучаются этапы трансляции художественного текста в новое лингвокультурное пространство. В переводческой деятельности оригинальное литературное произведение подвергается воздействию другой культурной модели, подстраивается под закономерности художественных текстов принимающей лингвокультуры, что приводит к его изменениям. В связи с этим интерпретация инокультурных элементов становится одной из центральных проблем переводоведения.

2. Описывая процессы обработки информации, осуществляемые в переводческой деятельности, исследователи отмечают, что переводчик неизбежно сталкивается с лакунами различных видов. В переводоведении «лингвокультурная лакуна» трактуется достаточно широко: как форма лингвистического или

национально-культурного расхождения, возникающая при сравнении понятий и явлений двух лингвокультурных парадигм и характеризующаяся присутствием фактов или реалий в одном языке и их отсутствием в другом. Такой поход к интерпретации лакуны неразрывно связан с пониманием обусловленности языка спецификой мировоззрения и культуры.

3. Анализ лакун является объектом лакунологии, многоаспектных исследований в трудах различных ученых. Обобщение теоретического материала, представленного в работах по теории лакун И. А. Стернина, Л. К. Байрамовой, Ю. А. Сорокина, И. Ю. Марковиной, Г. В. Быковой, В. Л. Муравьева, Чжипин Хань, Чан Сянюй, Юань Линьлинь и др., позволяет типологизировать лакуны с учетом особенностей русско-китайской языковой пары, обозначить основные причины, которые могут порождать лингвокультурные лакуны в русско-китайском художественном переводе:

- уникальность явлений культуры, быта русского и китайского народов (*этнолингвистические лакуны*);

- прецедентная информация, вызывающая у представителей русской и китайской лингвокультур устойчивый ряд определенных ассоциаций (*ассоциативные лакуны*);

- историко-культурные причины, по которым определенное понятие, вербализованное в русском языке, не получило закрепление в виде одного слова в китайском языке, а также коннотативные значения лексемы, связанные с национально-специфической информацией (*лексические лакуны*);

- стилистическая маркированность лексем и выражений, языковые каламбуры и игра слов (*идиостилистические лакуны*).

В целом лакуны в условиях русско-китайского перевода художественной литературы могут проявляться во многих аспектах лингвокультуры, в связи с чем фоновые знания культуры оригинального текста становятся очень важными.

4. Изучив различные теоретические работы о способах адаптации инокультурного текста, можно выявить основные приемы элиминирования лакун, актуальные в рамках исследования русско-китайского художественного перевода:

заполнение (внутритекстовый или затекстовый комментарий) и компенсация (подбор эквивалента в переводящей лингвокультуре). К частотным приемам компенсации, применяемым в процессе художественного перевода с русского языка на китайский, можно отнести транскрибирование, генерализацию, эквивалентную лексико-семантическую замену, описательный перевод. Выбор подходящего способа элиминирования лакун зависит от лингвокультурных различий между языками оригинала и перевода, от заложенного автором смысла художественного произведения.

ГЛАВА 2. ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ЛАКУНЫ И СПОСОБЫ ИХ ЭЛИМИНИРОВАНИЯ В КИТАЙСКИХ ПЕРЕВОДАХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Г. Ш. ЯХИНОЙ

2.1. Романы Г. Ш. Яхиной и их переводы на китайский язык

Материалом исследования лакунарных единиц впервые выступают произведения российской писательницы Гузели Шамилевны Яхиной, поэтому следует дать краткую характеристику ее творчества и идиостиля.

Г. Ш. Яхина (род. 1977 г.) – российская писательница, лауреат премий «Большая книга» (2015, 2019), «Ясная поляна» (2015), премии Правительства Российской Федерации в области культуры (2019). Она является автором трех романов – «Зулейха открывает глаза» (2015), «Дети мои» (2018), «Эшелон на Самарканд» (2021).

Укажем, что выбор материала исследования не случайный. Творчество Г. Яхиной характеризуется слиянием этносов и культур в текстах произведений, раскрывается в аспекте полиэтничности советских реалий, что придает многомерность повседневному миру романов, а переводам на китайский язык, выполненным Чжан Цзе, Се Юньцай, Чэнь Фан, – дополнительную сложность в трансляции лингвокультуры.

Произведения «Зулейха открывает глаза» и «Дети мои»

Гузель Яхина с детства начала увлекаться кинематографом, написанием сценариев, именно поэтому текст «Зулейха открывает глаза» первоначально был написан в форме сценария. Первая публикация отрывка произведения состоялась в 2014 году в журнале «Сибирские огни». Уже к 2018 году роман о Зулейхе был издан на 20 языках мира, сделав Гузель Яхину лауреатом множества престижных премий. Исследователи русской литературы и культуры Тамперского университета Ирина Савкина и Арья Розенхольм попытались объяснить успех этой книги жанровой разноплановостью: «Первое, что бросается в глаза, когда читаешь роман, — это его жанровая гибридность. Там можно найти все, что пожелает читательская душа. Прямые реминисценции, почти цитаты из соцреалистического романа о

коллективизации (типа «Поднятой целины» Михаила Шолохова) соседствуют с неомифологизмом. Этнографическая экзотика (главы, очень подробно изображающие быт деревенской татарской семьи) соединяется с западной просветительской традицией робинзонады и road movie» [Савкина, Розенхольм, 2016, с. 23].

Анализируемый роман получил неоднозначную оценку от читателей и критиков, ему посвящено множество статей в таких журналах, как «Вопросы литературы», «Новый мир», «Октябрь», «Знамя», «Вечерняя Казань» и др. В. В. Борисова [Борисова, 2017] связывает неоднозначность критики романа с современными процессами межкультурной коммуникации, с особенностями восприятия историко-литературного контекста романа.

Многие критики в первую очередь обратили внимание на *татарский и мусульманский контекст романа*. Первая часть «Мокрая курица» повествует о повседневной жизни главной героини Зулейхи в деревне Юлбаш, воспроизводит традиционный уклад жизни татар. Этнокультурная специфика воплотилась и в языке: «...на крепкую нитку повествования нижутся крупные бусины местного колорита...» [Погорелая, 2016, с. 140]. Текст содержит татарские слова и выражения, кроме того, в роман включен словарь, разъясняющий значения этих татаризмов.

Роман «Зулейха открывает глаза» наполнен изображениями элементов обыденных практик и духовной культуры татар, содержит описание их аксиологических установок на фоне исторических событий советской действительности 30-40-х гг. XX века. В центре повествования — татарская женщина и ее трагическая судьба, что демонстрирует многомерность и разноаспектность понятий «национальный», «лингвокультурный» в рамках настоящего исследования, полиэтничность повествовательного и этнографического уровней произведения.

Текст остается полностью русскоязычным, однако переводчик с тюркских языков Альфия Каримова отмечает, что «роман близок к татарской душе, татарскому мироощущению» [Яхина, 2016, с. 153]. Сама Гузель Яхина не относит

себя ни к русским, ни к татарским писателям, предпочитая, чтобы ее называли казанской писательницей: «Казань — это о том, как татары и русские, а также другие народы мирно уживаются вместе. Казань — это гораздо больше, чем просто татарское или русское»; «...выросла на стихах Пушкина и Тукая, разговаривала на двух языках... Я бы хотела, чтобы меня называли казанской писательницей» [Яхина, 2016, с. 157].

Подобное «двукультурие» / «two-culturedness» (термин В. В. Борисовой [Борисова, 2017, с. 655]) Г. Яхиной обусловлено биографией писательницы: ее детство прошло в татарском селе, а образование, полученное на русском языке, позволило совмещать в своей работе знания традиции русской литературы и татарской национальной культуры. Феномен «"two-cultural" writer» (термин В. В. Борисовой [Борисова, 2017, с. 655]) был особенно характерен для советской многонациональной литературы. Людмила Улицкая, автор предисловия к роману «Зулейха открывает глаза», так определяет достоинство произведения: «Этот роман принадлежит тому роду литературы, который, казалось бы, совершенно утрачен со времен распада СССР. У нас была прекрасная плеяда двукультурных писателей, которые принадлежали одному из этносов, населяющих империю, но писавших на русском языке. Фазиль Искандер, Юрий Рытхэу, Анатолий Ким, Олжас Сулейменов, Чингиз Айтматов... Традиции этой школы – глубокое знание национального материала, любовь к своему народу, исполненное достоинства и уважения отношение к людям других национальностей, деликатное прикосновение к фольклору. Казалось бы, продолжения этому не будет, исчезнувший материк. Но произошло редкое и радостное событие – пришел новый прозаик, молодая татарская женщина Гузель Яхина и легко встала в ряд этих мастеров» [Яхина, 2015, с. 5].

Положительно отозвался о дебютном романе Г. Ш. Яхиной Захар Прилепин: он охарактеризовал его как «убедительный, серьёзный, глубокий, без перекосов в какую бы то ни было сторону», подчеркнув, что «в романе нет ничего политически конъюнктурного» [Прилепин, 2015]. Павел Басинский в «Российской газете»

отмечает: «...манера Гузели Яхиной жесткая. Короткие фразы, минимум деталей, ничего лишнего» [Басинский, 2015].

Однако не все отзывы оказались положительными. Руслан Айсин называет произведение «историей одного предательства», отмечая, что это «роман о том, как ничтожен человек, лишившийся духовного измерения и подлинных корней! Гузель Яхина создала свое пространство, где разрывается гомогенное поле татарского мировоззрения, идентичности, ткань истории» [Айсин, 2019]. Милеуша Хабутдинова в рецензии «Если заглянуть в глаза Зулейхе» пишет: «Сюжет романа – коллаж из сюжетов советских книг... Автор находится в плену советских мифов о забитой восточной женщине, которую раскрепостила советская власть... К сожалению, молодому автору в своем произведении не удалось достичь эпической глубины, свойственной знаменитым советским романам...» [Хабутдинова].

Роман о Зулейхе был негативно встречен некоторыми представителями татарской общественности, хотя позже, в 2016 году, текст был переведен на татарский язык. В интервью интернет-изданию переводчик Флера Тарханова рассказала о трудностях, возникших в процессе перевода: «с одной стороны, насыщенность сравнениями и метафорами, с другой — просторечия, жаргонизмы и говор тюремщиков тяжело перевести на татарский» [Мухаметрахимов].

Анализируя отзывы критиков, В. В. Борисова приходит к выводу, что неоднозначность рецензий связана с проблемой разграничения национальной традиции в ситуации межкультурного художественного общения [Борисова, 2017, с. 656]. Автор подчеркивает «двукультурие» / «two-culturedness» писателя и двойственность веры главной героини, характеризующуюся сосуществованием языческих представлений о мире (обращение к духам кладбища, дома и др.) и мусульманской веры. Исследователь отмечает, что двусмысленность отзывов обусловлена состоянием современного российского литературно-критического сознания, которое не признает единство национально-культурных, историко-литературных и интертекстуальных контекстов [Борисова, 2017, с. 659]. При репрезентации татарской культуры и истории раскулачивания в романе внимание концентрируется не на этих аспектах, а на истории главной героини.

Критики в своих рецензиях рассуждают о романе *в контексте русской и мировой литературы*. Марина и Владимир Абашевы указывают на то, что текст представляет собой новый запрос на тематику коллективизации и лагерей, уже встречавшихся в творчестве А. Солженицына, В. Шаламова [Абашева, Абашев, 2016]. Исследователи отмечают и другие реминисценции: в казанских главах о полусумасшедшем профессоре Лейбе угадывается герой из «Собачьего сердца» [Хабутдинова], в женских образах – героини прозы Людмилы Улицкой [Погорелая, 2016].

Помимо русской литературы, произведение органично вписывается в контекст литературы мировой. Критики видят в романе идею «Робинзона Круза» Д. Дефо: «Мы читаем лагерную историю как суровую робинзонаду; правда, кроме того что надо добыть пищу, доходягам необходимо – комендант верен революционному долгу – еще и валить лес» [Абашева, Абашев, 2016]. В этом же отзыве Зулейха сравнивается со Скарлетт О' Харой из романа Маргаретт Митчелл «Унесенные ветром»: «Чем-то эти нарративы о женщинах действительно похожи: это истории о выживании и стойкости слабых, попавших в ураганы исторических событий» [Абашева, Абашев, 2016].

Второй роман Г. Яхиной «Дети мои» продолжает авторскую традицию сплетения этносов, культур, людских судеб на фоне трагических событий начала XX века, однако уже на материале истории поволжских немцев. В первом романе Гузели Яхиной критики отмечали короткие фразы, внутреннюю структуру киносценария. Во второй книге много развернутых изображений, «каждая деталь выписана так выпукло и зримо, что в тексте тесно от описаний — не продохнуть от арбузного меда, немецких кружев и ароматных яблок» [Ломыкина, 2018].

«Дети мои» – так обращалась императрица Екатерина II, немка по происхождению, к своим соотечественникам, приглашая их переселиться за собой в Россию. После революции в начале 20-х годов на Поволжье обрушится голод, в 1938 году Сталин депортирует «русских» немцев в отдаленные районы Сибири, Казахстана и Средней Азии, а Гитлер будет призывать их вернуться на историческую родину. Сам автор так пишет о своем произведении: «Я хотела

рассказать о мире немецкого Поволжья — ярком, самобытном, живом — о мире, когда-то созданном пришлыми людьми в чужой стране, а сегодня затерянном в прошлом. Но это еще и история о том, как большая любовь порождает страхи в нашем сердце и одновременно помогает их превозмочь» [Платонов, 2018].

Сам автор выделяет в тексте три уровня. Есть мелодраматический пласт, где рассказывается о главном герое, о его личной трагедии и любви к детям. Второй уровень – историко-политический, он повествует о жизни поволжских немцев, о взаимоотношении немецкой автономии с государством. Третий уровень связан с философскими темами культурной предопределенности личности, изоляции от общества, взаимопонимания отцов и детей [Платонов, 2018]. Также в романе много аллюзий на германскую мифологию, фамилии персонажей Гримм, Бёлль, Гофман отсылают к немецкой литературе и сказкам. С первых строк чувствуется сказочная атмосфера в описании обыденных практик главного героя. Элементы фэнтези и мистики, о которых пишут многие критики романа, начинают открыто проявляться в главе, где Якоб Бах приезжает на хутор Удо Гримма.

Фантазмагорическая действительность внутри романа отличает его от произведения «Зулейха открывает глаза», читавшееся как исторический роман о раскулачивании: «С самого начала Якоб Иванович предстает перед читателем персонажем полуфантастическим, словно бы нечаянно забредшим в отечественную историю XX века с нехоженых троп толкиеновского Средиземья» [Юзефович, 2018]. Однако в романе о Зулейхе так же встречаем сказочные реминисценции: сказку о Шах-птице, которую мать рассказывает Юзуфу; воображаемый мир профессора Лейбе, заключенный в «яйце» – метафорическом образе кокона, в котором герой прячется от ужасов революции и Гражданской войны; сны Зулейхи, мифологические персонажи «дэв» и «жалмавыз». Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что сказочные и мифологические мотивы, вшитые в текст о реальных исторических событиях и трагических судьбах людей, являются особенностью двух романов Г. Яхиной.

Языковая личность автора отражается на всех уровнях текста, она представляет собой «многоаспектное и многоуровневое отражение языковой

личности творца с учетом ее многообразных проявлений в процессе текстовой деятельности, включая ориентацию на адресата» [Болотнова, 2001, с. 123]. Для описания идиостиля автора необходимо подключение культурологических, социологических и психологических аспектов произведений. Комплексному анализу подлежат языковые особенности текстов, отражающие художественный замысел не только одного произведения, но и специфику всего творчества автора.

Сопоставительный анализ двух романов Гузели Яхиной продемонстрировал следующие их особенности:

1. Романы воплощают в своем содержании три пласта информации. Первый – *повествовательный*, нацелен на рассказ о трагической судьбе татарской женщины (в романе «Зулейха открывает глаза») и простого школьного шульмейстера (в романе «Дети мои»). Второй – *этнографический*, ориентирован на описание быта, традиций, этнокультуры татар и поволжских немцев. Третий – *исторический*, обращен к изображению политической ситуации в советском государстве, в центре которой – раскулачивание и ссылка крестьян, образование немецкой автономии и депортация поволжских немцев. На рисунке 1 рассмотрим соотношение этих уровней в романе «Зулейха открывает глаза» сквозь призму четырех частей текста.

Анализ информационного содержания в сопряжении со структурной композицией романа показал, что повествовательный и исторический пласты одинаково ярко прослеживаются во всех четырех частях текста произведения – «Мокрая курица», «Куда?», «Жить», «Возвращение». Это объясняется тем, что повседневная жизнь главной героини и исторические события, происходящие в стране, неразрывно взаимосвязаны.

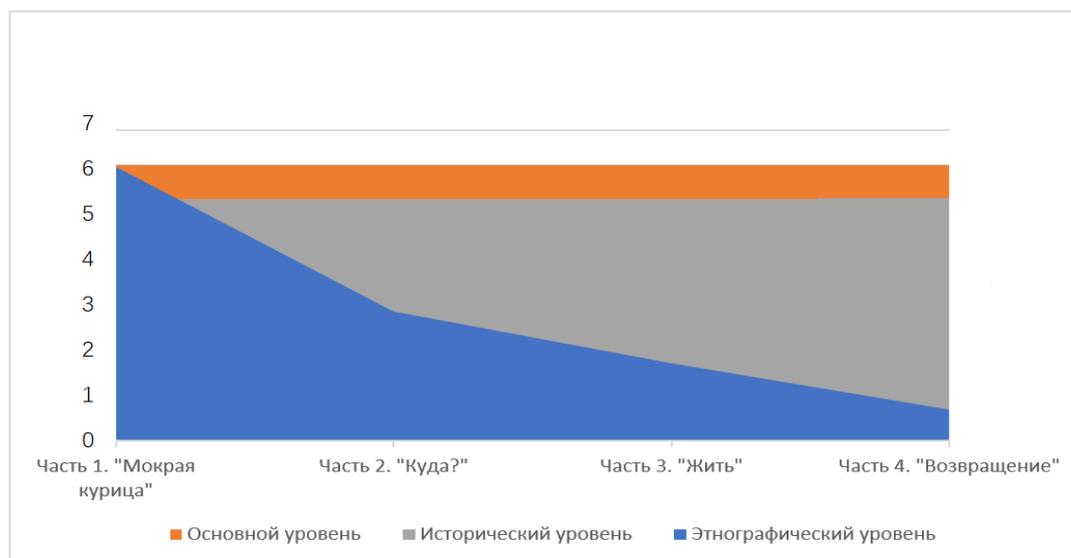

Рисунок 1 – Соотношение тематических уровней романа
«Зулейха открывает глаза»

В последней части произведения повествовательный и исторический пласты вновь совмещаются: все внимание автора сосредоточивается на взаимоотношениях Зулейхи и ее взрослого сына на фоне войны. Этнографический пласт наиболее отчетливо прослеживается в первой части романа «Мокрая курица». В следующих главах этнокультурная, этнографическая информация сокращается, вытесняется социокультурной: реалии народного быта, татарской культуры все более отдаляются от Зулейхи в связи с новой советской реальностью, раскулачиванием и жизнью в спецпоселении Семрук.

2. Жанровый синкретизм («жанровая гибридность» [Савкина, Розенхольм, 2016, с. 23]) произведений писательницы заключается в том, что в обоих романах сочетаются признаки соцреалистического романа, фэнтези и мелодрамы [Павлова, 2018]. Исследователи творчества Гузели Яхиной называют особенностью романа «Зулейха открывает глаза» его «синтетический лексикон, где есть художественное и документальное, реалистическое и магическое, эпическое и лирическое» [Кумышева, Кучукова, 2016, с. 21].

В тексте романа «Зулейха открывает глаза» советизмы и названия мифологических существ употребляются в пределах одного предложения: *«Рассыпать зерно из одного мешка по нескольким научились еще в*

девятнадцатом, как только подступила к Юлбашу тогда еще неведомая, но с каждым годом становившаяся все страшнее, как **албасты**, прожорливее, как **дэв**, ненасытнее, как **жалмавыз**, – **продразверстка**» [Яхина, 2015, с. 47]. В романе «Дети мои» немецкий народный фольклор в записях Баха и рассказах Клары резко прерывается историческим контекстом 1920–1930-х гг.

3. Еще одной особенностью произведений являются реминисценции к различным источникам: лагерной прозе, советской литературе, немецким сказкам и мифологии. Аллюзивное поле лингвокультурных ассоциаций делает особенным коммуникацию автора и читателя, представляет собой переводческий барьер.

4. В произведениях примечательна стилистическая разноплановость речевых характеристик персонажей, стилистически сниженная лексика сосуществует с возвышенными словами и оборотами.

5. Включенность текста в панораму исторических событий начала XX века демонстрирует особенность идиостиля Гузели Яхиной. Лексемы, передающие особенности данного исторического периода, вызывают необходимость включения в текст перевода соответствующих разъяснений в связи с отсутствием у китайского читателя определенных фоновых знаний.

Таким образом, совокупность вышеперечисленных составляющих концептуальной системы автора определяет не только набор элементов репрезентации национально-культурных смыслов в художественном тексте, но и прогнозирует межъязыковые барьеры и трансформации в процессе передачи анализируемых произведений на китайский язык.

Переводы романов Г.Ш. Яхиной на китайский язык

Исследователи перевода (Н. В. Габдреева, Ю. А. Сорокин, Ю. Л. Оболенская, Т. Ю. Данильченко и др.) видят необходимость изучения оригиналов художественных произведений и их переводов в сопоставлении, так как это позволяет выявить специфические сведения различного характера. Н. В. Габдреева считает, что переводные произведения дают возможность проследить следующие лингвистические явления: «вариантность плана выражения лексических новаций; повышение/понижение частотности употребления того или иного пласта лексики;

ассимиляцию заимствований и их восприятие языковым сознанием читателей; заимствование новых слов и значений; способы заполнения лакунарности» [Габдреева, 2013, с. 245].

«Строители литературного моста» [Цао Чжундэ, 2014, с. 156], переводчики Цао Чжундэ и Ду Минцзин подчеркивают перспективность изучения приемов совершенствования китайских переводов русских литературных произведений и указывают на параметры русского художественного текста, которые побуждают китайцев к его прочтению: «классическая русская литература наполнена чувством патриотизма, духом героизма, жизненной философией, романтизмом, гуманизмом, поисками справедливости» [Цао Чжундэ, 2014, с. 156].

Между тем сказанным можно объяснить всплеск интереса и к переводу произведений современности. По нашему мнению, «русская литература в лучших ее новейших проявлениях, во многом сохраняя достижения классического периода, по-прежнему насыщена теми же чувствами, но преисполнена новыми «поисками справедливости». Так же, как и в предшествующие эпохи, она помогает человеку осознать трагическое прошлое своей страны и самого себя в координатах нового, усложняющегося мира» [Андреева, Лабунец, 2020, с. 10].

Следует отметить, что романы Г. Ш. Яхиной «Зулейха открывает глаза» и «Дети мои» получили заслуженное признание не только в России, но и за рубежом, в том числе, эти произведения активно переводятся в Китае. По утверждениям некоторых исследователей (Ду Синь, Н. Л. Чулкиной, В. Г. Моргун, Юань Линьлинь, Чжипин Хань и др.), русско-китайский перевод художественного текста получил новый виток развития в связи с переносом центра внимания переводчиков на проблему интерпретации лингвокультурных особенностей оригинальных текстов. По словам Лю Вэньфэя, научного директора Пекинского центра славистики, по количеству изданных переводов с русского Китай занимает сегодня первое место в мире.

Перевод романа «Зулейха открывает глаза». Целесообразно проанализировать переводы названий романа. Известно, что заглавия художественных произведений, являющиеся самостоятельным предложением с

подлежащим и сказуемым, труднее запомнить и перевести. Как правило, переводчики стремятся не видоизменять оригинальное заглавие, что подтверждается переводами романа на другие языки, а именно: «Suleika Öffnet die Augen» (Германия, 2017), «Zouleikha ouvre les yeux» (Швейцария, 2017), «Zulejka kinyitja a szemét» (Венгрия, 2017), «Zuleika apre gli occhi» (Италия, 2017), «Zuleyka öppnar ögonen» (Швеция, 2019), «Suleika avaa silmänsä» (Финляндия, 2016) [АНО «Институт перевода»] и др.

Из общего ряда переводных вариантов выделяется англоязычный перевод – «Zuleikha» (Великобритания, 2019). Сокращение названия переводчиком Лизой Хейден объясняется тем, что односложные названия или номинации-словосочетания значительно реже вызывают затруднения. В данном названии внимание читателя концентрируется на главной героине, ее этническом происхождении, а актуальный для романа мотив пробуждения умалчивается.

Переводчиками романа «Зулейха открывает глаза» («祖列依哈睁开了眼睛», 2017) являются Чжан Цзе и Се Юньцай. Се Юньцай – профессор, преподаватель русского языка и академический руководитель Школы иностранных языков Ляонинского университета. Профессором выполнено около 50 научных исследований: «略论词的语用意义» («О прагматическом значении слов», 2004), «翻译中的意义与意思刍议» («О трансляции смысла в переводе», 2002), «俄罗斯翻译的模式理论» («Теория моделей русского перевода», 2014), «俄罗斯翻译理论的语言学派与文艺学派» («Лингвистическая школа русского перевода», 2002), «论翻译中的语义与语用对等» («О семантической и прагматической эквивалентности в переводе», 2003), «具有祈使意义复合句的语用情态» («Прагматическая модальность сложных предложений с императивным значением», 2005). Он отредактировал словарь «俄汉国际商务词典» («Русско-китайский международный деловой словарь», 2008). С 1999 года Се Юньцай руководил двумя научно-исследовательскими проектами, такими как «俄汉翻译中的文化异同与翻译» («Культурные сходства и различия в русско-китайском переводе») и «白银时代俄

罗斯文学研究» («Исследования русской литературы Серебряного века»)
[Энциклопедия Байду].

Чжан Цзе (род. 1956) – профессор и научный руководитель школы иностранных языков Нанкинского педагогического университета, член Комитета по преподаванию иностранных языков Министерства иностранных дел. Основное направление его исследований – западная литературная критика, исследование произведений русской литературы. Профессор опубликовал более 70 научных работ, в числе которых «复调小说理论研究» («Теоретические исследования полифонических романов» 1992), «20 世纪俄罗斯文学批评史» («История русской литературной критики XX века», 2000), «结构文艺符号学» («Структурная литературная семиотика», 2004), «走向真理的探索——白银时代俄罗斯宗教文化批评理论研究» («Теоретическое исследование российской религиозной и культурной критики Серебряного века», 2012), «20 世纪俄苏文学批评理论史» («Теоретическая история русской и советской литературной критики в XX веке», 2017) [Энциклопедия Байду].

С точки зрения исследования лакун в переводе романа на китайский язык трудности можно спрогнозировать уже в заглавии романа – там наличествует форма глагола несовершенного вида настоящего времени «открывает». Грамматические трансформации объясняются отсутствием какой-либо грамматической категории в одном из сопоставляемых языков. В русском языке несовершенный вид глагола означает незаконченное, длительное действие, которое разворачивается вне временных и пространственных границ и не предусматривает результатов. Китайский язык не имеет грамматического признака вида глагола, а процессы протекания действия передаются с помощью служебных слов.

Приведем некоторые примеры: «Зулейха открывает глаза» / «祖列依哈睁开了眼睛» (досл. «Зулейха открыла глаза»); «Зулейха засыпает» [Яхина, 2015, с. 104] / «祖列依哈睡着了» [Чжан Цзе, Се Юньцай, 2017, с. 97] (досл. «Зулейха уснула»); «Зулейха замирает» [Яхина, 2015, с. 13] / «祖列依哈呆住了» [Чжан Цзе,

Се Юньцай, 2017, с. 6] (досл. «Зулейха замерла»); «Начинается новый день» [Яхина, 2015, с. 16] / «新的一天开始了» [Чжан Цзе, Се Юньцай, 2017, с. 9] (досл. «Новый день начался»).

В рассматриваемых примерах обнаруживается грамматическая лакунарность в переводе с русского языка на китайский. В тексте романа повторяемость, многократность действий поддерживается частотностью глаголов несовершенного вида настоящего времени («открывает», «засыпает», «замирает», «начинается»). В китайском языке отсутствует грамматическая категория вида глагола, поэтому глаголы несовершенного вида настоящего времени, передающие рутинность обыденной жизни персонажа, были переведены на китайский язык глаголами с частицей 了.

Подобная трансформация в конкретной переводческой ситуации затемняет художественно-философскую составляющую произведения в контексте развития мотива «пробуждение». Однако подчеркнем, что употребление частицы 了 в данных примерах является единственным соразмерным способом перевода на китайский язык действий и событий, фактически завершенных к моменту речи. Исходя из этого, можно утверждать, что сопоставительное изучение оригинала и перевода не только дает возможность выявить лакунарные единицы в китайском языке на фоне русского, но и в контрастивном ключе раскрывает художественно-философский замысел произведения.

Перевод романа «Дети мои». Название произведения в различных переводческих интерпретациях было подвергнуто одной трансформации. «Wolgakinder» (Германия, 2019), «Děti Volhy» (Чехия, 2020), «Децата на Волга» (Северная Македония, 2021), «A Volga gyermekei» (Венгрия, 2020) [АНО «Институт перевода»] – в этих названиях наблюдается введение гидронима «Волга». Роман «Дети мои» — это роман не только о сиротах, для которых строит приют шульмейстер Бах, но и о народе поволжских немцев, который приехал в Россию в поисках лучшей жизни, но не нашел «защиты и родительского покровительства» в лице государства [Яхина, 2016, с. 153].

Переводчик романа «Дети мои» Чэнь Фан (陈方) является профессором факультета русского языка и литературы Пекинского университета. Основное направление исследований – современная русская литература и творчество русских писательниц. С 2000 года она опубликовала множество монографий, таких как «当代俄罗斯女性作家研究» («Современная русская женская проза», 2007), «俄罗斯文学的“第二性”» («Второстепенная русская литература», 2015), «文学肖像» («Литературный портрет», 2002). Чэнь Фан перевела роман Людмилы Улицкой «Казус Кукоцкого» («库科茨基医生的病案», 2018), произведение Людмилы Петрушевской «Номер Один, или В садах других возможностей» («异度花园», 2012), «Парадокс о европейце» Николая Климонтовича («一个欧洲人的悖论», 2018). Профессор опубликовала множество научных статей в журналах «Русская литература», «Обзор зарубежной литературы», является создателем проекта Национального фонда социальных наук «Развитие и сопоставление образа женщин в русской литературе» («俄罗斯文学中女性形象的发展和比较») [Энциклопедия Байду].

По данным Российской газеты, в 2020 году в Пекине на церемонии вручения Международной переводческой премии «Россия – Китай. Литературная дипломатия» профессору Чэнь Фан было присвоено первое место за перевод романа Гузели Яхиной «Дети мои» [Кухтенкова, 2020]. В своем интервью Интернет-изданию «新浪看点» переводчица утверждает, что перевод потребовал от нее много времени и усилий: «Стиль перевода оказался намного проще, чем в оригинале. Разница общей стилистики текстов существенна. В романе «Дети мои» автор прекрасно ведет нить повествования, он отличается большим количеством подробных описаний и поэтическим языком» [Интервью с Чэнь Фан, 2021].

В следующих параграфах представлен анализ переводческих приемов при передаче особенностей двух произведений Г. Ш. Яхиной. Объективно очевидный этнокультурный аспект в романах, их стилистическая разнородность, многообразие специфической лексики вызывают особенный интерес. Материал

переводов романов «Зулейха открывает глаза» и «Дети мои» в сопоставлении с оригинальными текстами позволяет репрезентативно представить стратегии разных переводчиков, проследить тенденции в переводе с русского языка на китайский.

2.2. Типы лингвокультурных лагун в китайских переводах произведений Г. Ш. Яхиной

Лингвокультурные лагуны могут проявляться, с одной стороны, в связи с отсутствием эквивалентной языковой единицы в языке перевода, с разными средствами выражения какого-либо понятия. С другой стороны, их выявление обусловлено социально-культурными причинами, внеязыковой реальностью и национально-специфическим опытом различных народов. На материале произведений Гузели Яхиной анализируются следующие типы лагунарных единиц: *этнолингвистические, ассоциативные, лексические и идиостилистические*. Количество анализируемых типов лагун в романах Г. Яхиной представлено на рисунке 2.

Рисунок 2 – Количественное соотношение лингвокультурных лагун в переводах романов Г. Ш. Яхиной на китайский язык

Всего было проанализировано 355 лакун в переводе романа «Зулейха открывает глаза», в переводе произведения «Дети мои» – 315. В общем было выявлено 670 лакун, из которых:

- *этнолингвистические лакуны* составляют 116 единиц (17%),
- *ассоциативные лакуны* – 299 единиц (45%),
- *лексические лакуны* – 148 единиц (22%),
- *идиостилистические лакуны* – 107 единиц (16%).

Анализ лакун в китайском языке на фоне русских соответствий в настоящем исследовании был определен общей направленностью межъязыкового сопоставления. При изучении языковых единиц оригинала и перевода сопоставительно-семантическим методом описывается семантика и семантические различия сравниваемых лексем и фразеологизмов, на базе выявленных различий описывается национальная специфика семантики сравниваемых единиц двух языков.

Описание лакун в сопоставляемых текстах состоит из нескольких этапов. Сначала устанавливается лакуна в китайском языке на фоне русского соответствия, затем путем компонентного анализа определяется лексическое значение, семный состав языковой единицы фонового языка, т.е. на фоне которого была выявлена лакуна в исследуемом языке. В настоящем исследовании фоновым языком является русский; язык, в котором выявляется лакуна, – китайский. Данное значение используется для описания содержания лакуны в китайском языке.

2.2.1. Этнолингвистические лакуны

В переводах произведений Г. Яхиной этнолингвистические лакуны (116 ед.–17%) являются обширной группой лакунарных явлений, в которых лингвокультурная информация транслируется наиболее ярко. Количественные показатели в сопоставляемых текстах различаются: в переводе романа «Зулейха открывает глаза» было обнаружено 77 лакун представленного типа, в переводе произведения «Дети мои» – 39 единиц.

Анализ этнолингвистических лакун в романе

«Зулейха открывает глаза»

Текст произведения содержит лексический материал не только русского, но и татарского языков. Всего в переводе романа была обнаружена 61 этнолингвистическая лакуна, называющая понятия и явления татарской культуры (*яга, кульмэк, лэукэ* и др.), 16 лакун, обозначающих реалии русской культуры (*хоровод, изба, колокол* и др.). Некоторые лексические единицы номинируют реалии бытовой, социокультурной сферы, которые утратили свою актуальность в современном языке и в аспекте перевода соотносятся с классом экзотизмов.

Национально-культурная окрашенность произведения обусловлена этнической принадлежностью самого автора. В тексте романа реалии татарской культуры употребляются в основном в первой части, посвященной описанию повседневного быта главной героини в деревне Юлбаш. В следующих трех частях романа, в которых повествуется о движении героев по каторжному маршруту, о жизни Зулейхи в таежном спецпоселении Семрук, татарские вкрапления используются реже.

Лингвоэтническая составляющая произведения является барьером в переводческой деятельности, в принятии переводческих решений. Анализируемый текст вовлечен в культурный контекст славяно-тюркского межкультурного диалога, историческое контактирование которых насчитывает несколько столетий. Несмотря на длительность этнолингвокоммуникаций, многие лексемы тюркского происхождения являются лакунами и для русского читателя, хотя произведение написано на русском языке. Именно поэтому с интерпретационной целью автор создает своеобразный лексикографический раздел — двуязычный словарь произведения («Словарь татарских слов и выражений») [Яхина, 2015, с. 505-507], в котором представлен не только перевод слова на русский язык, но и его лингвоэтническая трактовка. Рассмотрим несколько примеров из оригинала, в которых употребляются татарские реалии, и их перевод на китайский язык (таблица 1). Здесь и далее в работе в сопоставительных целях используется

дословный перевод с опорой на словари [БРКС, 2001; ССКЯ, 2005; БАРКМС, 2008; ЭКС; БКРС-Э].

Таблица 1 – Этнолингвистические лакуны в переводе романа «Зулейха открывает глаза»

Лакуна и ее трактовка	Эквивалент в китайском переводе	Фрагмент из оригинала	Фрагмент из перевода
<i>Кота</i> – «короткие домашние валенки» [Яхина, 2015, с. 506].	毡靴 (валенки)	«Обуться нельзя – бесшумно пройти в войлочных <i>кота</i> не получится, какая-нибудь половица да и скрипнет» [Яхина, 2015, с. 9].	«不能穿鞋 — 穿着厚毡靴走路不可能没有一点声响, 万一哪块地板咯吱响了一声呢» [Чжан Цзе, Се Юньцай, 2017, с. 2] (досл. «Нельзя обуться – пройти в толстых валенках невозможно без шума, скрипит пол»).
<i>Убырлы карчык</i> – «кровожадная демоническая старуха, ведьма, упыриха» [Яхина, 2015, с. 506].	老妖婆 (старая ведьма)	« <i>Убырлы карчык</i> – Упыриха» [Яхина, 2015, с. 11].	«老妖婆 — 乌佩里哈» [Чжан Цзе, Се Юньцай, 2017, с. 4] (досл. «Старая ведьма — у-пэй-ли-ха»).
<i>Жаным</i> (ласковое обращение) – «душа моя» [Яхина, 2015, с. 505].	亲爱的 (дорогой)	« <i>Жаным</i> , – говорит она тихо, хриплым спросонья голосом» [Яхина, 2015, с. 52].	«亲爱的, — 她用半梦醒的嘶哑声音轻轻说道» [Чжан Цзе, Се Юньцай, 2017, с. 45] (досл. «Дорогой, – прошептала она хриплым, полусонным голосом»).

Примеры в таблице 1 свидетельствуют об уменьшении национально-культурной составляющей произведения в связи с компенсацией этнолингвистических лакун лексическими единицами из китайского языка. В вышеприведенных текстовых фрагментах переводчики используют прием

генерализации (*кота* / 毡靴 – валенки) и эквивалентной лексико-семантической замены (*убырлы карчык* / 老妖婆 – старая ведьма; *жаным* / 亲爱的 – дорогой).

Всего в авторском «Словаре татарских слов и выражений» была представлена трактовка 56 этнографизмов, которые можно объединить в 8 тематических групп. Количественное соотношение лексем представлено на рисунке 3.

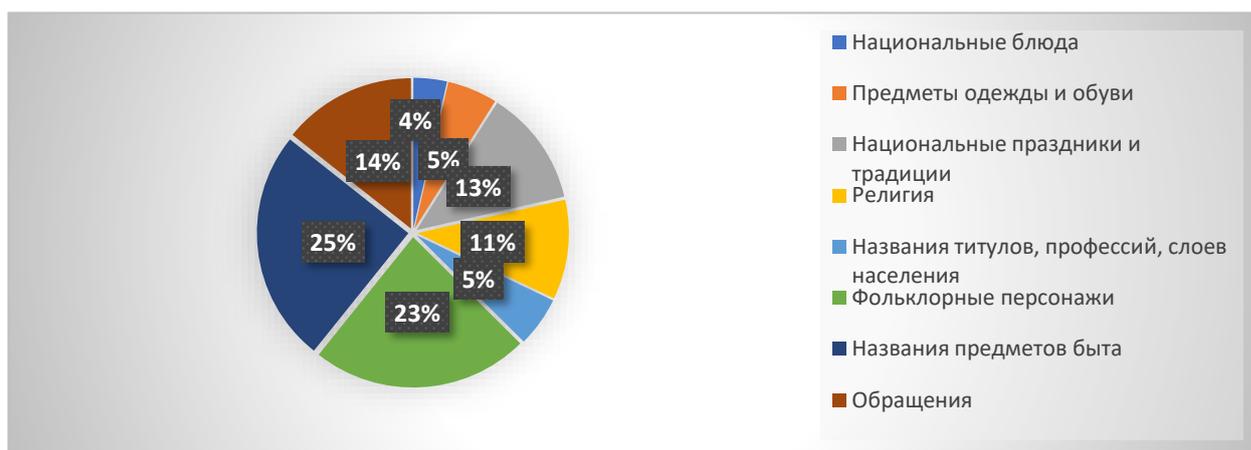

Рисунок 3 – Тематические группы этнолингвистических лакун в романе «Зулейха открывает глаза»

Подчеркнем, что остальные лакуны тюркского происхождения в тексте, обнаруженные в ходе сопоставительного исследования оригинала и перевода, не были занесены автором в словарь, по всей видимости, в связи с их широкой распространенностью в русской повседневной речи.

Приведем некоторые примеры этнографизмов, относящихся к анализируемым тематическим группам, и их китайских переводных эквивалентов:

1) Названия предметов быта (14 единиц, 25%): *каплау* – покрывало / 罩单 (досл. «накидка, покрывало»), *лэукэ* – полка в бане / 蒸浴床 (досл. «полка в парилке»), *чаршау* – занавеска / 帷帘 (досл. «штора») и др.

2) Фольклорные персонажи (13 единиц, 23%): *дэв* – злой дух, антропоморфный великан / 类人巨猿 (досл. «человекоподобный гигант»), *басу*

капка иясе – дух околицы / 村神 (досл. «дух деревни»), *шурале* – леший / 林妖 (досл. «дух леса»), *албасты* – женский демонический персонаж в мифологии / 女魔鬼 (досл. «женский демон») и др.

3) Обращения (8 единиц, 14%): *жаным* (ласковое обращение) – душа моя / 亲爱的, *хазрэт* (почтенный) – уважительное обращения к духовному лицу / - (пропуск) и др.

4) Национальные праздники и традиции (7 единиц, 13%): *Курбан* (*Курбан-байрам*) – мусульманский праздник жертвоприношения / 宰牲节 (досл. «праздник жертвоприношения»), *кыз-куу* («догони девушку») – конная игра / 骑马追姑娘游戏 (досл. «игра верхом на лошади в погоне за девушкой»), *Ураза* (*Ураза-байрам*) – мусульманский праздник в честь окончания поста Ураза / 守斋节 (досл. «праздник придерживания поста») и др.

5) Религия (6 единиц, 11%): *ляухэ* («хранимая скрижаль») – настенный коврик с изречением из Корана / 挂毯 (досл. «настенный ковер») и др.

6) Предметы одежды и обуви (3 единицы, 5%): *кульмэк* – платье, рубаха / 长袍 (досл. «халат»), *кота* – короткие домашние валенки / 毡靴 (досл. «валенки») и др.

7) Названия титулов, профессий, слоев населения (3 единицы, 5%): *ошкеруче* – родовые жрецы, знахари, целители / 祖传巫师 (досл. «потомственный шаман»), *абыстай* – супруга духовного лица / 阿訇的妻子 (досл. «жена имама») и др.

8) Национальные блюда (2 единицы, 4%): *кош-теле* – «мучная сладость» / 甜食 (досл. «сладкий мучной продукт»), *кызылык* – конская колбаса / 香肠 (досл. «колбаса»).

Исследование языкового материала показало, что особенно ярко этнолингвистические лакуны представлены в репрезентации вещного мира романа. Лакуны тематической группы «Названия предметов быта» обладают наибольшей частотностью в тексте произведения (14 ед. – 25%). Вещи наполняют локус проживания персонажа и тесно связаны с миром человеческих ценностей. Помимо утилитарной функции, вещам приписывают функцию знаковую, которая передает определенные значения, ценностные характеристики человека, существенные для определенной культуры. Автор текста использует лексемы бытовой сферы для создания особого культурного колорита.

Также наблюдается особенное насыщение текста лакунами тематической группы «Фольклорные персонажи» (13 ед. – 23%). Эти лексемы в оригинале придают образу Зулейхи национально-культурную самобытность.

Проиллюстрируем контекстное употребление некоторых татарских этнографизмов, относящихся к религиозным верованиям героини (таблица 2). Рассмотрим указанные лакуны в этнолингвистическом аспекте с точки зрения происхождения слова, его лингвоэтнического статуса, а также фоновой, текстовой информации, содержащейся в слове.

Таблица 2 – Этнолингвистические лакуны, относящиеся к религиозным верованиям героини

Лакуна и ее трактовка	Эквивалент в китайском переводе	Фрагмент из оригинала	Фрагмент из перевода
1	2	3	4
<i>Ошкеруче</i> – «родовые жрецы, знахари, целители» [Яхина, 2015, с. 506].	祖传巫师 (досл. «родовой шаман»).	«Зулейха побаивалась – все-таки она простая женщина, не <i>ошкеруче</i> » [Яхина, 2015, с. 25].	«祖列依哈不敢直接跟墓地神说话 – 她是一个普通的女人, 不是祖传巫师» [Чжан Цзе, Се Юньцай, 2017, с. 18] (досл. «Зулейха не осмеливалась говорить прямо с богом кладбища — она была обычной женщиной, а не родовым шаманом »).

Продолжение таблицы 2

1	2	3	4
<p><i>Фэрэштэ</i> – «ангел» [Яхина, 2015, с. 507].</p>	<p>天使 (ангел)</p>	<p>«Мы с Муртазой в доме останемся, а за тобой прилетят три огненных <i>фэрэштэ</i> и унесут прямиком в ад» [Яхина, 2015, с. 36].</p>	<p>«我和穆尔塔扎将会待在家里，而三个天使将飞来找你，直接把你带进地狱» [Чжан Цзе, Се Юньцай, 2017, с. 29] (досл. «Муртаза и я останемся дома, а к тебе прилетят три ангела и не унесут тебя прямо в ад»).</p>

Лексемы *ошкеруче*, *фэрэштэ*, прокомментированные автором в словарном приложении к роману, этимологически не однородны.

Слово *ошкеруче*, судя по данным тюркской лексикографии, относится к исконной лексике. Ср.: татарское *өшкерүче* «знахарь, заклинатель», *өшкер-ү* (*өшкөр-*), «нашептывать заговоры и дунуть с брызгами слюны», а также ногайское, уйгурское, киргизское, туркменское, алтайское *үскир-*, *үшкүр-* «пищать, шумно дышать, плевать» [ТТЭС, 2015].

Лексема *фэрэштэ* тоже является заимствованием, но соотносится с языками народов Ирана и Средней Азии. Считается, что в мусульманской традиции для обозначения «ангела» используется каноническая арабская номинация «малаика» [ИЭС, 1991, с. 181]. Татарское *фэрэштэ*, диал. *фирештэ*, *пэрештэ* соотносится с согдийским, фарси/персидским *färištä*, *färišti* (*Bryšty*) «ангел» [ДС, 1969], авестийским *fra ashta*, *fra ishta* «помощник посла» [ТТЭС, 2015]. Отсюда – использование в тексте произведения именно этого термина в его «языческом окружении».

Лингвоэтнический статус рассматриваемых слов для русскоязычного читателя является очевидным, прозрачна и сопряженность с языковым контактированием, отразившим и диахронические, и синхронические взаимодействия народов и культур. И в этой связи обусловлен и лингвокультурный, этнолингвистический потенциал слов, когда «прочитывается»

текстовая, фоновая информация. Для носителей и русского, и татарского языков понятно, что слова *ошкеруче*, *фэрэштэ* совмещают и образы языческих верований, и мусульманские традиции, хотя Г. Ш. Яхина в своем словарном приложении к роману для *фэрэштэ* дает только одно значение «ангел», которое китайскими переводчиками, судя по контексту, возможно, было осмыслено иначе, в другом смысле - в традициях христианской культуры.

Следует отметить, что для Зулейхи и других жителей деревни Юлбаш татарские номинации обладают сакральным смыслом. Крах привычной повседневности, последовавший за сменой общественно-политической обстановки в стране в 30-е гг. XX в., начал образовывать новые правила взаимодействия человека с окружающим миром. Общественные потрясения первой половины XX в. вынуждают персонажа «прятаться» в повседневной ритуальности, создавать знакомую для себя обыденность. В переводе неизбежен сдвиг в интерпретации подобных лексем. В связи с этим культурный колорит этнографического пласта текста не исчезает, но переходит на второй план, уступая место основному уровню романа и затемняя национальную самобытность героини.

Анализ этнолингвистических лакун в романе «Дети мои»

При сопоставлении романа и его перевода было обнаружено 39 этнолингвистических лакун. Из них – 15 лексем немецкого происхождения, 24 слова обозначают реалии русской культуры.

Уже в имени главного героя Якоба Ивановича Баха, с которым читатель знакомится в первой главе романа, заложена двойственность национального самоопределения не только отдельно взятого персонажа, но и многочисленных представителей поволжских немцев в произведении. Этнокультурной составляющей текста являются германизмы, гармонично звучащие в романе. Однако, в отличие от произведения «Зулейха открывает глаза», автор не интерпретирует эти номинации в конце или в самом тексте произведения.

Далее представлены некоторые примеры этнолингвистических лакун с последующей трактовкой немецкоязычной лексики из лексикографических источников (таблица 3).

Таблица 3 – Этнолингвистические лакуны в переводе романа «Дети мои»

Лакуна и ее трактовка	Эквивалент в китайском переводе	Фрагмент из оригинала	Фрагмент из перевода
<i>Шванк</i> – «короткий комический рассказ в стихах или в прозе как жанр немецкой литературы эпохи Средневековья и Возрождения» [НСРЯ, 2000].	歌词 (песня)	«Тексты песенок и <i>шванков</i> , которые напевала Клара, ... [Яхина, 2018, с. 90].	« 克拉拉唱的歌词 ...» (досл. «песни, которые пела Клара...») [Чэнь Фан, 2020, с. 92].
<i>Кирха</i> (нем. Kirche) – «лютеранский храм» [СИС].	教堂 (храм)	«...Бах желал сделать все как можно быстрее: уложить ребенка на ступени <i>кирхи</i> и тотчас удалиться, не смотря по сторонам...» [Яхина, 2018, с. 150].	«... 巴赫想尽快把一切事情做完: 把孩子放到教堂台阶上, 转身就走, 不四处张望, 不去管新事物和新变化» [Чэнь Фан, 2020, с. 161] (досл. «... Бах хотел сделать все как можно быстрее: оставить ребенка на ступеньках церкви, развернуться и уйти, не оглядываясь»).
<i>Рейхсдойче</i> — «исторический термин для обозначения немцев, постоянно проживавших в Германской империи в 1871—1945 годах» [СИС].	同胞们 (соотечественники)	«... за более чем сто лет русские немцы, сами того не заметив, превратились в отличный от <i>рейхсдойчей</i> народ» [Яхина, 2018, с. 190].	«...因为一百多年间, 德裔俄国人已经不知不觉变成了与 同胞们 不同的人...» [Чэнь Фан, 2020, с. 210] (досл. «...за более чем сто лет русские немцы, сами того не подозревая, стали непохожими на своих соотечественников»).

Как и в романе «Зулейха открывает глаза», этнографический уровень произведения «Дети мои» затемняется, однако элементы немецкой культуры все же встречаются в повествовании. Таковыми являются названия немецких городов

и достопримечательностей, имена персонажей. В произведении есть и другие лексемы, заимствованные из немецкого языка, такие как: *фройляйн* («Изволите шутить, фройляйн?» [Яхина, 2018, с. 43]), *шмельмейстер* («Многоуважаемый шмельмейстер Бах» [Яхина, 2018, с. 29]), *шмельгауз* («Удрученно качая головой, поспешил обратно в шмельгауз» [Яхина, 2018, с. 27]), *гроссбух* («По указанию Гофмана сказки из гроссбуха читались вслух...» [Яхина, 2018, с. 254]). Эти и другие лексические единицы помогают создать атмосферу Гнаденталя – немецкой колонии, в которой разворачивается сюжет романа. Они сохраняют её языковую и культурную самобытность.

Исследование показало, что в переводе не транслируется этнокультурная специфика подобных лексем. При этом стоит учитывать отсутствие длительных языковых контактов Китая и Германии. При передаче германизмов наблюдается применение методов эквивалентной замены и описательного перевода: *фройляйн* / 小姐 (девушка), *шмельгауз* / 校舍 (здание школы), *шмельмейстер* / 老师 (учитель), *кирха* / 教堂 (храм), *шванки* / 歌词 (песни), *рейхсдойче* / 同胞们 (соотечественники), *допель-кюммель* / 茴香甜酒 (досл. «анисовый ликер»).

Подчеркивая этнокультурную двойственность немцев Поволжья, автор вводит в текст реалии славянского мира. Далее приведены некоторые примеры реалий русской культуры из текста и их перевод (таблица 4).

Таблица 4 – Перевод реалий русской культуры в романе «Дети мои»

Лакуна и ее трактовка	Эквивалент в китайском переводе	Фрагмент из оригинала	Фрагмент из перевода
1	2	3	4
<i>Тюря</i> – «холодное суповое жидкое блюдо русской и белорусской кухни» [Похлебкин, 1988].	面汤 (досл. «суп из муки»)	«... запарит утреннюю <i>тюрю</i> из морковной муки вперемешку с овсом...» [Яхина, 2018, с. 138].	«...巴赫用毛巾盖上盘子, 这样面汤就能更入味了» [Чэнь Фан, 2020, с. 147] (досл. «Бах накрыл тарелку полотенцем – это сделает суп из муки более ароматным»).

Продолжение таблицы 4

1	2	3	4
<p><i>Косоворотка</i> – «мужская рубаша у русских, обычно туникообразная, с разрезом с левой стороны ворота» [СЭТ].</p>	<p>男式衬衫 (досл. «мужская рубашка»).</p>	<p>«Он опустил взгляд и с удивлением обнаружил, что носит дева синюю косоворотку с натянутой поверх вязаной душегрейкой...» [Яхина, 2018, с. 164].</p>	<p>«他垂下目光,惊讶地发现少女穿着一件蓝色的男式衬衫,外面披了一件毛背心,她的裤子是麻布的,塞在靴子里 » [Чэнь Фан, 2020, с. 177-178] (досл. «Он опустил глаза и с удивлением обнаружил, что на девушке синяя мужская рубашка, поверх которой шерстяной жилет...»).</p>

В целом взгляд на роман сквозь призму реалий немецкой и русской лингвокультур, которые «уживаются» в тексте, позволяет увидеть историко-культурный фон произведения, оценить стилистику текста, авторский замысел.

Этнолингвистическая лакунарность при сопоставлении романов Г. Ш. Яхиной и их переводов на китайский язык выражается в том, что переплетающиеся в произведениях русское и татарское, русское и немецкое лингвокультурные поля не воспринимаются китайским читателем, тогда как автор оригинальных текстов тем самым постоянно подчеркивает этническую принадлежность героев. Таким образом, для переводчиков романов «Зулейха открывает глаза» и «Дети мои» задача состояла в двойном транскодировании (татарский → русский → китайский; немецкий → русский → китайский) лакун с минимальными смысловыми потерями.

2.2.2. Ассоциативные лакуны

Ассоциативные лакуны представляют собой слова или словосочетания, которые способны вызывать у носителей языка определенные ассоциации. В анализируемых текстах было выявлено наибольшее количество лакун представленного типа (299 ед. – 45%). Это связано с тем, что данная группа лакунарных явлений охватывает довольно широкий спектр лингвокультурной информации.

К примеру, яркой ассоциативной лакуной, обнаруженной при сопоставительном анализе оригинала романа «Зулейха открывает глаза» и его перевода, является число 7. Можно утверждать, что числа в любой лингвокультуре приобретают особые коннотации, поскольку в некоторых случаях они могут получать символическое значение.

В связи с этим особого комментария требует фрагмент диалога из романа о Зулейхе, в котором Иван Игнатов рассказывает Зиновию Кузнецу о том, что для сибирского спецпоселения для раскулаченных было придумано название Семрук. *«– И как же вас теперь звать-величать? – Взгляд Кузнецца внимательный, цепкий. – Семь рук, – не сразу ответил Игнатов. – Заковыристо. Вам не по часом имя снарядил? – Чего-о-о?! – А то! Предрассудками религиозными ваше имя пахнет, вот чего. Серафимами шестикрылыми и прочими явлениями»* [Яхина, 2015, с. 342].

У Зиновия Кузнецца возникла ассоциация с числом 7, связанная с религиозным контекстом. Это число имеет для русской лингвокультуры особое значение, что обусловлено влиянием христианства на ценностные ориентации людей. В частности, христиане в России почитают семь добродетелей и избегают семи грехов. В русских фразеологизмах часто можно встретить числовое обозначение «семь» или «седьмой»: *семь раз отмерь – один раз отрежь, на седьмом небе, семь бед один ответ, до седьмого пота, семеро одного не ждут* [БСРП, 2010] и др.

Для китайцев число 7 не связано с религиозными, библейскими концептами. Кроме того, фразеологизмы с этим числом обычно имеют отрицательный оттенок,

означают беспорядок: 七上八下 (семь вверх и восемь вниз), 七长八短 (семь длинных и восемь коротких), 七嘴八舌 (семь ртов и восемь языков, в значении «много людей и все они говорят по-разному»), 七拼八凑 (кое-как собрать вместе), 七手八脚 (семь рук и восемь стоп, в значении «в суматохе, в спешке»), 七零八落 (беспорядочный, разрозненный), 乱七八糟 (хаос, беспорядок) [СКФПАЯ, 2005; БКРС-Э]. Различное отношение русских и китайцев к «семерке» связано с их культурным прошлым, а культурные коннотации числа задают фоновые знания о русской и китайской лингвокультурах.

К представленной ассоциативной лакуне, безусловно, требуется лингвокультурологический комментарий. Однако для переводчиков и, следовательно, читателей китайского издания романа эта лакуна осталась незамеченной, а причина реакции коммуниста Зиновия Кузнецца оказалась не раскрытой.

В произведениях Г. Ш. Яхиной ассоциативные реакции связаны, прежде всего, с фоновой информацией, содержащейся в антропонимах, фразеологизмах, аллюзиях. Количественное соотношение материала в анализируемых текстах представлено на рисунке 4.

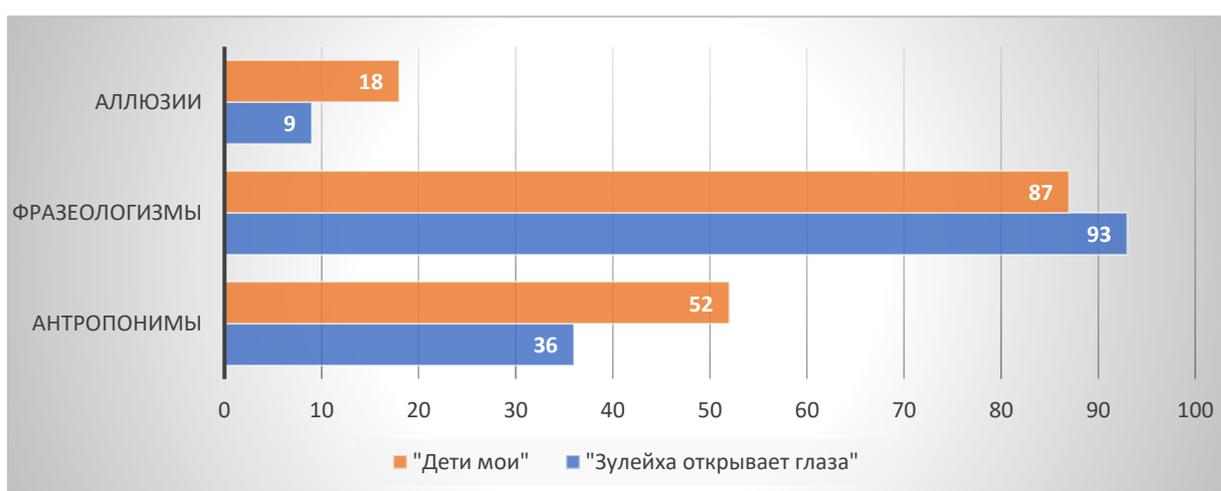

Рисунок 4 – Количественное соотношение ассоциативных лакун в переводах романов Г. Ш. Яхиной на китайский язык

В ходе исследования было выявлено 88 антропонимов, 180 фразеологизмов, 27 аллюзий, относящихся к классу ассоциативных лакун. Рассмотрим особенности их перевода более подробно.

Антропонимы

В романе «Дети мои» система имен персонажей более многочисленная (52 ед.), чем в романе «Зулейха открывает глаза» (36 ед.). Если в романе о Зулейхе этнокультурный фон произведения поддерживается большей частотностью татарских этнографизмов, то в романе «Дети мои» национально-культурный колорит произведения транслируется за счет немецкого антропонимикона.

При передаче иноязычных антропонимов на китайский язык традиционно используется прием транскрипции, поскольку перевод требует прежде всего точного воспроизведения средствами переводящего языка звучания исходного имени. Однако в процессе передачи антропонимов переводчик сталкивается с некоторыми факторами, влияющими на эквивалентность и адекватность перевода. Далее эти причины рассматриваются более детально.

1. Прецедентные имена собственные. В русском антропонимиконе представлены многочисленные имена заимствованного происхождения из греческого, латинского, тюркских языков. Проблема национально-языковой принадлежности связана с античной и библейской этимологией антропонимов.

В случае перевода имен тюркского происхождения в романе «Зулейха открывает глаза» сложными для восприятия являются аллюзии на коранический нарратив, например, Юсуф и Зулейха. Юсуф – исламский пророк, сын пророка Йакуба, обладавший способностью толковать сны. Истории его жизни посвящена 12-я сура Корана «Юсуф». Зулейха – это женщина, о которой упоминается в коранической суре. Эти герои представлены в литературно-фольклорном памятнике многих народов Востока, данная библейско-кораническая легенда имеет много поэтических переложений [БЭС, 2004].

Значительный лингвострановедческий потенциал имени собственного объясняется его прецедентным характером, способностью быть аллюзивным маркером определенной лингвокультуры и необходимостью конкретизации для

иностранного читателя. Так, в тексте романа находим фамилию *Денисов* / 杰尼索夫 (цзе-ни-суо-фу), конкретизированную апеллятивами «председатель сельсовета», «балтийский» и др. Русский читатель увидит в этом случае аллюзию на героя Давыдова в романе М. Шолохова «Поднятая целина».

Г. Ш. Яхина в одном из своих интервью подтвердила аллюзивную интерпретацию антропонима *Денисов*: «Мне показалось забавным посмотреть, как бы действовал этот шолоховский герой в татарской деревне. Это просто художественный прием. Я поначалу хотела даже больше отсылок сделать к героям разных советских книг и фильмов о раскулачивании и коллективизации. Но потом поняла, что они мешают повествованию» [Симакова].

В романе «Дети мои» автор знакомит читателя с жителями Гнаденталя, фамилии которых хорошо известны: шмельмейстер Якоб Бах / 雅科布·巴赫, пастор Адам Гендель / 亚当·亨德尔, отец возлюбленной главного героя Удо Гримм / 乌多·格里姆, горбун Гофман / 霍夫曼, Эми Бёлль / 艾米·彪里. Они ассоциируются с фамилиями известных немецких писателей, философов, ученых и музыкантов. По мнению Е. Д. Ивановой, упоминанием имен известных личностей автор подчеркивает мысль о потенциале российских немцев, чьи «фамилии постоянно напоминают о лучших представителях германского народа и его достижениях мирового уровня» [Иванова, 2019, с. 65].

2. Вариативность имен персонажей. Вариативность антропонимов проявляется в образовании уменьшительно-ласкательных, сокращенных, фамильярно-пренебрежительных форм от личных имен. В русском языке представлено множество уменьшительных и оценочных вариантов антропонимов, употребление которых носит ситуативно-этикетный характер и зависит от ситуации общения, отношения говорящего, степени знакомства и т.д. В переводе на китайский язык у читателей нередко возникают трудности с отнесением вариантов имени к одной номинативной цепочке. Отметим, что для русского языка закономерны употребления различных форм одного и того же антропонима, тогда

как для реципиента перевода с принципиально иной системой китайского антропонимикона требуются комментарии переводчика.

Различные формы номинации несут эмоционально-оценочную нагрузку за счет суффиксальной вариативности русского имени. При этом необходимо отметить, что уменьшительно-ласкательные суффиксы -ик-/-ек-, -очк-/-ечк-, -оньк-/-еньк-, -ушк-(-юшк-), -к- не всегда придают антропониму положительный оттенок. Обратимся к фрагментам текста романа «Зулейха открывает глаза» (таблица 5), в которых эти суффиксы в именах собственных демонстрируют пренебрежительное отношение говорящего к объекту номинации.

Таблица 5 – Перевод антропонимов с суффиксами субъективной оценки

Форма антропонима	Фрагмент из оригинала	Фрагмент из перевода	Переводческий комментарий к антропониму
1	2	3	4
<i>Мишка, Тохтамыш Мурадович</i>	«Он к тому времени в Казани уже большим человеком стал, из долговязого рыжего Мишки превратился в степенного Тохтамыша Мурадовича с солидным бритым черепом и золотым пенсне в нагрудном кармане» [Яхина, 2015, с. 94].	«巴基耶夫那时在喀山已经是一个大人物了, 从细高身材, 红棕色头发的 米什卡 变成了令人肃然起敬的可汗 穆拉多维奇 , 剃着神气的光头, 前胸衣袋中放着金边眼镜» [Чжан Цзе, Се Юньцай, 2017, с. 86] (досл. «Бакиев в то время был уже большим человеком в Казани: из высокого рыжеволосого мишен-ка до солидного му-ла-дуо-вэй-ци , с бритой головой, с очками в золотой оправе в нагрудном кармане»).	«巴基耶夫的名字是米哈伊尔, 米什卡 是他的昵称» [Чжан Цзе, Се Юньцай, 2017, с. 86] (досл. «Имя Бакиева – ми-ха-и-эр, мишен-ка – его прозвище»). « 穆拉多维奇 是巴基耶夫之父称。用可汗加父称来称呼巴基耶夫, 表明大家对他及其尊重» [Чжан Цзе, Се Юньцай, 2017, с. 86] (досл. « му-ла-дуо-вэй-ци – отчество Бакиева. К имени Бакиева добавляется имя его отца, чтобы показать уважение»).

Продолжение таблицы 5

1	2	3	4
<i>Глашка</i>	«Постарела, подурнела; лицо рябое, щеки слегка обвисли, как сдулись; руки – морщинистые, с ломаными ногтями. Не Аглая – <i>Глашка</i> » [Яхина, 2015, с. 480].	«不是啊格拉娅 – 而是 格拉什卡 » [Чжан Цзе, Се Юньцай, 2017, с. 478] (досл. «Не а-гэ-ла-я, а гэ-ла-шен-ка »).	« 格拉什卡 是啊格拉娅的小名昵称» [Чжан Цзе, Се Юньцай, 2017, с. 478] (досл. « гэ-ла-шен-ка – это уменьшительная, ласковая форма имени а-гэ-ла-я»).

Передача на китайский язык варианта имени *Глашка* в первом примере была выполнена путем транскрибирования с переводческим комментированием, поскольку новая лексема, не известная китайскому читателю, должна быть объяснена каким-либо способом. Отметим, что значение суффикса -к- в образовании новой формы имени было передано не совсем корректно: произошел сдвиг от отрицательной коннотации к положительной.

Аналогичная тенденция переводческих решений подтверждается вторым примером из текста. Комментарий к форме имени *Мишка* в тексте перевода романа «Зулейха открывает глаза» не передает фамильярной, эмоционально-принижающей оценки персонажа. В этом текстовом фрагменте наблюдается еще один вариант антропонима – официальное имя, содержащее отчество. Трансформация имени *Мишка* в форму *Тохтамыш Мурадович* в пределах одного предложения придает отношению говорящего к объекту номинации некоторую официальность и уважительный оттенок, демонстрирует профессиональный рост героя. Чтобы китайскому читателю разобраться с формами именования, переводчиками был представлен комментарий к патрониму *Мурадович*.

Несмотря на длительную историю переводов русской литературы на китайский язык, переводчики посчитали нужным прокомментировать оттенок данной номинации. Это связано с тем, что китайский антропонимикон не имеет традиции добавления отчества к имени: уважительное отношение здесь

выражается при помощи имени и разнообразных апеллятивных добавок (должности, статуса). В практике перевода с русского языка на китайский видится необходимым сохранение отчеств, поскольку каждый элемент текста играет важную роль в формировании его художественной целостности.

Проанализированные переводческие интерпретации вариантов имен персонажей продемонстрировали трудности передачи оценочных коннотаций антропонимов на китайский язык. Так, в китайской версии второго романа Гузели Яхиной «Дети мои» вовсе обнаруживается пропуск уменьшительно-ласкательной формы имени Анна: «*Да, только так – Анна. Ласково – **Анче***» [Яхина, 2018, с. 189]/ «*是的, 就叫这个名字吧, 安娜*» [Чэнь Фан, 2020, с. 209] (досл. «Да, именно это имя, Анна»).

3. Прозвищная номинация. Прозвище может быть создано по созвучию с именем или с помощью нарицательного существительного, передающего специфические характеристики человека. Во втором случае при переводе важно, чтобы эквивалентное соответствие было функциональным. Иначе говоря, необходимо стремиться к тому, чтобы китайское прозвище указывало на те же признаки своего носителя.

Если прозвище содержит нарицательный элемент, то перед переводчиком стоит задача воссоздать заложенные в номинацию образ и характеристику. При этом нужно учитывать, что в китайском языке, как и в русском, существуют свои правила и способы образования прозвищ, что накладывает некоторые ограничения на возможные варианты перевода.

В романе «Зулейха открывает глаза» было обнаружено 3 прозвищные номинации. В соответствии с данными в таблице 6 при переводе каждой из них утрачивается отрицательная коннотация. Обращение к переводу прозвищных номинаций показало, что традиционный прием транскрибирования при переводе имен собственных с русского языка на китайский не всегда является эффективным. В случаях передачи имен, содержащих в себе некую характеристику персонажа, целесообразно применение других способов перевода.

Таблица 6 – Перевод прозвищ в романе «Зулейха открывает глаза»

Прозвище	Эквивалент в переводе	Фрагмент из оригинала	Фрагмент из перевода
<i>Мансурка-Репей</i>	曼苏尔卡-列佩 (ман-су-ар-ка-лие-пэй)	«За глаза его называли <i>Мансуркой-Репьем</i> » [Яхина, 2015, с. 50].	«大家背后都把他称作曼苏尔卡 - 列佩» [Чжан Цзе, Се Юньцай, 2017, с. 42] (досл. «За спиной все называли его ман-су-ар-ка-лие-пэй»).
		«Это проделки <i>Мансурки-Репья</i> и его нищелюбных из ящечки, не иначе» [Яхина, 2015, с. 61]	«这是曼苏尔卡 - 列佩以及支部的那些穷叫花子们干的, 肯定没错» [Чжан Цзе, Се Юньцай, 2017, с. 53] (досл. «Это сделали ман-су-ар-ка-лие-пэй и нищие из ячейки, это точно»).
<i>Зина</i> (от имени «Зиновий»)	济纳 (цзи-на)	Давай выпьем, <i>Зина</i> » [Яхина, 2015, с. 371].	«来, 咱们喝一杯, 济纳» [Чжан Цзе, Се Юньцай, 2017, с. 363] (досл. «Давай выпьем, цзи-на»).
<i>Упыриха</i>	乌佩里哈 (у-пэй-ли-ха)	«Убырлы карчык — <i>Упыриха</i> » [Яхина, 2015, с. 11].	«"老妖婆" — 乌佩里哈» [Чжан Цзе, Се Юньцай, 2017, с. 4] (досл. «Старая ведьма — у-пэй-ли-ха»).

Вышеприведенные примеры русскоязычных прозвищ требуют комментария.

Мансурка-Репей. В переносном значении лексема «репей» означает «надоедливо пристающего к кому-либо человека», употребляется как порицающее слово [НСРЯ, 2000]. Перенос свойств сорного растения с колючими цепкими соцветиями на характер человека лег в основу образования прозвища. При переводе подобной номинации возможно применение таких приемов, как транскрипция с последующим комментированием, калькирование, эквивалентная лексико-семантическая замена. Однако в переводе на китайский язык произошел смысловой сдвиг в передаче коннотативного значения наименования лица, так как транскрипция при отсутствии комментария не приближает читателя к пониманию персонажа через прозвищную номинацию.

Зина. Это прозвище героя Зиновия Кузнеца, который по сюжету романа отвечает за переселение раскулаченных в тайгу. Так Кузнеца называет младший по званию и его подопечный Иван Игнатов. К данной прозвищной номинации был приведен комментарий: «济纳是俄罗斯人名济诺维的昵称» [Чжан Цзе, Се Юньцай, 2017, с. 363] (досл. «济纳, цзи-на – это прозвище от русского имени 济诺维, цзинуо-вэй»). Пример из оригинала и перевода свидетельствует о потере шуточно-фамильярного оттенка прозвища, обусловленного созвучием мужского имени с женским.

Упыриха. Это прозвище сварливой свекрови Зулейхи отражает типичный сценарий повседневности. Отношения невестки и свекрови в представленном в романе общественном порядке регулируются жесткой системой культурно-национальных эталонов и гендерных стереотипов. В китайском переводе при транскрибировании имени собственного в вариант 乌佩里哈 (у-пэй-ли-ха) утрачивается отрицательная коннотация.

Анализ языкового материала показал, для адекватного перевода текста, содержащего антропоним в различных его формах и вариациях, механической передачи на китайский язык его фонографической оболочки недостаточно. В случае перевода прозвищ удачным является прием калькирования, а также транскрипция совместно с переводческим комментированием. Спрогнозировав все возможные смысловые и культурно-прагматические сдвиги в интерпретации художественного текста, переводчик должен выбрать максимально адекватный для каждой переводческой ситуации эквивалент.

Фразеологизмы

Фразеологизмы содержат передающиеся от поколения к поколению культурные установки и архетипы, способны к номинации явлений прошлого и настоящего определенной культуры, которые не имеют аналогов в других. Кроме того, в силу своей выразительности устойчивые выражения широко используются в художественной литературе. В связи с этим фразеологические единицы

представляют собой самую многочисленную группу единиц в контексте исследования ассоциативных лакун (180 ед.).

Проведенный сравнительный анализ оригинальных текстов Гузели Яхиной и их переводов позволил выявить наиболее частотные приемы передачи фразеологизмов на китайский язык, используемые Чжан Цзе и Се Юньцай в китайской версии романа «Зулейха открывает глаза», Чэнь Фан в переводе произведения «Дети мои». Решение этой проблемы достигалось с помощью трех основных способов – дословный перевод, функциональный аналог и описательный перевод. Частотность их применения представлена на рисунке 5.

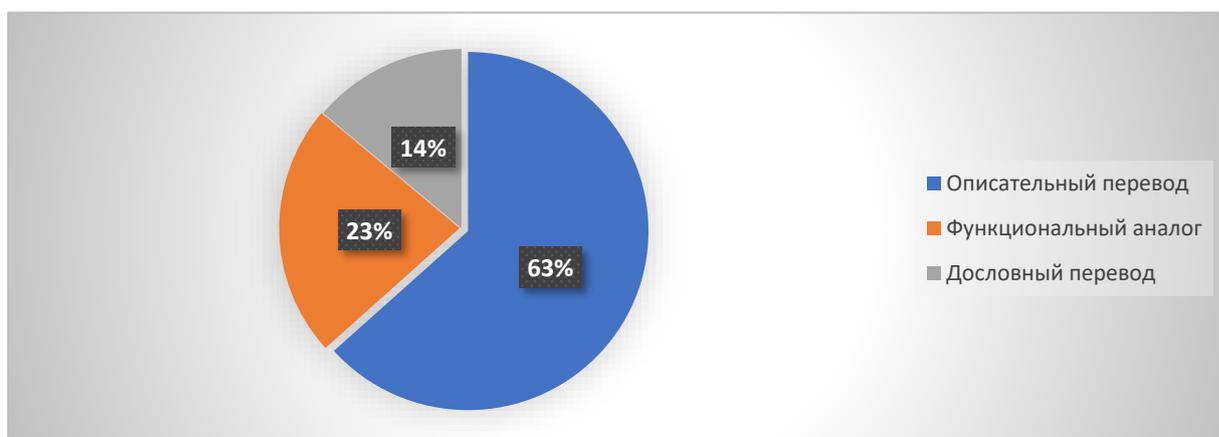

Рисунок 5 – Процентное соотношение способов перевода фразеологических единиц в романах Г. Ш. Яхиной на китайский язык

В результате исследования были получены следующие данные (в процентах от общего количества проанализированного материала): при переводе единиц фразеологического фонда с русского языка на китайский в анализируемых текстах частота приема описательного перевода составляет 63% случаев (114 ед.), поиск функционального аналога – 23% (41 ед.), дословный перевод – 14% (25 ед.).

Проанализируем особенности трансформаций фразеологизмов в русско-китайском переводе, приведя следующие примеры (таблица 7).

Таблица 7 – Способы перевода фразеологических единиц

Фразеологизм и его значение	Эквивалент в переводе	Фрагмент из оригинала	Фрагмент из перевода
1	2	3	4
Дословный перевод			
<i>Мотать на ус</i> – «запоминать, учитывать на будущее» [БФСРЯ, 2009].	捋着自己鼻子下面掀起的八撇胡 (досл. «гладить усы»).	«Игнатов знал: Кузнец <i>мотает на</i> свой черный, блестящий, завитком уходящий от носа к щеке <i>ус</i> все, что он говорит в трезвости, подпитии или беспамятном пьяном угаре» [Яхина, 2015, с. 366].	«伊格纳托夫心里清楚: 库兹涅茨捋着自己鼻子下面掀起的八撇胡; 心里随时记着伊格纳托所说的一切, 无论是清醒, 微醉, 还是酩酊大醉» [Чжан Цзе, Се Юньцай, 2017, с. 358] (досл. «Игнатов в глубине души точно знал: Кузнец гладит усы и всегда запоминает все, что говорит Игнатов трезвым, слегка пьяным или очень пьяным»).
<i>Хлеб-соль</i> – «от старинного славянского обычая, сохранившегося до наших дней: в знак уважения подносить при торжественной встрече каравай хлеба и соль тому, кого встречают» [ФСРЛЯ, 2008].	手捧面包加盐 (досл. «держат хлеб и соль в руках»).	«И готовит оккупантам теплую встречу, <i>с хлебом-солью</i> » [Яхина, 2015, с. 460].	«准备热烈欢迎侵略者, 手捧面包加盐 恭迎他们呢» [Чжан Цзе, Се Юньцай, 2017, с. 451] (досл. «Приготовились тепло приветствовать захватчиков, встретить их с хлебом-солью в руке»).
Описательный перевод			
<i>Ни бельмеса</i> – «о полном незнании кем-либо чего-либо» [НСРЯ, 2000].	一点儿也不懂 (досл. «вообще не понимать»).	«Да они тут по-русски <i>ни бельмеса</i> , товарищ Игнатов» [Яхина, 2015, с. 73].	«他们 一点儿也不懂 俄语, 伊格纳托夫同志» [Чжан Цзе, Се Юньцай, 2017, с. 65] (досл. «Они по-русски вообще не понимают, товарищ Игнатов»).

Продолжение таблицы 7

1	2	3	4
<i>Снегом на голову</i> – «совершенно неожиданно, внезапно» [БФСРЯ, 2009].	突然造访 (досл. «неожиданно посетить»).	«Весной сорок второго Кузнец явился, как всегда, - <i>снегом на голову</i> , вдруг» [Яхина, 2015, с. 457].	«1942 年春天, 库兹涅茨又来了, 和以往一样 – 突然造访 » [Чжан Цзе, Се Юньцай, 2017, с. 447] (досл. «Весной 1942 года снова приехал Кузнец, как всегда – внезапно»).
<i>Авгиева конюшня</i> – «о запущенной проблеме, беспорядке в делах и т.д.» [НСРЯ, 2000].	脏乱差的马厩 (досл. «грязная конюшня»).	«Голова твоя – <i>авгиева конюшня</i> , Бёлль» [Яхина, 2018, с. 168].	«你的脑袋就是 脏乱差的马厩 » [Чэнь Фан, 2020, с. 183] (досл. «Твоя голова – грязная конюшня»).
Подбор функционального аналога			
<i>Кровь с молоком</i> – «румяный, цветущий, крепкий» [БФСРЯ, 2009].	青春朝气 (досл. «молодая и бодрая»); 貌美如花 (досл. «красивая внешность, словно цветок»).	«Одно слово – <i>кровь с молоком</i> » [Яхина, 2015, с. 73].	«一句话 – 青春朝气, 貌美如花 » [Чжан Цзе, Се Юньцай, 2017, с. 65] (досл. «Одним словом - молодая и бодрая, прекрасная как цветок»).
<i>Не до того</i> (разг.) – «отсутствие времени, возможности заниматься чем-либо» [НСРЯ, 2000].	风花雪月 (досл. «ветер, цветы, снег и луна»); 花前月下 (досл. «среди цветов и под луной»).	«Все как-то <i>не до того</i> » [Яхина, 2015, с. 94].	«还顾不上这种 风花雪月, 花前月下 » [Чжан Цзе, Се Юньцай, 2017, с. 87] (досл. «нет времени на романтику любви»).
<i>У черта на рогах</i> (прост.) – «очень далеко, в глуши, неизвестно где» [БСРП, 2010].	荒郊野岭 (досл. «пустынные и необитаемые горы»).	«В тайге, <i>у черта на рогах?</i> » [Яхина, 2015, с. 205].	«在原始森林? 在 荒郊野岭? » [Чжан Цзе, Се Юньцай, 2017, с. 201] (досл. «В первобытном лесу? В диких горах?»).

Приведенные контекстные употребления устойчивых выражений подтверждают, что выбор способа перевода фразеологизма обуславливают

специфика фразеологического оборота, наличие в нем национально-специфических смыслов, его стилистика и грамматика, компонентный состав и контекстное окружение. Рассмотрим особенности каждого из них.

1. Дословный перевод (14%). При данном приеме передачи фразеологических единиц происходит замена слов в русскоязычных устойчивых словосочетаниях на их лексические соответствия в китайском языке. Этот способ формально не приводит к ошибке, так как сохраняет оригинальное лексическое наполнение. Дословный перевод считается наиболее приемлемым приемом в случае создания на языке перевода выражения с легко считываемой фразеологической образностью. Например, использование исходной культурно-маркированной связки «*хлеб-соль*» в процессе перевода на китайский язык привело к понятному для китайского читателя калькированному обороту – «*手捧面包加盐*» (досл. «держать хлеб-соль в руке»). В данном примере явно считывается значение гостеприимной встречи в тоне язвительной насмешки.

В то же время дословный перевод может привести к неправильному пониманию высказывания в связи с глубокими национально-культурными различиями во фразеологическом фонде сопоставляемых языков. Так, передача устойчивого выражения «*мотать на ус*» на китайский язык частично лишает его фразеологического значения.

Возможности этого приема ограничены: он может быть использован тогда, когда в переводимой единице сочетание составляющих элементов мотивировано. В случае неясности или отсутствия такой мотивированности дословный перевод теряет смысл, поскольку покомпонентный перевод демотивированных реалий не проясняет их значения. Дискуссионным является дословный перевод в следующем примере: «– *Ну?! – Гвозди гну!*» [Яхина, 2015, с. 342] / «– *哦! – 我在弄弯钉子!*» [Чжан Цзе, Се Юньцай, 2017, с. 335] (досл. «– О! – Я гну гвозди!»).

Игра слов, основанная на созвучии междометия «ну» и глагола настоящего времени первого лица «гну», а также на язвительной насмешке и стилистическом оттенке фамильярности, остается без внимания переводчиков. В вышеприведенном

примере, на наш взгляд, перевод языковой игры возможен путем подбора идентичного высказывания в принимающем языке.

2. Описательный перевод (63%) применяется при отсутствии функционального аналога в языке перевода. Передача представленных в таблице 7 выражений «*ни бельмеса*», «*снегом на голову*» на китайский язык осуществляется не фразеологическими средствами. Следует отметить, что дескриптивный перевод фразеологической единицы «*авгиевы конюшни*» связан с тем, что некоторые фразеологизмы русского языка связаны с мифами Древней Греции и менее известны китайской аудитории.

Частотность данного приема перевода фразеологизмов с русского языка на китайский связана с тем, что переводчик вынужден отказываться от метафоричности в связи с яркой национальной спецификой русского фразеологического фонда, которая может остаться непонятной при дословном переводе.

3. Подбор функционального аналога (23%). Этот прием заключается в том, что при отсутствии абсолютного идиоматического соответствия переводчик подбирает единицу с таким же фразеологическим значением, но другим лексическим наполнением.

Поиск в китайском языке идиомы с аналогичным значением является самым неоднозначным способом в аспекте русско-китайского перевода фразеологизмов. Анализируемые случаи перевода фразеологических единиц «*кровь с молоком*», «*не до того*», «*у черта на рогах*» в романе «Зулейха открывает глаза» показали, что замена аналогом может привести к изменению стилистического оттенка высказывания.

Так, просторечный фразеологизм «*у черта на рогах*» был переведен фразеологизмом «*荒郊野岭*» в значении «*指荒凉无人烟的山野*» (досл. «пустынные и необитаемые горы»). Источником китайской идиомы является восьмидесятая глава из даосского источника «*彭公案*» («Дело господина Пэна»), где сказано:

«往前一看, 都是 荒山野岭, 不见有人行路, 连一株树木也没有» [ЭКС] (досл. «Впереди пустынные и необитаемые горы и хребты, по дороге никто не идет, не растут деревья»).

В следующем примере рассматривается разговорный предикатив «не до того», который представлен в контексте размышлений героя Ивана Игнатова о романтических отношениях с женщинами. Переводчики компенсировали этот фразеологизм сразу двумя китайскими идиомами – «风花雪月» (досл. «ветер, цветы, снег и луна») в значении романтических объектов, часто используемых в литературе, «花前月下» (досл. «среди цветов и под луной») в схожем значении. Представленная трансформация приводит к сдвигу в понимании персонажа: Иван Игнатов – большевик, несгибаемый коммунист, командир отряда продразверстки, следовательно, его речи не свойственна поэтичность, высокая эмоциональная окрашенность.

Примеры свидетельствуют о том, что при переводе методом подбора функционального аналога просторечный и разговорный оттенки фразеологических единиц утрачиваются. Это связано с тем, что источниками происхождения китайских идиом являются философские трактаты, исторические хроники, художественная литература, притчи, легенды и мифы, крылатые слова и афоризмы, тогда как русские фразеологизмы порождает бытовая среда. Китайские фразеологические единицы тяготеют к возвышенному стилю, а русские – к просторечному, разговорно-сниженному.

Необходимо отметить, что при сопоставительном исследовании китайских изданий романов «Зулейха открывает глаза» и «Дети мои» с точки зрения приемов передачи русских фразеологизмов можно выявить некоторую специфику переводных текстов. Результаты анализа оказались следующими: в переводе романа «Дети мои» Чэнь Фан реже обращается к приему поиска функционального аналога (19% от общего количества примеров), чем переводчики произведения «Зулейха открывает глаза» (26% проанализированного языкового материала).

Исходя из полученных данных, можно утверждать, что китайская версия текста «Дети мои» обнаруживает меньше стилистических неточностей в аспекте перевода фразеологических единиц, чем китайский перевод романа «Зулейха открывает глаза». Прием подбора идиоматического эквивалента применяется Чэнь Фан исключительно при близости смысла и стилистики исходного и переводного выражений. Ср.: «*В самой Германии, давно уже объединившейся и теперь гордо именовавшей себя империей, диалекты **варились в одном котле**...*» [Яхина, 2018, с. 20] / «*德国早已结盟, 现在骄傲地把自己命名为帝国, 这里的诸多方言就像肉汤煮白菜一样在**一口大锅里熬煮**...*» [Чэнь Фан, 2020, с. 9] (досл. «В Германии, которая давно объединилась и теперь гордо именуется себя империей, множество диалектов варится в одном котле...»).

Русский фразеологизм «вариться в общем котле» в значении «находиться в какой-либо среде, воспринимая её взгляды, интересы, понятия» [ФСРЛЯ, 2008] переводится эквивалентной идиомой в китайском языке – «**一锅儿熬**» (вариться в одном котле, проходить через те же испытания) [БКРС-Э].

Таким образом, следует подчеркнуть, что перевод фразеологизмов с русского языка на китайский сопряжен не только с ассоциативной лакунарностью, но и проблемой непереводаемости в аспекте стилистики.

Аллюзии

Ассоциативные лакуны могут включать в себя самую различную информацию. В этой связи следует отметить языковые аллюзии – отсылки к фразеологическим оборотам, литературным произведениям, вербальной составляющей музыкального произведения. Всего было проанализировано 9 аллюзий в романе «Зулейха открывает глаза» и 18 аллюзий в романе «Дети мои».

В произведении «Зулейха открывает глаза» встречаются фрагменты песен, спетые Гореловым, вором и уголовником. Они придают особенной колорит и без того пестрому социальному составу спецпоселения Семрук из крестьян, интеллигентов и преступников. На страницах романа встречается цитата из песни

«На Дерибасовской открылася пивная», написанной в период 1920-х и 1930-х годов: «На Дерибасовской открылася пивная-а-а-а, там собиралася компания блатная-а-а-а...» [Яхина, 2015, с. 137] / «杰里巴索夫斯基大街上开了一家啤 - 啤 - 啤酒馆, 那帮家伙总是在 – 在 – 在那儿...» [Чжан Цзе, Се Юньцай, 2017, с. 129].

Эта композиция относится к разряду тюремных и дворовых песен. Авторство вербальной части произведения не было установлено, однако автор мелодии известен — это аргентинец Анхель Виллольдо, который написал танго «El Choclo» («Поцелуй огня»), под эту музыку и были положены куплеты, ориентированные на уголовную среду [Мажаев].

В репертуаре Горелова представлена еще одна композиция – песня беспризорников «Шкеты», которая появилась во время первой волны беспризорничества 20-х годов после революции и гражданской войны: «Цыц, вы, шкеты, под вагоны-ы-ы, кондуктор схавает вас вра-а-аз» [Яхина, 2015, с. 165] / «快藏到车厢底下吧, 年轻和没有经验的伙伴们, 列车员如果看到并抓住你们, 他一定会惩罚你们的» [Чжан Цзе, Се Юньцай, 2017, с. 158] (досл. «Поторопитесь и прячьтесь под вагон, молодые и неопытные друзья, если кондуктор вас увидит и поймает, он вас накажет»). На смену предыдущему пришло беспризорничество 30-х годов в связи с коллективизацией и массовыми репрессиями, а в конце 40-х в результате войны и разрухи появилось новое поколение [Мажаев].

Стилистические расхождения, непереводаемость тюремного жаргона, специфика языка криминальной субкультуры приводят к тому, что у получателя переводного текста не возникают ассоциации, соразмерные с чувствами читателя оригинального текста.

В тексте наличествуют отсылки к фразеологическим оборотам, мысль в которых не окончена, внезапно прерывается. Умолчание наблюдается в следующем примере: «Кто старое помянет – тому, как говорится...» [Яхина, 2015, с. 321] / «过去的就让它过去吧, 就像人们说的...» [Чжан Цзе, Се Юньцай, 2017, с. 314] (досл. «Пусть прошлое пройдет, как люди говорят...»).

Традиционно умолчание применяется в расчете на догадку читателя через намеки. Однако реципиент перевода, в силу отсутствия определенного уровня осведомленности в пословицах и поговорках русского языка, может адекватно воспринимать эту аллюзию к фразеологической единице только через перевод законченного высказывания. В связи с этим переводчики опускают элемент недосказанности, передают значение русского фразеологизма полно и точно посредством экспликации.

В романе «Дети мои» аллюзий вдвое больше. Прежде всего, они связаны с именами персонажей, которые отсылают к известным деятелям культуры немецкого происхождения. Например, определенные ассоциации у русского читателя вызывает возлюбленная главного героя Клара Гримм, чей талант к придумыванию сказок связан с фамилией известных немецких сказочников братьев Гримм.

Также в романе встречается большое количество фольклорных и мифологических мотивов, аллюзий на немецкую литературу. Шульмейстер Бах, описывая свою личную трагедию, сочиняет сказочный рассказ о Деве-узнице [Яхина, 2018, с. 205-211], посвященный погибшей жене Кларе. Эта история является трансформацией классической немецкой сказки «Дева Малейн» из сборника «Детские и домашние сказки» Вильгельма и Якоба Гримм. Фольклор главного героя представлен в романе как перевод с немецкого, т.е. читатель понимает, что есть оригинальный текст немецкой сказки, который автор перекладывает на русский язык.

Есть в романе «Дети мои» и историко-политические аллюзии, в которых Иосиф Сталин не называется по имени. Автор выделяет местоимение «он» курсивом, делает узнаваемой историческую фигуру с первых строк: *«Этим новым взглядом он вдруг увидел свою страну по-настоящему, словно в первый раз: всю, целиком, в полноте смыслов и красоте оттенков, охватил внутренним взором от края и до края»* [Яхина, 2018, с. 278].

Аллюзии характеризуются культурной обусловленностью, чем объясняется их неочевидность для человека, принадлежащего к другой лингвокультурной

общности. В процессе перевода наибольшую сложность у переводчика вызывает идентификация аллюзии в исходном языке, поскольку ее природа имплицитна. Аллюзия ориентирована на достаточно высокий уровень эрудиции, в связи с чем прецедентные немецкие имена, а также отсылки к немецкой литературе могут остаться лакунарными и для русского читателя.

2.2.3. Лексические лакуны

Количество лексических лагун составляет **148** единиц (**22%**). Примечательно, что соотношение представленного типа лагун в сопоставляемых текстах практически одинаково: «Зулейха открывает глаза» – 75 единиц, «Дети мои» – 73 единицы. Это связано с тем, что лексическая лакунарность объясняется не столько спецификой конкретных художественных произведений, сколько общими расхождениями в русской и китайской лингвокультурах, лексико-фразеологическими различиями в двух языках.

Изучение перевода демонстрирует примеры, когда в лексической системе китайского языка существует пропуск – лексическая лагуна. При этом чем больше различий между языками и культурами народов, тем заметнее лексическая лакунарность. Лексические лакуны можно разделить на *структурно-семантические* и *коннотативные*. Рассмотрим некоторые примеры в таблице 8.

Таблица 8 – Лексические лакуны

Лагуна и ее трактовка	Переводной эквивалент	Фрагмент из оригинала	Фрагмент из перевода
1	2	3	4
Структурно-семантические			
<i>Финтифлюшки</i> – «разг. Глупости, пустяки, пустые слова» [НСРЯ, 2000].	花哨的东西 (досл. «пёстрые вещи»)	«Но это ж не комендант – зверь: еще раз, говорит, увижу эти <i>финтифлюшки...</i> » [Яхина, 2015, с. 175].	«然而, 这就不是警备长 – 而是动物了: 如果再让我看见这些花哨的东西...» [Чжан Цзе, Се Юньдай, 2017, с. 168] (досл. «Однако это не комендант - это животное: если я снова увижу эти пестрые вещи...»).

Продолжение таблицы 8

1	2	3	4
<p><i>Похмелье</i> – «неприятное состояние физического расстройства, недомогания после сильного пьянства» [Сл. Уш., 2001].</p>	<p>醉醺醺地摇晃身体 (досл. «пьяное покачивание телом»).</p>	<p>«С высокого катища хорошо видно, как вдалеке, на семрукской пристани, грузится на свой блестящий коричневый катер еле держащийся на ногах от тяжелого <i>похмелья</i> Кузнец» [Яхина, 2015, с. 430].</p>	<p>«从地势很高的防波堤上可以清楚地看见, 在远处, 在谢姆鲁克码头上, 库兹涅茨醉醺醺地摇晃身体, 脚步踉跄地正在登上自己那艘亮闪闪的棕色汽艇» [Чжан Цзе, Се Юньцай, 2017, с. 419] (досл. «С высокого мола, вдалеке, на причале Семрука, пьяно раскачивался Кузнец и, шатаясь, влезал в свой блестящий коричневый катер»).</p>
Коннотативные			
<p><i>Коромысло</i> – «предмет для ношения двух вёдер на плече, толстая изогнутая деревянная планка с крючками» [Сл. Ож., 1984].</p>	<p>弓形 (дуга)</p>	<p>«Он делает сильный рывок, изгибается <i>коромыслом...</i>» [Яхина, 2015, с. 181].</p>	<p>«身体蜷成弓形...» [Чжан Цзе, Се Юньцай, 2017, с. 175] (досл. «тело согнуто дугой»).</p>
<p><i>Темный</i> – «человек, место, деятельность, которые вызывают подозрение» [ТСРЯ-Д, 2003].</p>	<p>愁眉苦脸的样子 (досл. «хмурый вид»).</p>	<p>«<i>Тёмный</i> ты, Игнатов» [Яхина, 2015, с. 326].</p>	<p>«瞧你这副愁眉苦脸的样子, 伊格纳托夫» [Чжан Цзе, Се Юньцай, 2017, с. 319] (досл. «Посмотри на свой <i>хмурый</i> вид, Игнатов»).</p>

Продолжение таблицы 8

1	2	3	4
<p><i>Солянка</i> – суп из соли (расширение значения в тексте романа «Зулейха открывает глаза»).</p>	<p>肉丁稠辣汤 (досл. «густой острый суп с нарезанными мелкими кубиками мясом»).</p>	<p>«- Ну что ж, будем есть солянку, - Изабелла черпает ложкой из пузатого мешка соль и опускает в давно кипящий на огне котел. Солянка готова» [Яхина, 2015, с. 306].</p>	<p>«嗨, 我们今天喝肉丁稠辣汤。伊莎贝拉用勺子从鼓鼓的袋子里取出一勺盐。放到早一滚开的锅里。肉丁稠辣汤做好了» [Чжан Цзе, Се Юньцай, 2017, с. 300] (досл. «У нас сегодня будет густой и острый суп с нарезанным кубиками мясом. Изабелла высыпала из набухшего мешка ложку соли. Положила его в котел. Густой острый суп с нарезанными мелкими кубиками мясом готов»).</p>
<p><i>Яйцо</i> – защита, укрытие от мира, обособление (расширение значения в тексте романа «Зулейха открывает глаза»).</p>	<p>隐形的密封罩 (досл. «невидимый колпак»)</p>	<p>«Вольф Карлович жил в яйце» [Яхина, 2015, с. 250].</p>	<p>«沃尔夫 卡尔洛维奇生活在一个隐形的密封罩之中» [Чжан Цзе, Се Юньцай, 2017, с. 248] (досл. «Вольф Карлович жил в невидимом, закупоренном колпаке»).</p>

1. Структурно-семантические лакуны обозначают понятия, не зафиксированные лексически, т.е. не имеющие словесного обозначения в языковой традиции китайского языка. Для перевода лакун подобного рода на китайский язык нужны перифразы – описательные словосочетания на основе выделения какого-либо признака называемого явления.

Слово «*похмелье*» было переведено на китайский язык описательным словосочетанием «醉醺醺地摇晃身体» (досл. «пьяное покачивание телом»).

В Большом китайско-русском словаре «похмелью» соответствует словосочетание «醉后» (после пьянства) [БКРС-Э], в словаре лагун Г. В. Быковой – «醉后不舒服感» [Быкова, 2011] (досл. «некомфортное ощущение после пьянства»). Отсутствие однослова для обозначения представленного состояния в китайском языке объясняется тем, что в силу определенных исторических, культурных или социальных причин данное понятие оказалось не вербализованным для китайского народа. Это вызвало вариативность его перевода.

Проанализируем случай описательного перевода лексемы «*финтифлюшки*». Этимологически слово восходит к немецкому Finten und Flausen (досл. «хитрость и легкомыслие») [ЭСРЯ, 2004]. В переводе на китайский язык представлен описательный перевод сочетанием «花哨的东西» (досл. «пестрые / яркие / броские вещи»), не передающий стилистической окраски лексемы в оригинале.

2. Коннотативные лакуны. Переносное значение основано на эмоционально-оценочной характеристике слова. Оно возникает на основе свойственного всем народам переноса прямого значения слова на название другого предмета, признака или действия по какому-либо сходству. Однако нужно иметь в виду, что не у всех народов признаки, заложенные в основу наименования одинаковы: одним и тем же предметам могут приписываться разные качества, и, следовательно, такого рода сравнения в разных языках могут быть различными.

Необходимо подчеркнуть, что метод описательной передачи часто применяется в тексте перевода, даже если в переводящем языке есть лексическое соответствие. Так, например, перевод словосочетания «*изгибается коромыслом*» осуществляется за счет объяснительной фразы «身体蜷成弓形» (досл. «тело согнуто дугой»). При наличии функционального аналога в китайском языке – лексемы «扁担» (коромысло) [БКРС-Э] в значении «竹制或木制的扁长形, 用来挑物的器具» [ЭКС] (с кит. «орудие, сделанное из бамбука, в виде длинной палки для переноса различных предметов на плечах») – перевод с использованием аналогичной образности не является оправданным, поскольку в значении слова «扁担» нет компонента «изогнутый». Китайское коромысло имеет прямую, а не

дугообразную форму [Энциклопедия Байду]. Данный пример перевода подтверждает, что для адекватной передачи текста на иностранный язык требуется наличие у переводчика фоновых знаний.

Обратимся к следующей текстовой иллюстрации коннотативных лексических лакун. «Темным» в русском языке называют людей, места, деятельность, которые вызывают подозрение. В высказывании «*Темный ты, Игнатов*» [Яхина, 2015, с. 326], которое принадлежит персонажу Кузнецу и заключает в себе характеристику другого героя романа, лексема «темный» при переводе на китайский язык была лишена своего переносного значения, ср.: «愁眉苦脸的样子» (досл. «хмурый вид»). В данном случае на основе эмоционально-оценочной коннотации слова происходит сдвиг в его интерпретации — выражение приобретает другой смысл.

К лексическим лакунам в переводе относятся слова, значения которых в художественном тексте расширяются. Тонкая языковая игра создается во фрагменте текста «Зулейха открывает глаза», где жители Семрука в условиях голода готовят суп без мяса и овощей. Второе слово «*солянка*» выделено курсивом в оригинале: автор указывает на языковую игру, основанную на переосмыслении дефиниции «густой суп из рыбы или мяса с острыми приправами». Курсив акцентирует новое, авторское значение слова – «суп с солью». В китайском переводе – «*солянка*» / «肉丁稠辣汤» (досл. «густой острый суп с нарезанными мелкими кубиками мясом»). В переводе экспрессивность контекстуального образования утрачивается, поскольку в китайском языке стирается этимологическая связь с лексемой «соль».

Деметафоризация слова произошла в следующем примере: «*Вольф Карлович жил в яйце*» [Яхина, 2015, с. 250]. *Яйцо* – это образ, обозначающий состояние героя, в котором он прячется от ужасов революции и гражданской войны. Профессор Вольф Карлович с приходом советской власти убедил себя, что ничего не изменилось, и закрылся в «яйце», от чего многие считали его безумным.

Яйцо — это мифопоэтический образ, символизирующий рождение новой жизни, но чтобы это произошло, яйцо должно быть разбито. Яйцо не только символ рождения, но и возрождения. Об этом писал А. Н. Афанасьев в своей работе «Поэтические воззрения славян на природу» [Афанасьев, 2008, с. 1511], и это происходит по сюжету романа: яйцо, в котором жил Вольф Карлович, разбивается, и герой принимает новую действительность. Однако образ яйца как формы укрытия от мира был лишен метафоричности в переводе, где произошла его описательная передача — «隱形的密封罩» (досл. «невидимый, закупоренный колпак»). Перевод подобных контекстуальных лексических лагун, безусловно, сопряжен с определенными трудностями, он требует от переводчика творческого подхода, учета контекста и особенностей читательской аудитории.

2.2.4. Идиостилистические лагуны

В настоящем исследовании была выявлена 61 идиостилистическая лагуна в китайской версии романа «Зулейха открывает глаза» и 46 лагунарных единиц в переводе романа «Дети мои». Общее количество представленного типа лагун – **107** единиц (**16%**).

На материале произведений Гузели Яхиной можно выявить идиостилистические лагуны, вызванные следующими причинами: стилистическая коннотация слов (тюремный жаргон, просторечная, диалектная, разговорно-сниженная лексика), графоны, лексемы с суффиксами субъективной оценки, а также рассмотренная ранее разница в стилистической окраске фразеологических единиц русского и китайского языков.

В рамках данного параграфа освещаются вопросы, касающиеся специфического нарушения языковой нормы. Анализируемые романы обладают высоким потенциалом для анализа стилистической лагунарности, речевых портретов персонажей.

1. Стилистическая коннотация слов. В романе «Зулейха открывает глаза» автор собирает вместе разноплановых героев – раскулаченных крестьян, большевиков, интеллигенцию, представителей преступного мира. Разнородный социальный состав персонажей придает произведению особенный колорит.

Самый противоречивый и неоднозначный персонаж – уголовник Горелов. Тюремный жаргон, инкорпорированный в художественный текст, представляет трудности для передачи на китайский язык. В таблице 8 представлены лакуны, относящиеся к уголовному аргю, и их контекстные употребления.

Таблица 8 – Перевод тюремного жаргона

Лакуна и ее трактовка	Переводной эквивалент	Фрагмент из оригинала	Фрагмент из перевода
<i>Зёма</i> (жарг. фам.) – «земляк» [ТСУЖ, 1991].	冬天 (зима)	«Две ходки имею, <i>зёма</i> . На Сахалине чалился, в Соловках мочалился» [Яхина, 2015, с. 166].	«一个冬天跑了两趟。一次是到萨哈林岛, 一次是到索洛韦茨基群岛» [Чжан Цзе, Се Юньцай, 2017, с. 159] (досл. «Одной зимой я убегал два раза. Один раз на Сахалин, один – на Соловецкие острова»).
<i>Кантоваться</i> (жарг.) – проводить время, жить [СРА, 2000].	住 (жить)	«А если придется <i>кантоваться</i> две недели?» [Яхина, 2015, с. 267].	«可是, 如果需要在草棚里住上两周?» [Чжан Цзе, Се Юньцай, 2017, с. 263] (досл. «Но что, если нужно будет две недели пожить в соломенном сарае?»).
<i>Шухер</i> (жарг.) – обыск [СРА, 2000].	检查 (проверять)	«Встречай <i>шухер</i> в гости!» [Яхина, 2015, с. 379].	«到你这儿检查来了!» [Чжан Цзе, Се Юньцай, 2017, с. 371] (досл. «Пришли к тебе проверять!»).

В вышеприведенных текстовых фрагментах подтверждается непереводаемость тюремного аргю с русского языка на китайский. В некоторых случаях интерпретация уголовного жаргона вовсе приводит к прагматическим

сдвигам в тексте перевода. Например, слово «зёма» имеет стилистические пометы «жаргонное, фамильярное», употребляется в значении «земляк». В переводе наблюдается непонимание оригинала, замена лексемой «冬天» (зима), произошедшая в результате фонетической интерференции. Кроме того, теряется стилистическая окраска глаголов «чалиться» – «находиться под арестом, отбывать наказание» [ТСУЖ, 1991], «мочалиться» – «изнашиваться, ветшать» [СРА, 2000]. При передаче на китайский язык используется нейтральный глагол 跑 (бежать), в котором заложено значение, противоположное глаголу «чалиться».

Примеры в таблице 8 демонстрируют неполную переводческую эквивалентность с точки зрения стилистики текста. Это связано с разными статусами уголовного арго в сопоставляемых языках: в России тюремный жаргон активно изучается, создаются специальные словари, тогда как в Китае нет опубликованных работ о языке криминальной субкультуры.

Лексика криминальных элементов прочно вошла в общенародный русский язык и обросла различными языковыми связями. Как отмечают исследователи языка, активное изучение тюремного арго началось в начале 90-х годов XX века. В XX веке было три волны в языке преступного мира — в конце 10-х — начале 20-х годов, во второй половине 40-х — начале 50-х годов и в конце 80-х — начале 90-х годов [Грачев, 2009]. М. А. Грачев в работе «Интервенция криминального языка» говорит о том, что тюремный жаргон за последние двадцать лет стал «ближе к народу». Исследователь утверждает: «Арго преступного мира в огромном количестве употребляется в разговорном языке, газетно-публицистическом, в художественной литературе. Фактически криминальное меньшинство навязывает законопослушному большинству свою культуру, мораль, язык» [Грачев, 2009]. С одной стороны, тюремный жаргон — это особый язык, на котором разговаривают заключенные. Но с другой — русская повседневная речь содержит большое количество лагерной и тюремной лексики.

Китайский перевод не передает стилистику оригинала в полной мере. Узнать Горелова в дальнейшем будет трудно, поскольку его речь в переводе практически

лишена бранных слов и выражений, тюремного жаргона. Стоит заметить, что при переводе романов переводчик сделал ставку не на точность, а на доступность, стараясь максимально адаптировать перевод к сознанию китайского читателя. Это представляется уместным, поскольку чтение стилистически окрашенных реплик персонажей требует от реципиента знания тюремного сленга. По всей видимости, знание уголовного жаргона более характерно для русскоязычного читателя, поскольку в России тюремный опыт был чаще эксплицирован в произведениях художественной литературы, песнях и кинематографе.

Далее рассмотрим случаи перевода русских лексем, которые относятся к поэтической, книжной лексике. Данный стилистический пласт встречается в речи персонажей из ссыльной интеллигенции. Так, «разверзнуться» (книжн. ритор. поэт. устар.) – «широко раскрыться, раздвинуться, образуя отверстие» [Сл. Уш., 2001]. Обратимся к тексту: «Щелк кнутом – и **разверзается** земля» [Яхина, 2015, с. 36]. В переводе на китайский язык выбирается нейтральная лексема: «咔嚓声—大地裂开了» [Чжан Цзе, Се Юньцай, 2017, с. 29] (досл. «Щелчок – и вся земля раскололась»).

Подобные лексемы призваны не только подчеркнуть уровень образованности героев, но и показать противоречивость социального состава спецпоселения Семрук, разнородность социально-статусных положений ссыльных. В целом противопоставленность в тексте романа различных социальных групп создает интересные контексты, которые в лексико-семантическом и лексико-стилистическом отношении создают барьеры для перевода. Рассмотрим диалог профессора Лейбе и адъютанта: «– Подождите, как-то это все *скоропалительно*... – Скоро, профессор, скоро! Палите!» [Яхина, 2015, с. 264].

Данная несознательная языковая игра возникла вследствие инстинктивного морфемного разбора слова «скоропалительно» и словотворчества героя, основанного на непонимании исходного слова. Такое специфическое употребление языковых единиц, которое соотносится с ситуацией общения, стилистическим эффектом, в контексте русско-китайской языковой пары становится

непереводимым: «等一等, 这些是不是过于仓促... – 很快就会结束, 教授, 很快的! 开炮!» [Чжан Цзе, Се Юньцай, 2017, с. 260] (досл. «Подождите, это слишком поспешно ... – Скоро закончится, профессор, скоро! Открывайте огонь!»).

Обратимся к стилистическим характеристикам в романе «Дети мои». Текст наполнен поэтическими описаниями, однако стиль перевода, как отмечал сам переводчик Чэнь Фан, оказался намного проще. Так, например устаревшая лексема «яства» в значении «кушанья, еда (обычно изысканная, очень вкусная)» [НСРЯ, 2000] была передана на китайский язык нейтральным словом 食物 (еда).

Уже в названии наблюдаем прием инверсии — изменение обычного порядка слов в предложении с целью придания фразе особой стилистической окрашенности, торжественного звучания. «Дети мои! Принимаю вас под отеческое крыло наше!» — это начало обращения императрицы Екатерины II к немцам. Кроме того, русскоязычный читатель увидит в названии аллюзию к библейским текстам, а именно к книге Нового Завета – «Первому соборному посланию святого апостола Иоанна Богослова», которое начинается словами «Дети мои, я пишу вам это, чтобы вы не согрешали» [1-е послание Иоанна]. При переводе названия романа «我的孩子们» («Мои дети») инверсия невозможна в связи со строгим порядком слов в китайском предложении.

Шульмейстер Яков Иванович Бах – образованный учитель, влюбленный в Гёте, Шиллера и Новалиса. Для его речи характерен отказ от просторечных, жаргонных слов. Необходимо назвать такие коммуникативные признаки персонажа, как богатый словарный запас, обилие цитат и аллюзий, а также запрет на использование вульгаризмов. Приведем пример из текста: «*Не лицо – лик, тонкий и нежный, какой можно увидеть лишь на иконе. И сияли на этом лице не глаза – **очи**: темные, блестящие, в обводке длинных ресниц. И алели на этом лице не губы – **уста**. И не щеки розовели нежно – **ланины***» [Яхина, 2018, с. 163] / «这不是一张普通的脸, 它清秀温的样子只有圣像画上才能见到. 眼睛也不同寻常, 乌黑油亮, 睫毛修长. 嘴唇红润饱满. 双颊绯红» [Чэнь Фан, 2020, с. 177] (досл. «Это

не обычное лицо, его нежный и теплый образ можно увидеть только на иконе. Глаза тоже необычные, угольно-черные и блестящие, ресницы длинные. Губы красные и пухлые. Щеки румяные»).

В данном фрагменте текста описывается видение Якоба Баха, возникшее при знакомстве с коммунистом Гофманом. В примере наблюдаем употребление нейтральных слов «лицо», «глаза», «губы», «щеки» и их эквивалентов со стилистическими пометами «устаревшее», «книжное», «поэтическое». Как видим, в китайском переводе оказалась невозможной передача данных лексем и их стилистически маркированных вариантов.

Знакомство с земляками Баха – Эми Бёлль, свиноклом Гайфом, плотником Шрёдером, работягой Колем, мукомолом Вагнером, Удо Гриммом – наполняет текст просторечной и разговорной лексикой. Приведем некоторые примеры из произведения и перевода: «*А балбес-то ваш нынче опять шалопайничал!*» [Яхина, 2018, с. 23] / «你家的小伙子这两天又不务正业了!» [Чэнь Фан, 2020, с. 12] (досл. «Ваш парень эти два дня опять бездельничал»); «*Выслать обоих! Выставить на волжский лед, с вещами, – пусть чапают куда хотят!*» [Яхина, 2018, с. 83] / «把两个人都赶走吧! 让他们在结冰的伏尔加河上示众, 让他们带着东西, 爱去哪儿去哪儿!» [Чэнь Фан, 2020, с. 84] (досл. «Прогоните обоих! Выставьте их на лед Волги, скажите взять вещи, пусть идут куда хотят!»).

Слова «шалопайничать» (разговорное, неодобрительное), «чапать» (просторечие) были переданы нейтральными словосочетанием «不务正业» (бездельничать) и глаголом «去» (идти). Однако наблюдается сохранение фрагмента коннотативного значения лексемы «балбес» (разговорное, презрительная форма) через разговорную в китайском языке единицу «小伙子» (парень) [БКРС-Э].

Подчеркнем, что редукция коннотативного компонента в виде стилистического оттенка с сохранением основного компонента лексического значения является закономерным в переводе жаргонной, просторечной,

диалектной, разговорно-сниженной русской лексики в романах Г. Ш. Яхиной на китайский язык.

2. Графоны. Лексемы, представляющие собой отклонения от литературной нормы, заслуживают особого внимания в аспекте перевода. К таким отклонениям относятся графоны – «стилистически релевантные искажения орфографической нормы, отражающие индивидуальные или диалектные нарушения нормы фонетической» [Арнольд, 2016, с. 245]. Графоны вызывают особенные трудности в русско-китайском переводе, поскольку в силу особенностей китайской письменности переводческий аналог орфографических и фонетических неточностей русского языка невозможен.

Примеры таких лакун встречаются в переводе романа «Зулейха открывает глаза». В анализируемом тексте они выполняют функцию характеристики речи героев. Неосведомленность некоторых персонажей романа в правописании терминов советской системы является важной составляющей содержательно-смыслового замысла произведения. Рассмотрим фрагмент романа, в котором кухарка Груня пишет донос на профессора Лейбе, и его перевод: «...буржуазный – через у или о? германский – через е или и? шпион – через о или е? контрреволюция – с одним или двумя р? слитно или раздельно?...» [Яхина, 2015, с. 128] / «日耳曼的» 这个词, 中间用 e 还是用 и 连接? «奸细» 这个词, 中间用 o 还是用 e 连接? «反革命» 这个词, 中间是一个 p 还是两个 p 呢?连写还是分开写?» [Чжан Цзе, Се Юньцай, 2017, с. 121].

Данный фрагмент не нуждается в дословном переводе, поскольку очевидно переводческое решение – включение в иероглифический текст букв кириллицы. Безусловно, для китайского читателя русские буквы, инкорпорированные в текст, выглядят экзотично.

В таблице 9 приведены примеры графонов в романе «Зулейха открывает глаза», их эквиваленты в китайском переводе.

Таблица 9 – Перевод графонов

Лакуна	Переводной эквивалент	Фрагмент из оригинала	Фрагмент из перевода
1	2	3	4
<i>Калхус</i> (колхоз)	太阳神 (досл. «божество солнца»)	«Кто ослушается – в <i>калхус</i> запишут» [Яхина, 2015, с. 45].	«谁要是不服从 - 就列入送往 太阳神 祭品的名单» [Чжан Цзе, Се Юньцай, 2017, с. 38] (досл. «Тот, кто не подчинится, будет включен в список жертвоприношений богу солнца»).
		«Устраивал собрания и горячо зазывал деревенских в товарищество со странным пугающим названием <i>калхус</i> , но его мало кто слушал — на собрания ходили такие же бедняки, как он сам» [Яхина, 2015, с. 50].	«组织开会热烈邀请村民加入他们的组织,这个组织有个骇人的名称 — 太阳神 ,可是响应者寥寥 — 前来参会的人都是像他这样的贫苦村民» [Чжан Цзе, Се Юньцай, 2017, с. 43] (досл. «Организовывал собрания и горячо приглашал жителей деревни присоединиться к организации. У этой организации страшное имя — бог солнца, но мало кто слушал — все люди, приходившие на собрание, были такими же бедняками, как и он»).
<i>Профвессор</i>	教授 (профессор)	«Без тебя бы давно уже помер твой <i>профвессор</i> » [Яхина, 2015, с. 117].	«没有你, 你的 教授 早就死了» [Чжан Цзе, Се Юньцай, 2017, с. 110] (досл. «Без тебя твой профессор умер бы»).
<i>Кофа</i>	咖啡 (кофе)	«Денег не возьмет, а вот <i>кофу</i> – как пить дать, хлещет ее целыми днями» [Яхина, 2015, с. 478].	«不会收钱的, 可以送点 咖啡 – 送点喝的, 他每天都喝 咖啡 » [Чжан Цзе, Се Юньцай, 2017, с. 469] (досл. «Нельзя дать денег, можно дать кофе - отправь немного попить, он пьет кофе каждый день»).

Нарушение орфографической нормы в вышеприведенных контекстах является средством создания стилистического эффекта. Его основная функция в тексте — характерологическая, т.е. с помощью графонов выделяются особенности, которые характеризуют персонажа как представителя определённой социальной среды.

Особого комментария требует перевод советизма «калхус» < «колхоз». Слово «калхус» в своем графическом оформлении представляет собой графон в речи персонажа Мансурки, возникший в результате фонетической интерференции. В речи жителей татарской деревни Юлбаш, для которых советские реалии малопонятны, наличествует фонетическая трансформация формы.

В данном случае при переводе слова «калхус» представлено название божества «太阳神» tàiyáng shén (досл. «бог солнца»). Переводчикам не удалось перевести трансформацию формы в точном соответствии с авторским замыслом Гузели Яхиной в силу существующей разницы в фонетической системе и письменности русского и китайского языков. В тексте китайского перевода произошла контекстуальная замена графона, в результате чего исходное содержание новообразования было искажено: советизм преобразовывается в свою противоположность — теоним, что изменяет текстовые смыслы произведения. Кроме того, китайский читатель теряет логическую связь окказионализма «калхус» и лексемы «колхоз».

Примечательно, что в английском варианте романа особенности употребления неологизмов так же не могут быть воспроизведены, поэтому в переводе Лизы Хейден осуществляется прямой перевод «калхус» → «колхоз» → «the collective farm» [Yakhina, 2019, с. 55]. Наряду с этим словоупотреблением в тексте наличествует и транслитерированная лексема «kolkhoz»: «Мансурка сагитировал несколько человек в свою ячейку и встречался с ними по вечерам, что-то обсуждал. Устраивал собрания и горячо зазывал деревенских в товарищество со странным пугающим названием *калхус*» [Яхина, 2015, с. 50] / «Mansurka persuaded several people to join his own Party cell and meets with them in the evenings

*to discuss thing. He organizes gatherings and enthusiastically summons villagers into an association with the scarily named **kolkhoz***» [Yakhina, 2019, с. 44].

Намеренно введенные фонетические трансформации или размышления героев о правописании слов как элемент речевой характеристики персонажа могут быть переданы на иностранный язык различными средствами переводческой компенсации – фонетическими, морфологическими, синтаксическими. Так как графоны искажают фонетическую норму языка оригинала, они сложно поддаются переложению на язык перевода, поскольку фонетические системы русского и китайского языков сильно различаются. А. В. Федоров пишет о том, что графоны не переводимы вообще [Федоров, 2002, с. 139].

Я. И. Рецкер, Д. И. Ермолович считают, что семантическая и стилистическая трансформация представляет собой подходящий прием для перевода графонов [Рецкер, Ермолович, 2007]. Семантическая компенсация подразумевает восполнение пропущенного компонента для полноты смысла, а стилистическая – замену одного стилистического эффекта другим. Из вышеприведенных контекстов видно, что для перевода речи героев романа «Зулейха открывает глаза» целесообразным является прием стилистической компенсации для адекватной передачи социально-статусной характеристики персонажей.

3. Лексемы с суффиксами субъективной оценки. С точки зрения стилистического аспекта теории перевода целесообразным является выявление и описание морфемных лакун. Морфемной лакунарной единицей следует считать по отношению к китайскому языку, например, суффикс *-онок-*. Этот формообразовательный суффикс участвует в образовании имен существительных мужского рода с уменьшительно-ласкательным значением. Лакунарность этой морфемы особенно ярко проявляется при невозможности ее перевода эквивалентной лексемой. Рассмотрим фрагмент из оригинала и его перевод. «*Один из сыновей многодетного крестьянина, долговязый мальчонка лет двенадцати, неожиданно срывается с места*» [Яхина, 2015, с. 142] / «那个农民领着一群孩子正在前行, 其中一个又高又瘦的小孩, 年龄十二三岁的样子, 突然跑出人群»

[Чжан Цзе, Се Юньцай, 2017, с. 134]. В переводе на китайский язык наблюдается передача коннотативного значения суффикса путем добавления прилагательного 小孩 (маленький ребенок).

Для образования имен прилагательных, обозначающих личное отношение говорящего к описываемому предмету или явлению, используют уменьшительно-ласкательные суффиксы. «Муртаза, а правда, что твоя мать по молодости ходила в урман на несколько дней и вернулась **целехонькая?**» [Яхина, 2015, с. 20] / «穆尔塔扎, 听说你妈妈年轻时走进密林好几天, 最后**安然无恙**地回来了, 是真的吗?» [Чжан Цзе, Се Юньцай, 2017, с. 13]. Прилагательные с суффиксом *-оньк/-еньк-* образуют слова, передающие смягчающее субъективно-оценочное значение. Отметим в данном примере стилистическую компенсацию лексемы «целехонькая» китайской идиомой «**安然无恙**» (цел и невредим).

Суффикс *-онк-* под ударением при добавлении к существительным образует имена существительные мужского и женского рода с уменьшительно-уничижительным оттенком, как, например, в следующем фрагменте текста: «*И мне легче и тебе – **деньжонка** в карман!*» [Яхина, 2018, с. 38]. В речи грубого зажиточного немца Удо Гримма из романа «Дети мои» лексема «**деньжонка**», адресованная простому учителю Баху, звучит пренебрежительно. В китайском переводе этот оттенок теряется: «...你也能赚点**小钱**» [Чэнь Фан, 2020, с. 37] (досл. «...ты тоже сможешь получить небольшие деньги»).

К идиостилистическим лакунам могут быть отнесены и авторские неологизмы Г. Ш. Яхиной. Рассмотрим следующий пример и его китайский перевод: «...поэтому называла всех этих людей про себя – **красноордынцами**» [Яхина, 2015, с. 49] / «...因比, 干脆就把这些人都称作 – **红色金帐汗国人**» [Чжан Цзе, Се Юньцай, 2017, с. 42].

Слово «орда» в русском языке имеет два значения. Основное соотносится с тюркским средневековьем: «военно-административная организация кочевых народов», из которых наиболее известна Золотая орда. Второе, переносное значение возникло на русской почве: «толпа, скопище, банда» [ТСРЯ-ПС, 2008].

Словарь современного русского литературного языка указывает на третье, переносное значение слова «орда» с пометой пренебр. – «о вражеском войске» [БАС]. Слово «ордынец» в русском языке связывается не просто с ордой, но с татарской Золотой ордой [БАС].

Лексема «красноордынец/ красноордынцы», по-видимому, – авторский неологизм, созданный по аналогии со словом «красноармеец». Первая часть сложного слова соотносится с лексемой «красный» в значении «связанный с революционной деятельностью, советским строем, Красной Армией» [БАС; ТСРЯ-ПС]. Отсюда следует, что контекстное значение слова «красноордынец» с оттенком пренебрежительности – «лицо, относящееся к революционной банде».

Сравнительный анализ оригинальных текстов и их переводов на материале конкретных текстовых иллюстраций показал, как использование стилистически маркированного пласта лексики способствует узнаванию персонажей в романах. В рамках сопоставительного исследования были рассмотрены приемы передачи специфических характеристик в речи героев, рассмотрены и проанализированы несовпадения с оригинальными текстами.

Изучение работ исследователей перевода подтвердило, что адекватный художественный перевод не должен расходиться с восприятием общей стилистики оригинала. Переводчики говорят о том, что если автор исходного текста умышленно нарушает языковую норму, то переводчик должен стремиться передать это в переводном тексте. При этом рекомендуется сохранить авторский замысел, но сделать его понятным для инокультурного читателя.

Отметим, что тексты на русском языке имеют большой потенциал для передачи стилистических особенностей речи персонажей из различных социальных групп. В переводных текстах на китайском языке не наблюдается подобная выразительности речевых характеристик. Представленные переводческие решения более доступны для понимания носителя китайского языка. Стилистические неточности перевода здесь объясняются богатством и доступностью русского тюремного аргю и просторечной лексики для русского

читателя (по сравнению с китайским). Подобного рода барьеры, возникающие при переводе, заслуживают дальнейшего исследования.

2.3. Способы элиминирования лингвокультурных лакун в переводах произведений Г.Ш. Яхиной на китайский язык

В предыдущих параграфах исследования были описаны этнокультурные, семантические и идиостилистические нюансы перевода произведений Г. Ш. Яхиной на китайский язык. Особых комментариев требуют национально обусловленные нюансы, которые неизменно присутствуют в переводческой деятельности. Обращаясь к переводам современных романов «Зулейха открывает глаза» и «Дети мои», можно выявить тенденции русско-китайского перевода, понять лингвокультурные обоснования переводчиков к передаче оригинального текста.

В настоящем исследовании в контрастивном ключе анализируются такие аспекты упомянутых произведений, как лексико-семантические трансформации и их культурная обусловленность, специфика передачи фразеологических единиц и культурно-специфичной лексики, проблема перевода стилистических особенностей оригинала. Далее будут рассмотрены приемы заполнения и компенсации лакунарных единиц.

2.3.1. Заполнение лакун

Заполнение лингвокультурных лакун состоит в том, что переводчики прогнозируют барьеры в понимании того или иного фрагмента «чужой» культуры, оформляя примечания по ходу повествования в комментариях.

В исследовании было выявлено 47 комментариев в китайском переводе романа «Зулейха открывает глаза» и 33 комментария в переводе романа «Дети мои». Проведя анализ разных объектов комментирования (антропонимов, топонимов, исторических фактов и событий, языковой игры и авторских новообразований),

можно сделать вывод о том, что в китайских переводах произведений Г. Ш. Яхиной представлены следующие виды комментариев: *языковые, исторические, культурологические, текстовые*. На рисунке 6 представлено количественное соотношение типов комментариев с текстами переводов исследуемых произведений.

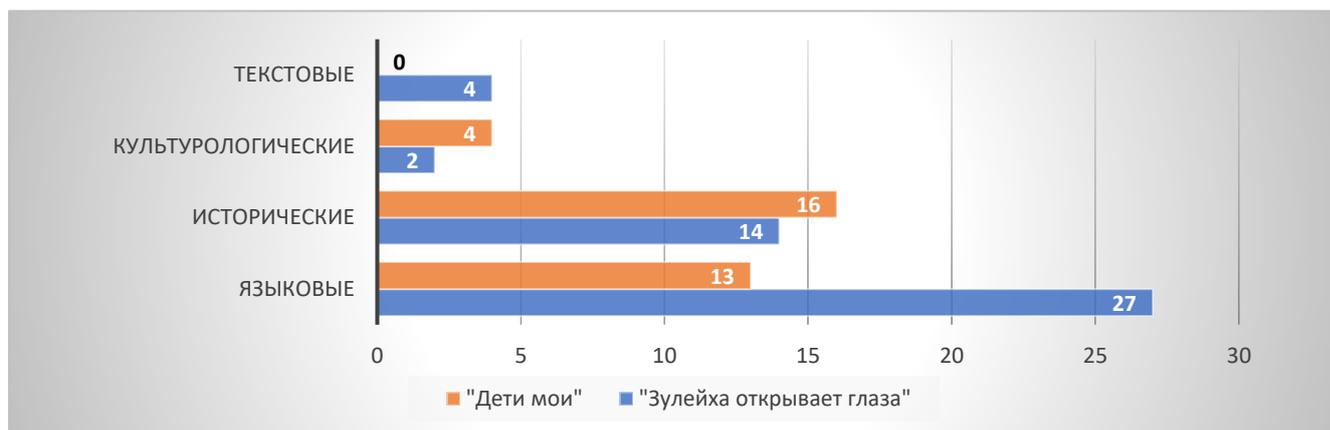

Рисунок 6 – Соотношение типов комментариев в переводах романов Г. Ш. Яхиной на китайский язык

Анализируемые китайские переводы различаются количеством, объектом, содержанием комментариев.

1. Языковые комментарии («Зулейха открывает глаза» – 27, «Дети мои» – 13). Один из самых частотных – языковой тип переводческого комментирования. Большинство комментариев в обоих романах содержит перевод различных высказываний на латинском, французском и немецком языках, которые, в свою очередь, прокомментированы автором для русскоязычных читателей на страницах оригинальных текстов.

Различает два китайских издания тот факт, что в переводе романа «Зулейха открывает глаза» фразы на французском языке и латыни представлены в тексте на китайском языке с комментариями «原文此处为法语» (в оригинале здесь на французском языке), «原文为拉丁语» (в оригинале здесь на латинском языке). В переводе произведения «Дети мои» высказывания на немецком языке сохраняются в самом тексте, а их перевод выносится в постраничной сноске. Например:

«...спеть что-нибудь громкое, задорное, к примеру колониетскую "Ach Wolge, Wolge!.."» [Яхина, 2018, с. 15] / «...大声唱出点什么热情激昂的调子, 比如定居点的村民经常唱的 Ach Wolge, Wolge!», комментарий: «德语: "嘿哟, 伏尔加! 伏尔加!" – 译注» [Чэнь Фан, 2020, с. 4] (с немецкого языка: «Эй, Волга! Волга!» — примечание переводчика).

Кроме того, данный тип переводческого комментирования связан с разъяснением для китайского реципиента вариантов русских антропонимов и прозвищной номинации, однако они не всегда являются точными. Этому свидетельствуют текстовые иллюстрации и комментарии, ранее представленные в разделе «Ассоциативные лакуны» настоящего исследования.

2. Исторические комментарии («Зулейха открывает глаза» – 14, «Дети мои» – 16). Многочисленных комментариев, приведенных в постраничной сноске, потребовал перевод романа «Дети мои». Переводчику Чэнь Фан необходимо было раскрыть значения ключевых в произведении исторических событий. Приведем пример комментария к следующему фрагменту текста: «*Республика нынче родилась – советская республика немцев Поволжья!*» [Яхина, 2018, с. 126] / «现在共和国成立了 – 伏尔加河流域德裔苏维埃共和国!» [Чэнь Фан, 2020, с. 135]. Комментарий: «1918年10月19日, 伏尔加河流域建立了苏维埃联邦第一个自治州 – 伏尔加河流域德裔自治公社» (досл. «19 октября 1918 года в долине реки Волги образовался первый автономный округ Советского Союза – Автономная область немцев Поволжья»).

В переводе есть комментарии к географическим объектам: «*Я уже почти успел позабыть, что где-то в мире есть Бахчисарай*» [Яхина, 2015, с. 457] / «我几乎忘记了, 在世界的某个地方还有巴赫奇萨赖» [Чжан Цзе, Се Юньцай, 2017, с. 447] (досл. «Я почти забыл, что в мире еще есть такое место, как Бахчисарай»). К слову «巴赫奇萨赖» (ба-хы-ци-са-лай) дано краткое пояснение в сноске:

«一座古城，位于克里米亚半岛，建于 16 世纪初» (древний город на Крымском полуострове, построенный в начале 16 века).

В переводе романа «Зулейха открывает глаза» потребовались комментарии к событиям и реалиям Великой Отечественной войны. Так, например, «письма-треугольники», которые посылались с фронта, вызывают определенные ассоциации у представителей русской культуры. «– *Письмо тебе, – удивленно и ласково улыбнулся он; невыносимо долго рылся в большой брезентовой торбе для переноски газет, выудил грязно-белый, захватанный пальцами и нежно махрящийся на сгибах, бумажный **треугольник***» [Яхина, 2015, с. 488]. К дословному переводу «треугольник» / «三角形» был внесен комментарий: «二战时期，苏联的前线信件为三角形» [Чжан Цзе, Се Юньцай, 2017, с. 478] (Во время Второй мировой войны фронтовые письма в Советском Союзе были треугольной формы). В данном примере наблюдается стремление переводчиков познакомить китайского читателя с реалиями русской культуры определенной эпохи, поскольку они не компенсировали лакуну лексемой «письмо».

3. Культурологические комментарии («Зулейха открывает глаза» – 2, «Дети мои» – 4). В романе «Зулейха открывает глаза» широко представлен мусульманский контекст. Русскому читателю хорошо известны исламские ценности и реалии, тогда как в Китае распространены три религии, или три учения — конфуцианство, даосизм и буддизм. Исследование продемонстрировало применение развернутого переводческого комментирования религиозно-философских лакун в китайских текстах. Например: «*Идет к высокой нише **михраба**, встает на колени*» [Яхина, 2015, с. 100] / «走向高高的**壁龛**前，跪下了» [Чжан Цзе, Се Юньцай, 2017, с. 93]; комментарий: «伊斯兰教清真寺礼拜殿设施» (молитвенный зал исламской мечети).

По аналогичной причине китайский перевод в постраничной сноске имеет комментарий к понятию католической церкви «конфирмация» – обряд приёма в церковную общину подростков, достигших определённого возраста: «*А главное, не имелось свидетельства о **конфирмации**, которое получает каждый юный*

колониист...» [Яхина, 2018, с. 78] / «她没有每个小移民都有坚信礼证明» [Чэнь Фан, 2020, с. 78]; комментарий: «天主教徒的宗教仪式和敷油礼, 通常由神给 7 ~12 岁的儿童施行» (католические религиозные ритуалы и помазание, обычно совершаемые над детьми в возрасте от 7 до 12 лет).

4. Текстовые комментарии («Зулейха открывает глаза» – 4, «Дети мои»– 0). Лакуны, возникающие из-за использования в тексте языковых каламбуров, игры слов, авторских новообразований создают ситуацию, когда истинное значение высказывания может быть не установлено китайским переводчиком. Непереводимыми в аспекте русско-китайского перевода являются специфические топонимические реалии в романе «Зулейха открывает глаза», которые требуют от переводчиков внимания к подбору подходящего инструмента компенсации лакун.

Так, передача окказионального названия сибирского спецпоселения для раскулаченных *Семрук* на китайский язык потребовала введения в текст переводческого комментария. Происхождение первоначального топонима *Семь рук* / 七只手 (досл. «7 рук») обусловлено тем фактом, что этот поселок построили четыре человека – Вольф, Иван, Авдей и однорукий крестьянин Лукка. Первый вариант наименования поселения был переведен на китайский язык с помощью приема калькирования: «— *Семь рук*, — не сразу ответил *Игнатов*» [Яхина, 2015, с. 342] / «七只手. 伊格纳托夫缓慢地回答道» [Чжан Цзе, Се Юньцай, 2017, с. 335] (досл. «Семь рук, — медленно ответил Игнатов»); «— *Черт с тобой!* — махнул рукой *Кузнец*. — Пусть будет *Семь рук!*» [Яхина, 2015, с. 343] / «见你的鬼! 库兹涅茨摆了摆手, 就叫七只手好啦!» [Чжан Цзе, Се Юньцай, 2017, с. 336] (досл. «Черт с тобой! — Кузнец махнул рукой. — Назовем Семь рук!»).

Однако по сюжету романа из-за ошибки наборщика в типографии произошло слияние лексем «семь» и «рук» в название *Семрук* / 谢姆鲁克 (се-му-лу-кэ), в передаче которого переводчики использовали традиционный в русско-китайском переводе ономастических реалий способ транскрипции. Для того чтобы

происхождение названия поселения стало понятным для реципиентов-носителей другого языка и культуры, в переводе используется переводческий комментарий к слову-лакуне: «в русском языке, "семь рук" — это слово, в котором пропущен мягкий знак, превращаясь в семрук (谢姆鲁克), название села» [Чжан Цзе, Се Юньцай, 2017, с. 336] («В русском языке словосочетание «семь рук» — *семь рук*, без мягкого знака становится *семрук*, без пробела между двумя словами становится *семрук* (се-му-лу-кэ), это и есть название села»).

Примечания переводчика относятся к особенностям языка, индивидуально-авторским образованиям. Топоним «Вила» / 维拉 (вэй-ла), образованный путем слияния первых букв имен персонажей (Вольф, Иван, Лукка, Авдей), впоследствии получивший интерпретацию с точки зрения созвучия с именем Владимира Ильича Ленина, был переведен способом транскрипции с подстрочным примечанием переводчиков: «Ленин的全名首字母缩写是"ВИЛ", 加第二格 "А", 组合到一起恰好是 "ВИЛА"» [Чжан Цзе, Се Юньцай, 2017, с. 334] (сокращение полного имени Владимира Ленина — "ВИЛ", плюс во втором слове А, комбинация звуков читается "ВИЛА").

Количественные показатели вариантов комментирования позволяют установить, что переводчики стремились объяснить для читателя исторический контекст произведений, следовали за автором оригинальных текстов в передаче иноязычной речи персонажей на французском, немецком и латинском языках.

Также часто объектами комментирования становятся варианты русских антропонимов: это помогает реципиенту китайского перевода распознать имя персонажа в тексте и определить его соотнесенность с другими формами одного и того же имени (*Аглая – Глашка, Василий – Вася, Михаил – Мишка*).

Однако комментированию других лингвокультурных лакун переводчики уделяют меньше внимания, а при их переводе проявляют индивидуальность в различной степени. Стоящая лингвокультурная информация за некоторыми лакунами определенно требовала объяснения, однако была упущена переводчиками. К примеру, религиозная ассоциация к топониму *Семь рук*, графоны

калхус, прохвессор, хрустьяне, произвищные номинации *Мансурка-репей, Упыриха, Зина*, особенности перевода которых ранее были описаны в настоящем исследовании. Отсутствие комментариев к описанным словам и национально обусловленным ассоциациям, возникающим к ним, не попадают в зону читательского внимания, что в определенной степени влияет на восприятие художественного произведения в его лингвокультурном измерении.

2.3.2. Компенсация лакун

Компенсация лакун сводится к подбору аналога образу в принимающей лингвокультуре. К данному способу элиминирования, применяемому в процессе перевода художественных произведений с русского языка на китайский, относятся несколько приемов. В результате исследования были получены следующие данные:

- При переводе этнолингвистических лакун частота приема экспликации составляет 51%, генерализации – 28%, эквивалентной лексико-семантической замены – 18%. Пропуск и перевод с комментированием представлены в единичных случаях.

- При переводе антропонимов, а также вариантов имени собственного и прозвищной номинации единственным способом компенсации является транскрибирование. В переводе романа «Зулейха открывает глаза» передача антропонимов в 22% случаев сопровождается комментарием. Комментирование имен собственных в китайской версии произведения «Дети мои» представлено реже – 2 антропонима из 52.

- При передаче фразеологизмов в 63% случаев используется описательный перевод, в 23% – подбор функционального аналога, в 14% – дословный перевод.

- В переводе идиостилистических лакун применяются: прием экспликации – 80%, эквивалентной лексико-семантической замены – 11%. В переводе романа «Зулейха открывает глаза» наблюдаются случаи комментирования, связанные с интерпретацией графонов, игры слов и окказионализмов. В редких случаях используются пропуск и контекстуальная замена.

– В передаче на китайский язык лексических лагун переводчики применяют разнообразные способы компенсации. Частотность приема экспликации составляет 46%, генерализации – 24%, эквивалентной замены – 20%. Антонимический перевод, пропуск, контекстуальная замена и перевод с комментарием представлены в 10% случаев.

Частотность применения каждого способа в компенсации определенного типа лагун представлена в таблице 10 (в единицах от общего количества проанализированных примеров).

Таблица 10 – Количество употребления способов компенсации лагун в переводах

	ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЛАГУНЫ	АНТРОПОНИМЫ	ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ	ИДИОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ЛАГУНЫ	ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЛАГУНЫ					
Транскрибирование			28	49						
Экспликация	40	19				48	38	31	37	
Генерализация	26	7						19	17	
Эквивалентная замена	9	12				4	8	16	14	
Антонимический перевод								3	2	
Пропуск	1			1		3		4	1	
Контекстуальная замена						2			1	
Перевод с комментированием	1	1	8	2		4		2	1	
Перевод фразеологизмов										
Описательный перевод					55	59				
Функциональный аналог					24	17				
Дословный перевод					14	11				

При передаче аллюзий используется дословный перевод. Отсылка к русской поговорке с умолчанием переводится через законченное высказывание в языке перевода. Рассмотрим каждый прием компенсации более подробно.

1. Транскрибирование применяется при переводе антропонимов. Прием представляет собой воспроизведение звуковой формы иноязычного слова средствами переводящего языка. В русских текстах «Зулейха открывает глаза», «Дети мои» употребляются имена собственные, при передаче которых на китайский язык используется традиционный в русско-китайском переводе прием транскрипции: *Юлбаиш* / 尤尔巴什 (йоу-ар-ба-шен), *Юзуф* / 优素福 (йоу-су-фу), *Сандугач* / 桑杜加奇 (сан-ду-цзя-ци) и др. При этом близость звучания слова в исходном языке и на языке перевода условна из-за существенных различий в фонетических системах русского и китайского языков.

В следующем примере можно спрогнозировать барьеры в понимании фрагмента текста в результате пропуска переводческого комментария к транскрибированной на китайский язык фамилии «Обида»: «*Студент-химик со смешной фамилией **Обида** и следами вечной ипохондрии на лице*» [Яхина, 2015, с. 119] / «名字滑稽可笑, 化学专业的大学生**奥比达**, 脸上永远一副抑郁的神情» [Чжан Цзе, Се Юньцай, 2017, с. 112] (досл. «Его имя смешное – *ао-би-да*, у студента химического факультета всегда мрачное выражение лица ...»). Подчеркнем, что прием транскрибирования при переводе прозвищ и говорящих имен должен сопровождаться примечанием переводчика, чтобы читатель мог уловить суть и происхождение подобных номинаций.

2. Экспликация (описательный перевод) является самым частотным способом перевода как этнолингвистических, идиостилистических, лексических лакун, так и фразеологических единиц. Его суть заключается в замене лексемы в оригинале свободным словосочетанием в языке перевода, которое интерпретирует значение слова. Приведем некоторые примеры: «*Полные **тезки***» [Яхина, 2015, с. 440] / «完全同名同姓» [Чжан Цзе, Се Юньцай, 2017, с. 429] (досл. «одинаковое имя, одинаковая фамилия»); «*Мне **абыстай** рассказывала, а ей – ее бабушка*» [Яхина, 2015,

с. 20], абыстай – супруга духовного лица / «阿訇的妻子告诉我的, 你妈妈是他的产婆啊» [Чжан Цзе, Се Юньцай, 2017, с. 13] (досл. «Жена имама рассказала мне, а ей – ее бабка»).

В тексте перевода наблюдаем частотность дескриптивной передачи фразеологических единиц: «Сумлинский как в воду глядел» [Яхина, 2015, с. 342] / «苏姆林斯基确有先见之明» [Чжан Цзе, Се Юньцай, 2017, с. 335] (досл. «Сумлинский предвидел»); «Рука и спина ноют» [Яхина, 2015, с. 17] / «祖列依哈背的胳膊和后背很疼» [Чжан Цзе, Се Юньцай, 2017, с. 10] (досл. «Руки и спина Зулейхи очень болят»).

Дескриптивный перевод, являясь верным, лишает текст образности, однако, учитывая достаточно умеренную степень экспрессивности и эмоциональности фразеологических образов в данных примерах, можно предположить, что представленные трансформации являются уместными. При этом экспликативная передача фразеологизмов может вызвать семантические сдвиги, как например, в случае перевода выражения «У меня нет ничего за душой» [Яхина, 2018, с. 52] / «我没有亲人» [Чэнь Фан, 2020, с. 46] (досл. «У меня нет родных»).

Как показал анализ фразеологических единиц, при описательном переводе устойчивых выражений возможна не только передача их семантических значений, но и стилистических признаков. «Как прогнал Глашку – так бобылем и живешь» [Яхина, 2015, с. 459] / «自你把格拉什卡赶走 – 就一直过着清冷子瓜寂的生活嘛» [Чжан Цзе, Се Юньцай, 2017, с. 449] (досл. «С тех пор, как ты прогнал Глашку, так и живешь холодной, глупой и одинокой жизнью»). Разговорное выражение «жить бобылем» в значении «быть одиноким, бессемейным человеком» [НСРЯ, 2000] было передано на китайский язык лексемами 冷子 (холодный), 瓜 (диал. «глупый, придурковатый»).

3. Генерализация является вторым по частотности применения приемом компенсации этнолингвистических и лексических лакун. Этот способ заключается

в подмене слова в оригинале лексической единицей с более широким значением в переводе.

При переводе реалии (в анализируемых текстах это названия блюд, традиционных праздников, предметов быта и одежды) часто применяется генерализация в связи с тем, что китайские читатели не знакомы с татарской культурой. При генерализации семантическая структура трансформируется вследствие устранения дифференциальной семы. Приведем некоторые примеры перевода татарских реалий в романе «Зулейха открывает глаза»: *кота* – короткие домашние валенки / 毡靴 (валенки), *кызылык* – конская колбаса / 香肠 (колбаса), *изба* – деревянный крестьянский дом в деревне / 房子 (жилье); *плошка* – низкая широкая посуда в форме большой чашки, тазика / 盘子 (тарелка).

Причиной подобной лексико-семантической трансформации выступают расхождения в русской и китайской лингвокультурах. При приеме генерализации могут утрачиваться национальные коннотации, поскольку реалии, будучи стилистически окрашенными, не имеют понятийного эквивалента в языке перевода. Сложность перевода этнолингвистических лакун способом генерализации состоит в том, что, с одной стороны, необходимо передать предметно-логическое содержание реалии, с другой стороны, переводчику нужно стремиться вызвать у читателя адекватную, как и в исходном тексте, эмоциональную реакцию.

4. Эквивалентная лексико-семантическая замена представляет собой замену словом в переводе, которое называет понятие, тождественное элементу исходной культуры, но не совпадающее с ним. На материале анализируемых произведений возможна тождественная передача некоторых слов лексико-семантического поля «немецкий» в романе «Дети мои», татаризмов в романе «Зулейха открывает глаза», таких как: *улым* – 儿子 – сын, *эни* – 妈妈 – мама, *шульмейстер* – 老师 – учитель, *фроляйн* – 小姐 – обращение к девушке.

Данный способ перевода обычно краток и не затрудняет понимания, поскольку он использует знакомые для принимающего языка слова или словосочетания, обращается к привычным явлениям. Приведем примеры из текста.

Русское слово *тулуп* было переведено как 皮袄 (шуба на меху): «*После работы так приятно побездельничать на мерно покачивающихся санях – сесть поудобнее, закутаться поглубже в пахучий тулуп, засунуть коченеющие ладони в рукава, положить подбородок на грудь и прикрыть глаза...*» [Яхина, 2015, с. 17] / «*劳作之后坐在晃晃悠悠的雪橇上休息一下是很舒服的 – 调整好坐姿, 整个身体蜷缩进气味浓烈的皮袄里, 冻僵的双手缩进袖筒里, 下颏抵着前胸, 微微闭上眼睛*» [Чжан Цзе, Се Юньцай, 2017, с. 10].

Лексема «тулуп» означает «долгополую меховую шубу (преимущественно овчинную, заячью), обычно не крытую сукном» [Сл. Уш., 2001]. «皮袄» в китайских лексикографических источниках имеет значение «中式毛皮上衣» (китайская меховая шуба) [ЭКС]. Более углубленное изучение лексемы в китайской энциклопедии позволило установить дифференциальные семы, различающие два понятия между собой. «皮袄指用兽皮毛作为夹里的短上衣. 多用绵羊皮或二毛剪茬, 羔羊皮缝制. 衣领常用羊剪绒, 狗皮, 狐狸皮等为» (короткое пальто с мехом животных; используется овечья шкура, шкура ягненка, лисья или собачья шкура) [ЭКС].

Подобный способ трансформации характерен для национально обусловленной гастрономической лексики: «...а уши, большие и белые, воинственно торчащие в стороны, поразительно напоминали **вареники**, грудой вздымавшиеся в глубокой плошке» [Яхина, 2018, с. 36] / «两只又大又白的耳朵斗志昂扬地一朝外支棱着, 特别像盘子里摆着的两只大**饺子**» [Чэнь Фан, 2020, с. 28].

Замена славянского блюда «вареники» китайской лексемой 饺子 (цзяоцзы, китайские отварные пельмени с мясной и овощной начинкой) не вызвала барьеров в понимании текста. Такой вид компенсации лакун не осознается реципиентом перевода и устраняет национально-культурные барьеры.

Также в ходе анализа было установлено, что замена в тексте перевода русских фразеологизмов китайскими идиомами в некоторых случаях целесообразна и обоснована, не влечет за собой существенные семантические и

стилистические потери, как, например, в следующем случае: «*Сегодня это вечернее свидание Зулейхе на руку*» [Яхина, 2015, с. 24] / «今天这种"晚间交谈"是祖列依哈求之不得的» [Чжан Цзе, Се Юньцай, 2017, с. 17] (досл. «Сегодняшний “вечерний разговор” – это то, о чем Зулейха не могла и попросить»).

Прием подбора эквивалента может быть эффективен при компенсации не только семантического, но и стилистического значения. В некоторых случаях наблюдается использование в переводе функционального аналога из диалектов китайского языка – особенностей крестьянского просторечия. Приведем пример, в котором переводчики попытались найти достойную стилистическую замену лексеме с суффиксом *-ок*, выражающим уничижительно-пренебрежительную коннотацию. «*Испугался, мужичок, к мамке под юбку торопится*» [Яхина, 2015, с. 67] / «你害怕了, 伙计, 急着往老娘的裙子下面躲呢» [Чжан Цзе, Се Юньцай, 2017, с. 59] (досл. «Испугался, **приятель**, хочет спрятаться под маминой юбкой»). Переводчикам удалось передать стилистический фон высказывания за счет перевода словом, не относящимся к нейтральному стилю: лексема «伙计» (друг, приятель) в китайском языке входит в состав диалектной лексики [БКРС-Э].

Однако следует отметить недостаток подбора аналога в языке перевода, который состоит в том, что он затемняет этнокультурную специфику реалий, не доводит до читателя всей семантической и стилистической полноты их значений. Преимущественно в переводе особенностей крестьянской речи, уголовного жаргона были выбраны стилистически нейтральные лексемы, что привело к утрате национального колорита и некоторых особенностей авторского идиостиля.

В рассматриваемых переводах в параграфе «Идиостилистические лакуны» были установлены стилистические потери при эквивалентной замене. Так, например, нейтральные аналоги нивелируют речевые особенности уголовного Горелова: «*Ничего, муся, крути себе дальше свои амуры*» [Яхина, 2015, с. 441] / «没你 – 什么事, 小猫咪, 继续爱着吧» [Чжан Цзе, Се Юньцай, 2017, с. 430] (досл. «Без проблем, кошечка, продолжай любить»).

Особенно ярко стилистические потери проявляются в следующем примере: «Суп называл – *буйоном*, сухари – *грэнками*, а куски рыбы и вовсе – *гужоном*» [Яхина, 2015, с. 332] / «他把汤称作肉汤, 面包干 – 称作烤面包块, 干脆把鱼块叫作 – 鱼排» [Чжан Цзе, Се Юньцай, 2017, с. 326] (досл. «Суп он называл мясным супом, сухари – поджаренными хлебными кусочками, а рыбные куски и вовсе – рыбной отбивной»). В данном фрагменте содержится описание персонажа Ачкенази, одного из ссыльных в поселении Семрук, который «когда-то был поваром и, говорили, отменным» [Яхина, 2015, с. 332].

Слово «бульон» заимствовано из французского «bouillon», «бульон» < лат. bullire «кипеть» [ЭСРЯ, 2004]. Лексема «грэнки / гренок» славянского происхождения от «греть, гореть, горячий» [ЭСРЯ, 2004]. Но есть и французская версия: «грэнки» < фр. grains «крошки» [Похлебкин, 1988]. Слово «гужон» < фр. goujon, «мелкая рыба, пескарь» [ИСГРЯ, 2010], позже – «мелкие куски рыбы».

Эти французские глуттонимы становятся в тексте лингвокультурными знаками прежней, ушедшей гастрономической культуры России, вписанной в пространство европейской цивилизации. Лексемы «гужон», «буйон» были переведены нейтральными лексемами «肉汤» (мясной суп, бульон), «鱼排» (рыбная отбивная). В данном фрагменте не удалось передать некоторые стилистические нюансы лексем. Видится целесообразным и более эффективным использование функционального аналога из диалектов китайского языка, чтобы сохранить социолокальную информацию в речи персонажа.

5. В качестве отдельной модели элиминации лакун выделяем **антонимический перевод**. Он представляет собой замену лексической единицы исходного языка на единицу языка перевода с противоположным значением. Данная модель имеет сравнительно небольшую частотность реализации в исследуемых переводах. Обратимся к некоторым фактам из текстов и переводов: «*Просытайся, женщина, приехали*» [Яхина, 2015, с. 17] / «别睡啦, 傻娘们, 到地方了» [Чжан Цзе, Се Юньцай, 2017, с. 10] (досл. «Не спи, глупая женщина,

приехали»); «*Спуску не жди*» [Яхина, 2015, с. 74] / «等着挨骂吧!» [Чжан Цзе, Се Юньцай, 2017, с. 67] (досл. «Жди, что тебя обругают!»).

6. Пропуски, характерные для элиминирования татаризмов в тексте, на анализируемом языковом материале представлены слабо. Как правило, к ним относятся религиозные обращения и выражения, такие как: «*Алла сакласын, Муртаза, неужели опять?*» [Яхина, 2015, с. 43] / «等一下, 穆尔塔扎, 难道又来了?» [Чжан Цзе, Се Юньцай, 2017, с. 36] (досл. «Подожди, Муртаза, неужели снова пришли?»), где «Алла сакласын» означает «Боже упаси» [ТРС]; «*Сам мулла-хазрэт приходил посмотреть...*» [Яхина, 2015, с. 28] / «阿訇前来参观一下...» [Чжан Цзе, Се Юньцай, 2017, с. 21] (досл. «Имам приходил посмотреть...»), где «хазрэт» означает «почтенный».

Пропуски касаются тех фрагментов текста, в которых лакунарность определяется лингвокультурной спецификой вербализации национального юмора, языковой игры, как, например: «*Во времена со смешным названием "НЭП" ...*» [Яхина, 2015, с. 50] / «在"新经济政策"时期...» [Чжан Цзе, Се Юньцай, 2017, с. 42] (досл. «В период "новой экономической политики" ...»).

7. Среди разнообразных приемов элиминирования следует обратить внимание на нерегулярные, исключительные способы перевода лексической единицы оригинала, которые эффективны только в определенном контексте, – **контекстуальные замены**. Ранее в работе уже был рассмотрен случай контекстуальной замены графона «*калхус*» на лексему «太阳神» (божество солнца).

Приведем еще один фрагмент из текста, который демонстрирует комбинирование данного способа компенсации лакуны с приемом заполнения-примечания: «– *Могу набросать вам по памяти фонтан слез – два месяца жил там, ловил струение воды по мрамору, – ответил тот. – Струение – некорректное слово, Илья Петрович. Его не существует*» [Яхина, 2015, с. 457] / «我可以凭记忆给您画出那里的泪泉 – 我在那儿待过两个月, 看过那儿的大理石"造构". 伊孔尼科夫回应道. **造构** – 这个词不对, 伊利亚彼得罗维奇. 根本没有这个词» [Чжан Цзе,

Се Юньцай, 2017, с. 447] (досл. «– Я могу нарисовать вам по памяти фонтан слез – я был там два месяца и видел там мраморное *цзао-гоу*», – ответил Иконников. – *Цзао-гоу* – неверное слово, Илья Петрович. Нет такого слова вообще»).

К слову «造构» (цзао-гоу) дано краткое пояснение в сноске: «伊孔尼科夫将 "构造" 一词记错, 翻译时也将错就错, 译成 "造构"» (Иконников ошибочно вспомнил слово «构造» (гоу-цзао) / «структура», в переводе допущена намеренная ошибка – «造构», цзао-гоу). Окказиональное отглагольное существительное «струение» было переведено путем использования графона, характерного для китайского языка, – перестановкой двух иероглифов в составе одного слова.

2.3.3. Лингвокультурная адаптация лакун

На анализируемом языковом материале особого комментария требует компенсация этнолингвистических лакунарных единиц. Оригиналы произведений «Зулейха открывает глаза» и «Дети мои» представляют собой художественные тексты, обладающие этнокультурной маркированностью и информативностью. Автор постоянно подчеркивает принадлежность героев к другой культуре, и, следовательно, особую значимость в тексте приобретают языковые вкрапления из татарского и немецкого языков.

В романе «Зулейха открывает глаза» автор методом транскрибирования включает в текст на русском языке экзотизмы из татарского языка, добавляя при этом их лингвоэтническую трактовку в приложении к произведению. Татаризмы в русском тексте не выделены курсивом, не сопровождаются пояснением в постраничной сноске, их содержание поясняется в «Словаре татарских слов и выражений».

Преимущества транскрипции как способа перевода заключаются в том, что он позволяет передать звуковой облик слова, не приводит к увеличению объема текста, сохраняет национально-культурную специфику лакуны. Недостаток этого приема обусловлен тем, что транскрибированные реалии другой культуры при их

высокой концентрации в тексте могут быть непонятны носителям принимающего языка, особенно если контекст или ситуация не помогают выявить значение.

При передаче реалий татарской культуры китайские переводчики используют другие приемы компенсации: генерализацию, экспликацию, эквивалентную лексико-семантическую замену. Это объясняется тем, что избыточное количество иноязычных элементов «перегружает текст экзотическими единицами, через которые реципиент буквальным образом продирается, теряя смысл и совершенно не задумываясь о каком-то национальном колорите» [Виноградов, 2001, с. 37]. В китайской письменности не существует пробелов между словами, в связи с чем перегруженность текста экзотизмами повысит когнитивную нагрузку читателя, приведет к проблеме установления границ слов.

Особенности идиостиля писателя вступают в противоречие с желанием переводчиков в некоторой степени переориентировать текст на китайского реципиента. Заполнение лакун в тексте, который перенасыщен татаризмами, советизмами и использует фоновые знания читателя, значительно затруднено.

Интерпретируя решения китайских переводчиков о переносе культурных реалий из одного языка в другой, возникает вопрос о том, какие лексические трансформации при передаче этномаркированного корпуса татарской лексики могут продемонстрировать переводы на другие языки.

В переводе романа «Зулейха открывает глаза» на английский язык, выполненном Лизой Хейден [Yakhina, 2019], используются различные виды элиминирования лакун в рамках межъязыковой и межкультурной коммуникации. Как и в китайском переводе, в английском тексте отсутствует словарь из 56 татарских слов и выражений, наблюдается частотность методов эквивалентной замены и дескрипции при передаче этнографизмов, например: *koma* / *little felt boots*, *чаршав* / *printed cotton curtain*, *шаровары* / *baggy wide pants*, *яга* / *coat*, *кульмэк* / *a smock*.

Однако в отличие от китайского перевода в англоязычном варианте некоторые татарские лексемы воспроизводятся с помощью транслитерации. Так же, как и Гузель Яхина в оригинале, Лиза Хейден дополняет непонятные читателю

элементы другой лингвокультуры добавочной информацией. Приведем примеры: «*“Убырлы карчык” – Упыриха*» [Яхина, 2015, с. 11] / «*“Ubyrly Karchyk – the Vampire Hag*» [Yakhina, 2019, с. 5]; «*Мокрой курицей – жебегян тавык – ее впервые назвала Упыриха*» [Яхина, 2015, с. 16] / «*It was the Vampire Hag who first called her zhebegyan tavyk – pitiful hen*» [Yakhina, 2019, с. 5].

Номинации *убырлы карчык / ubyrly karchyk, жебегян тавык / zhebegyan tavyk*, а также некоторые антропометрические татарские лексемы *эни / eni* (мама), *улым / ulyum* (сын) в их транслитерационном оформлении целенаправленно сохраняются переводчиком для создания аутентичной атмосферы. Однако в китайском переводе подобный прием, как уже ранее отмечалось, не используется в связи с особенностями китайского языка.

В романах Г. Яхиной переплетаются русское и татарское, русское и немецкое лингвокультурные поля. Модели лингвокультурной адаптации этнолингвистических лакун в китайских переводах романов «Зулейха открывает глаза» и «Дети мои» представлены на рисунках 7, 8.

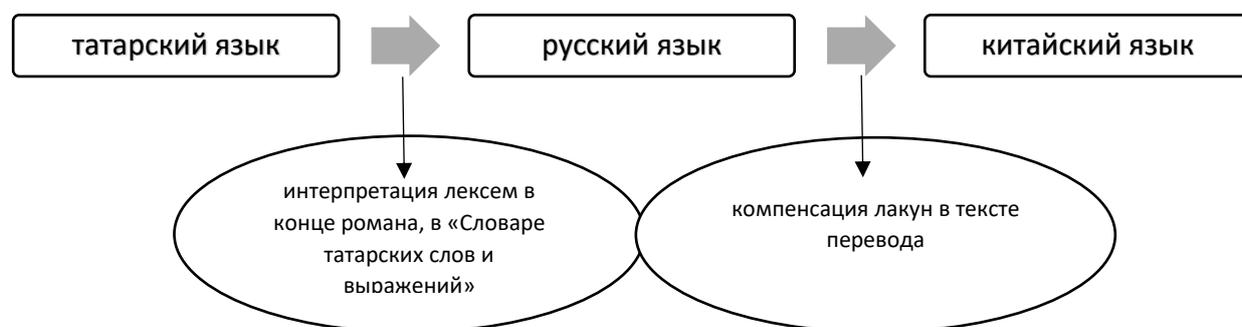

Рисунок 7 – Модель лингвокультурной адаптации этнолингвистических лакун в переводе романа «Зулейха открывает глаза» на китайский язык

Рисунок 8 – Модель лингвокультурной адаптации этнолингвистических лакун в переводе романа «Дети мои» на китайский язык

Для переводчиков задача состояла в двойном транскодировании лакун (татарский → русский → китайский; немецкий → русский → китайский) с минимальными смысловыми потерями.

На этапе первого транскодирования татарский → русский в романе о Зулейхе трактовка реалий выносится в отдельный лексикографический раздел. В романе «Дети мои» предполагается определение значений слов-реалий немецкой культуры исходя из контекста и фоновых знаний русскоязычного читателя.

В рамках второго этапа транскодирования переводчики вынуждены были использовать прием компенсации (эквивалентную замену, генерализацию, описательный перевод) и заменять неконгруэнтные фрагменты лингвокультуры оригинального текста тождественными, создающими аналогичный эффект воздействия на реципиента перевода. В связи с этим при передаче этнокультурных реалий, связанных с особенностями быта татар и поволжских немцев, переводчики прибегают к общеупотребительным словам нейтральной коннотации, чему были приведены многочисленные примеры в практической части настоящего исследования.

Выводы по главе II

Проведенный анализ лингвокультурных лакун в переводах романов Г. Ш. Яхиной на китайский язык позволил прийти к следующим выводам:

1. Этнокультурологический аспект романов Г. Ш. Яхиной, их стилистическая разнородность, многообразие специфической лексики вызывают трудности в процессе перевода на китайский язык. Лакуны, выявленные в результате сопоставления оригинальных художественных текстов и их китайских переводов, являются важным источником изучения лингвокультурной информации, содержащейся в слове.

Путем сопоставительного анализа оригинальных текстов «Зулейха открывает глаза», «Дети мои» и их китайский переводов было выявлено 670 лингвокультурных лакун, из которых *этнолингвистические лакуны* составляют 116 единиц (17%), *ассоциативные лакуны* – 299 единиц (45%), *идиостилистические лакуны* – 107 единиц (16%), *лексические лакуны* – 148 единиц (22%).

2. Выявлено два способа элиминирования лакун в китайских переводах произведений Г. Ш. Яхиной – заполнение (перевод с комментарием) и компенсация.

Объектами комментирования в обоих китайских изданиях преимущественно являются исторические факты, антропонимы и их варианты, однако мало внимания уделяется необходимости интерпретации фактов культуры, стилистических характеристик речи персонажей.

Компенсация представляет собой перевод лакун средствами китайского языка, подбор аналога исходного образа в принимающей лингвокультуре. Было проанализировано семь приемов компенсирования лакун в переводах текстов Г. Ш. Яхиной: транскрибирование, экспликация, генерализация, эквивалентная лексико-семантическая замена, пропуск, антонимический перевод и контекстуальная замена.

3. Китайские издания произведений Г. Ш. Яхиной различаются индивидуальностью переводческих решений, которая проявляется в выборе приемов элиминирования лингвокультурных лакун. На основании приведенных в настоящем исследовании контекстных употреблений лакунарных единиц, выводов об эффективности принятых решений в конкретных переводческих ситуациях можно утверждать об особенностях сопоставляемых переводов.

Следует подчеркнуть, что специфика переводов произведений «Зулейха открывает глаза» и «Дети мои» обусловлена тремя факторами: особенностями структуры и содержания оригинальных текстов, индивидуальностью переводчика, значительными расхождениями в русской и китайской лингвокультурах. Если последнее обстоятельство объясняет общие тенденции русско-китайского перевода произведений Г. Ш. Яхиной, то первое и второе позволяют говорить о своеобразии двух переводных текстов. Рассмотрим специфические характеристики исследуемых переводов с точки зрения элиминирования четырех типов лингвокультурных лакун.

Этнолингвистические лакуны («Зулейха открывает глаза» – 77, «Дети мои» – 39). Эти лексические единицы чаще репрезентированы этнографизмами, выражающими не только лакунарные предметы, явления народного быта, но и элементы народной культуры, имплицитно представленной в слове/словосочетании. Выявленные в ходе исследования лакуны были отнесены к восьми тематическим группам: названия предметов быта; фольклорные персонажи; обращения; национальные праздники и традиции; религия; предметы одежды и обуви; названия титулов, профессий, слоев населения; национальные блюда.

Количество лакун представленного типа в сопоставляемых текстах различается. В романе «Зулейха открывает глаза» этнолингвистическими лакунами являются татаризмы/ тюркизмы, представляющие собой иноязычную (по отношению к русскому языку) группу слов, значение которых устанавливается в авторском «Словаре татарских слов и выражений» в приложении к роману. К представленному типу лакунарной лексики в романе «Дети мои» были отнесены германизмы, являющиеся иноязычной (по отношению к русскому языку) группой слов, значение которых устанавливается исходя из контекста и фоновых знаний читателя.

Отметим, что татарские этнографизмы встречаются в романе о Зулейхе не один раз: всего было зафиксировано около 200 их контекстных употреблений. Очевидно, что этнолингвистический пласт лакунарных явлений в первом романе Г. Ш. Яхиной представлен намного шире. В связи с этим в его китайском переводе

наиболее отчетливо наблюдается затемнение этнокультурной составляющей всего произведения. Однако более обширный языковой материал позволил проанализировать переводческие модификации, применяемые для передачи этнографизмов на китайский язык.

Ассоциативные лакуны («Зулейха открывает глаза» – 142, «Дети мои» – 157). Представленный тип лакун охватывает широкий спектр лингвокультурной информации и в настоящем исследовании был проанализирован в трех своих проявлениях – антропонимах, фразеологизмах, аллюзиях.

Антропонимы. Несмотря на то, что в романе «Дети мои» антропонимов больше (52 единицы), чем в романе «Зулейха открывает глаза» (36 единиц), их передача на китайский язык не представляла особой сложности. Это связано с тем, что немецкий антропонимикон в тексте не имеет стилистически окрашенных имен и фамилий, за исключением уменьшительно-ласкательной формы имени *Анче* (от женского имени *Анна*), которая была пропущена в переводе.

В романе «Зулейха открывает глаза» употребляются многочисленные формы одного и того же имени, прозвищные номинации, которые в переводе были элиминированы не всегда точно. Комментарии переводчиков к вариантам антропонимов в некоторых случаях не учитывают их отрицательную коннотацию, а транскрибированные прозвища вовсе остались без объяснения.

Фразеологизмы. При переводе фразеологических единиц применяются следующие приемы (в процентах от общего количества проанализированного материала):

- в переводе романа «Зулейха открывает глаза»: описательный перевод (59%), поиск функционального аналога (26%), дословный перевод (15%);
- в переводе романа «Дети мои»: описательный перевод (68%), поиск функционального аналога (19%), дословный перевод (13%).

Сопоставительное исследование способов перевода фразеологических единиц показало, что китайская версия текста «Дети мои» обнаруживает меньше стилистических неточностей в аспекте передачи устойчивых выражений, чем китайский перевод романа «Зулейха открывает глаза». Это объясняется тем, что

Чэнь Фан реже обращается к приему подбора функционального аналога, поскольку китайские идиомы и русские фразеологизмы различаются своей стилистикой и происхождением. Данный способ перевода применяется Чэнь Фан только в тех случаях, когда исходное и переводное выражения близки по значению и стилистике.

Аллюзии. В романе о Зулейхе встречаются аллюзии на тексты песен, отсылки к фразеологическим оборотам. В произведении «Дети мои» обнаруживаются многочисленные аллюзии на известных деятелей культуры немецкого происхождения, немецкую литературу, немецкий фольклор, историко-политические аллюзии. Эти элементы в текстах Г. Ш. Яхиной ориентированы на достаточно высокий уровень эрудиции, в связи с чем они могут оставаться лакунарными и для русского читателя.

Лексические лакуны («Зулейха открывает глаза» – 75, «Дети мои» – 73). Специфика соотношений между лексическими единицами сопоставляемых языков вызывает лексическую лакунарность. К таким лакунам относятся понятия, не получившие закрепления в языковой традиции словоупотребления китайского языка в сравнении с русским, переносные значения слов. Их элиминирование в обоих переводах заключается в использовании разнообразных приемов компенсации, тесно связано как с индивидуальностью переводчика, так и с русско-китайскими лингвокультурными различиями.

Идиостилистические лакуны («Зулейха открывает глаза» – 61, «Дети мои» – 46). Данные единицы анализа представляют собой особый барьер в переводческой деятельности. В стилистическом отношении тексты анализируемых романов разнородны: в них просторечная, диалектная, разговорная лексика переплетается с возвышенными словами и оборотами. Данная характеристика произведений является важным средством передачи особенностей речевых портретов персонажей, благодаря которой становится возможным распознать героя в тех случаях, когда автор явно не называет его. Китайские переводы, по всей видимости из-за ориентированности на китайского читателя, нивелируют стилистическую окраску лексем и выражений.

Количественное соотношение идиостилистических лакун, обнаруженных в двух переводах, продемонстрировало, что перевод первого романа Г. Ш. Яхиной представляет большую сложность для переводчиков в плане передачи стилистической окраски слов, особенно тюремного жаргона. Также перевод осложняет факт наличия в романе графонов – различных орфографических трансформаций слов, которые являются важной характеристикой речевых портретов персонажей.

Таким образом, сопоставление переводных текстов позволило сформулировать следующие выводы. Если в аспекте элиминирования лингвокультурной лакунарности барьерами для перевода на китайский язык в романе «Зулейха открывает глаза» являются различные варианты одного антропонима, прозвищная номинация, наличие тюремного жаргона, многочисленные вкрапления из татарского языка, то текст произведения «Дети мои» осложняется прецедентными немецкими именами, аллюзиями на немецкие сказки и фольклор, исторические личности. Это позволяет утверждать, что перед переводчиками двух романов были поставлены задачи по решению разных переводческих проблем. Наибольшее количество лингвокультурных лакун, барьеров и дискуссионных ситуаций в условиях русско-китайского перевода было выявлено в тексте романа «Зулейха открывает глаза» и его китайской интерпретации, выполненной Чжан Цзе и Се Юньцай.

4. Китайские варианты произведений Г. Ш. Яхиной демонстрируют общие тенденции перевода. Обобщение данных анализа, сопровождение их информацией о наиболее удачных и дискуссионных, с нашей точки зрения, переводческих решениях в каждой конкретной ситуации показали, что:

- В китайских переводах произведений Г. Ш. Яхиной произошло затемнение этнокультурной специфичности произведений. Это объясняется двойным транскодированием при переводе татарской лексики и заимствований из немецкого языка, а также передачей реалий русской культуры с помощью различных приемов компенсации лакун.

Данное переводческое решение может быть охарактеризовано как вынужденное. Чрезмерное транскрибирование и последующее комментирование культурно-маркированного корпуса лексики в романах «Зулейха открывает глаза» и «Дети мои» вызвало бы отдаление китайского читателя от текста. Этнолингвистическую составляющую переводных произведений поддерживают транскрибированные иноязычные антропонимы, топонимы, реалии и события исторической и духовной жизни народов. Лингвокультурными маркерами выступают точечные включения элементов другой культуры в текст перевода с последующим комментированием.

- Частотными приемами компенсации лакун являются экспликация, генерализация и эквивалентная лексико-семантическая замена. При переводе этнолингвистических, лексических и идиостилистических лакун частота приема экспликации составляет 57%, генерализации – 17%, эквивалентной замены – 17%. Данные трансформации связаны с тем, что художественные тексты, как билингвальные, так и те, что характеризуются точечными иноязычными вкраплениями, обладают высокой степенью непереводимости.

- Китайские переводы отличаются редукцией стилистических коннотаций слов и выражений на русском языке.

В этой связи следует отметить проанализированные многочисленные случаи упрощения стилистики текста при переводе диалектной, просторечной, разговорной, жаргонной лексики. Наиболее удачными являются единичные случаи передачи стилистических значений лексем путем подбора стилистически окрашенного эквивалента в китайском языке.

- Китайские переводческие комментарии разъясняют значения лакун, однако они не всегда являются точными. В исследовании было проанализировано 47 комментариев в переводе романа «Зулейха открывает глаза», 33 комментария в переводе произведения «Дети мои». В некоторых случаях лингвокультурные лакуны, на наш взгляд, требующие пояснения для китайского читателя, остались без внимания переводчиков.

Таким образом, переводы романов Г. Ш. Яхиной «Зулейха открывает глаза» и «Дети мои» представляют собой результат скрупулезной работы переводчиков Чжан Цзе, Се Юньцай и Чэнь Фан. Исходные тексты полны культурно-специфической лексики и явлений русской, татарской, немецкой культур. Можно утверждать, что на выбор способа элиминирования лакун влияет несколько факторов. Во-первых, мощность лакунарной единицы, лингвокультурологические различия между языками оригинала и перевода определяют объем заполнения лакуны. Во-вторых, цель текста, заложенный автором смысл произведения обуславливают особенности переноса «чужого» образа на язык перевода, характер переориентации текста на нового реципиента.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В современной лингвистике продолжает возрастать интерес к лингвокультурологическим исследованиям, в том числе в аспекте теории и практики переводоведения. Наиболее ярко вопросы взаимодействия языка и культуры отражаются в переводе художественных текстов, когда чужая культура «прочитывается» сквозь призму культуры принимающей. В активно разрабатываемой в последнее время области русско-китайской межкультурной коммуникации учеными исследуется интердисциплинарный подход к вопросам теории перевода, в частности, принципам сопоставительного анализа текстов оригинала и перевода в их лингвокультурных проекциях.

Перевод русских художественных текстов играл и продолжает играть значительную роль в знакомстве китайского народа с русской, российской культурой в ее национальных измерениях. Переводы русской классической и современной литературы становятся частью китайской культурной традиции, поэтому важным является рассмотрение проблем интерпретации текста оригинала в его переводческих решениях. В этой связи актуальными, требующими своего разрешения на конкретном материале художественного произведения продолжают оставаться проблемы лингвокультурной лакунарности в переводном тексте.

Художественное произведение не только эмоционально воздействует на читателя, но и сохраняет, транслирует национально-специфические смыслы культуры, в которой оно было создано. Порожденный в рамках иной лингвокультуры, текст и его культурные особенности представляют собой особую практику переводческой деятельности. Включение литературного произведения в новую лингвокультурную парадигму требует решения определенных проблем, связанных с пониманием отличительных качеств исходного текста. Перед переводчиком стоит задача максимально точно воспроизвести оригинальное произведение, стараясь при этом сделать его доступным для реципиента перевода.

Диссертационная работа представляет собой опыт обращения к лингвокультурным лакунам в аспекте перевода текста русского произведения на

китайский язык. Проведенное исследование позволило прийти к следующим основным выводам.

1. Переводная литература является важнейшим источником изучения разных лингвистических и культурных явлений, дает материал для описания лакунарных единиц. Обращение к переводным вариантам произведений Г. Ш. Яхиной «Зулейха открывает глаза» и «Дети мои», которые содержат широкий диапазон этнолингвистической, историко-культурной информации, позволяет исследовать специфику китайской и русской лингвокультур, влияющую на переводческую деятельность. Феномен лингвокультурной лакунарности, актуальный в рамках исследования китайских переводов художественных текстов Г. Ш. Яхиной, реализовывается как в отдельной семе лексического значения, так и в любой информации, которая сопровождает определенное явление в сознании носителей лингвокультуры.

В настоящем диссертационном исследовании были описаны лингвокультурные лакуны в китайском языке, выявленные на фоне русского языка, и определены способы их элиминирования в переводах произведений Г. Ш. Яхиной. Всего в работе было проанализировано 355 лакунарных единиц в переводе романа «Зулейха открывает глаза», в переводе произведения «Дети мои» – 315. Принцип классификации лакун на анализируемом языковом материале позволил выявить несколько типов лакунарных единиц: лакуны этнолингвистические, ассоциативные, лексические и идиостилистические.

2. Были представлены основные причины, которые могут порождать лингвокультурные лакуны в русско-китайском переводе: уникальность явлений культуры и быта; различия в религиозно-философских взглядах; определенные ассоциации, обусловленные национально-культурным опытом народа; этномаркированные коннотативные значения слова; особенности функционирования стилистического пласта лексики в сопоставляемых языках.

3. Выявление и классификация лингвокультурных лакун при сопоставлении текстов произведений Г. Ш. Яхиной и их переводов, описание способов их элиминирования показали, что компенсация лакун приводит к сдвигу в передаче

национально-культурного и идиостилистического своеобразия художественных текстов. Многочисленные лакуны, отражающие реалии татарской, русской немецкой культуры, были адаптированы в китайских переводах по модели двойного транскодирования. Переводческая стратегия Чэнь Фан, Чжан Цзе и Се Юньцай заключалась, с одной стороны, в сохранении культурного своеобразия исходных текстов через интерпретацию явлений другой культуры в комментариях. С другой стороны, переводчики стремились сделать тексты максимально понятными для читателя, находили эквиваленты в китайской лингвокультуре.

4. Несмотря на то, что русская и китайская лингвокультуры при сопоставлении обнаруживают значительные расхождения в отношении к различным явлениям, в процессе перевода возможна передача языковых и культурно-значимых понятий в исходном тексте. В исследовании были описаны два основных способа элиминирования лингвокультурных лакун в китайских переводах произведений Г. Ш. Яхиной – заполнение и компенсация. Заполнение лакунарных единиц в переводных вариантах выражается в комментариях в постраничных сносках. Китайские переводческие комментарии разъясняют значения лингвокультурных лакун, однако они не всегда являются точными. В некоторых случаях лакуны остались без внимания переводчиков. Также были рассмотрены следующие способы компенсации лакун: транскрибирование, эквивалентная лексико-семантическая замена, генерализация, экспликация, антонимический перевод, пропуск, контекстуальная замена.

Одними из ведущих способов адаптации лакун на анализируемом материале являются эквивалентная замена, генерализация и экспликация. Частотное обращение к данным способам перевода объясняется тем, что экспликация дает возможность полностью воссоздать семантику слов, номинировать лингвокультурные реалии без смысловых потерь. Лакуны, компенсированные эквивалентной заменой и генерализацией, как правило, не осознаются китайским читателем и не отвлекают его от линии повествования.

5. Сопоставление оригинальных текстов Г. Ш. Яхиной и их переводов позволяет получить данные о способах достижения эквивалентности, наиболее

эффективных приемах перевода лингвокультурных лакун. При сравнении двух переводных текстов обнаруживаются особенности индивидуальных переводческих решений, мотивированные спецификой информационного содержания и структуры самих романов Г. Яхиной, а также глубиной понимания оригинального текста китайскими переводчиками. Проведенное исследование позволило утверждать, что перевод романа «Зулейха открывает глаза» на китайский язык демонстрирует большее количество лакун, ситуаций возникновения лингвокультурных барьеров.

Кроме того, сопоставительный анализ оригинальных текстов и переводов показал общие закономерности переводных текстов, которые не зависят от индивидуальных особенностей переводчиков. Эти тенденции связаны с общими расхождениями в русской и китайской лингвокультурах и заключаются в уменьшении национально-культурной специфичности текстов при переводе, снижении их идиостилистических характеристик.

Проведенное исследование приводит к выводу о том, что переводчики романов Г. Ш. Яхиной Чжан Цзе, Се Юньцай, Чэнь Фан провели огромную работу по интерпретации русских текстов, насыщенных историческими и этнографическими реалиями, в которых манифестируется национально-культурная жизнь не только русского, но и татарского, немецкого народов в переплетении их исторических судеб. Для элиминирования лингвокультурных лакун китайские переводчики использовали во многом общие средства – различные переводческие трансформации в области межъязыковых взаимодействий. Подчеркнем, что существующие сложности соотносятся с общими, не только китайско-русскими, проблемами межкультурных соответствий: проблемы перевода художественного текста возникают в связи с труднопреодолимыми межъязыковыми барьерами, проявляющимися в силу собственно лингвистических, национально-культурных различий.

Представляется возможным дальнейшее исследование лакун, лингвокультурных факторов, влияющих на процесс художественного перевода с

русского языка на китайский, в том числе на материале произведений других современных авторов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

1. Яхина Г. Ш. Зулейха открывает глаза / предисл. Л. Улицкой / ред. Елены Шубиной. – М.: АСТ, 2015. – 508 с.
2. Яхина Г. Ш. Дети мои : роман / Гузель Яхина; предисл. Елены Костюкович. – М.: АСТ : ред. Елены Шубиной, 2018. – 493 с.
3. Чжан Цзе, Се Юньцай – 祖列依哈睁开了眼睛 / (俄罗斯) 古泽尔·雅辛娜著; 张杰, 谢云才译. – 北京: 人民文学出版社, 2017. – 495 页. Зулейха открывает глаза / Гузель Яхина, пер. с рус. Чжан Цзе, Се Юньцай. – Пекин: Изд-во «Народная литература», 2017. – 495 с.
4. Чэнь Фан – 我的孩子们 / (俄罗斯) 古泽尔·雅辛娜著; 陈方译. – 北京: 北京十月文艺出版社, 2020. – 571 页. Мои дети / Гузель Яхина, пер. с рус. Чэнь Фан. – Пекин: Изд-во «Октябрьская литература и искусство», 2020. – 571 с.

СЛОВАРИ

5. Азимов, Э. Г., Щукин, А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). – М.: Издательство ИКАР, 2009. – 448 с.
6. БАРКМС – 英俄汉通用大词典/ 王乃文等主编. – 北京: 学苑出版社, 2008. – 2886 页. Большой англо-русско-китайский многофункциональный словарь / отв. ред. Ван Найвэнь. – Пекин: Издательство «Академия», 2008. – 2886 с.
7. БАС – Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. К. С. Горбачевич. Т. 1–9. / Гл. ред. А. С. Герд. Т. 10–25. – Москва: «Наука», 2004–2011. – Москва — Санкт-Петербург: «Наука», 2012–2019 (продолжающееся издание). – Режим доступа: <https://iling.spb.ru/dictionaries.html.ru> – Дата доступа: 09.11.2021.

8. БКРС-Э – Большой китайско-русский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bkrs.info>.
9. БРКС – 大俄汉词典 (修订版). – 北京: 商务印书馆, 2001. – 2857 页. Большой русско-китайский словарь (испр. и доп.). – Пекин: Commercial Press, 2001. – 2857 с.
10. БСИС – Москвин, А.Г. Большой словарь иностранных слов [Электронный ресурс] / А.Г. Москвин. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/>
11. БСРП – Мокиенко, В.М., Никитина, Т.Г., Николаева, Е.К. Большой словарь русских пословиц. Около 70 000 пословиц. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 1026 с.
12. БТСК – Большой толковый словарь по культурологии / Б. И. Кононенко. – М.: Вече : АСТ, 2003 (ОАО Яросл. полигр. комб.). – 509 с.
13. БФСРЯ – Телия, В.Н. Большой фразеологический словарь русского языка / Отв. ред. В. Н. Телия. – 4-е изд. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. – 784 с.
14. БЭС – Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Большая Рос. энцикл. ; СПб. : Норинт, 1997, 1999, 2001, 2004. – 1456 с.
15. ДС – Древнетюркский словарь / Ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. – Ленинград : Наука, 1969. – 676 с.
16. ИСГРЯ – Епишкин, Н.И. Исторический словарь галлицизмов русского языка / Н.И. Епишкин. – М.: Словарное издательство ЭТС, 2010. – 5140 с.
17. ИЭС – Ислам: Энциклопедический словарь / Г. В. Милославский, Ю. А. Петросян, М. Б. Пиотровский, С. М. Прозоров. – Москва : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. – 315 с.
18. Ковшова, М.Л. Словарь лингвокультурологических терминов / М.Л. Ковшова, Д.Б. Гудков. – М.: Гнозис, 2017. – 192 с.
19. Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия / под ред. проф. Горкина А.П. — М.: Росмэн, 2006. — 984 с.
20. НСИС – Захаренко, Е. Н., Комарова, Л. Н., Нечаева, И.В. Новый словарь иностранных слов: свыше 25 000 слов и словосочетаний. — М.: ООО ИФ «Азбуковник», 2008. — 1040 с. — 3-е изд., испр. и доп.

21. НСРЯ – Ефремова, Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: Св. 136000 словарных статей, около 250000 семантических единиц : В 2 т. – М.: Русский язык, 2000. – 3312 с.
22. Похлебкин, В. В. О кулинарии от А до Я: Словарь-справочник / В.В. Похлебкин. — Мн.: Полымя, 1988. — 224 с.
23. ПСРЯ – Гуськова, А.П. Популярный словарь русского языка. Толково-энциклопедический / А. П. Гуськова, Б. В. Сотин. – М.: Русский язык-Медиа, 2003. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/>
24. РКСПШ – 叶芳来 俄汉谚语俗语词典. – 北京: 商务印书馆, 2005. – 375 页. Е Фанлай. Русско-китайский словарь пословиц и поговорок. – Пекин: Шанью иньшугуань, 2005. – 375 с.
25. РКФС – 俄汉成语词典. 周纪生 仇潞培 章其 编. – 湖北人民出版社, 1984 年. – 723 页. Русско-китайский фразеологический словарь / ред. Чжоу Цзишэн, Чоу Лупэй, Чжан Ци. – Издательство: Хубэй жэньминь чубаньшэ, 1984. – 723 с.
26. РОС – Русский орфографический словарь : около 180 000 слов / [авт. О. Е. Иванова, В. В. Лопатин, И. В. Нечаева, Л. К. Чельцова ; отв. ред. В. В. Лопатин] ; Рос. акад. наук, Отд. ист.-филол. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Москва, 2005. – 943 с.
27. РФИЭС – Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов / под ред. В. М. Мокиенко. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва: Астрель, 2007. – 926 с.
28. Синьхуа – 新华字典. Словарь иероглифов Синьхуа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://xh.5156edu.com/>
29. СИС – Комлев, Н.Г. Словарь иностранных слов / Н.Г. Комлев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/>
30. СКФПАЯ – 尹邦彦 汉语熟语英译词典. – 上海: 上海外语教育出版社, 2005. – 1042 页. Инь Баньянь. Словарь китайских фразеологизмов с переводом на английский язык. – Шанхай: Шанхайское издательство преподавания иностранных языков, 2005. – 1042 с.

31. Сл. Ож. – Ожегов, С.И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов / Под ред. докт. филол. наук, проф. Н.Ю. Шведовой. – 13-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1981.
32. Сл. Уш. – Толковый словарь русского языка: В 3 т. / Под ред. проф. Д.Н. Ушакова. – М.: Вече, Мир книги, 2001.
33. СЛТ – Жеребило, Т.В. Словарь лингвистических терминов / Т.В. Жеребило. –Изд. 4-е, испр. и доп. – Назрань : Пилигрим, 2005. – 376 с.
34. СРА – Елистратов, В.С. Словарь русского аргю (материалы 1980-1990-х гг.) [Текст] : ок. 9000 слов, 3000 идиомат. выражений / В.С. Елистратов ; МГУ им. М.В.Ломоносова. – М. : Рус.словари, 2000. – 693 с.
35. СРОТ – Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. – М.: Наука, 1978. – 201 с.
36. ССКЯ – 现代汉语词典. – 北京: 商务印书馆, 2005. – 1958 页. Словарь современного китайского языка. – Пекин: Бизнес издательство, 2005. – 1958 с.
37. ССЛТ – Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – Изд. 2-е. — М.: Просвещение, 1976. – 624 с.
38. ССРФ – Яранцев, Р.И. Словарь-справочник по русской фразеологии: ок. 800 фразеологизмов / Р. И. Яранцев. – Москва: Русский язык, 1981. – 304 с.
39. СЭТ – Словарь этнографических терминов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.biometrica.tomsk.ru/ftp/dict/gumilev/index3.htm#К>
40. ТПС – Нелюбин, Л.Л. Толковый переводоведческий словарь / Л.Л. Нелюбин. – 3-е изд., перераб. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 320 с.
41. ТРС – Ганиев, Ф.А. Татарско-русский словарь / И.А. Абдуллин, Ф.А. Ганиев, М.Г. Мухамадиев и др. – Казань: Татарское книжное издательство, 1988. – 431 с.
42. ТСРЯ-Д – Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. В. Дмитриева. — М. : Астрель; АСТ, 2003. — 1582 с.
43. ТСРЯ-ПС – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. – Москва: Издательский центр «Азбуковник», 2008. – 1175 с.

44. ТСУЖ – Толковый словарь уголовных жаргонов / Коллектив авторов под общ. ред. Ю. П. Дубягина и А. Г. Бронникова. – М.: «Интер-ОМНИС», «РОМОС», 1991. – 210 с.
45. ТТЭС – Эхмәтъянов, Р. Г. Татар теленең этимологик сүзлеге / Р. Г. Эхмәтъянов. – Ике томда. – II том (М—Я). — Казан: Мәгариф — Вакыт. – 2015. — 567 с.
46. ФСРЛЯ – Фёдоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка: Ок. 13 000 фразеологических единиц. – 3-е изд., испр. – М.: Астрель; АСТ, 2008. – 878 с.
47. ФСРЯ – Молотков, А.И. Фразеологический словарь русского языка / Сост.: Л. А. Войнова [и др.]; Под ред. А. И. Молоткова. – 6-е изд., испр. и доп. – М. : Астрель : АСТ, 2001. – 510 с.
48. ЭКС – 汉典. 中文字词典. 成语词典. Китайский словарь. Словарь китайских иероглифов. Словарь идиом [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.zdic.net/>
49. ЭСКВ – Серов, В. В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / В. В. Серов. — М.: «Локид-Пресс», 2003. – 880 с.
50. ЭСРЯ – Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т.: Пер. с нем. = Russisches etymologisches Wörterbuch / Перевод и дополнения О. Н. Трубачёва. — 4-е изд., стереотип. — М.: Астрель — АСТ, 2004.
51. ЯБЭС – Ярцева, В. Н. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

52. Абашева М., Абашев В. Книга как симптом. Как сделан роман Гузели Яхиной // «Новый мир». – 2016. – № 5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2016_5/Content/Publication6_6342/Default.aspx – Дата доступа: 14.11.2021.

53. Агошкова, Т. В. Лингвокультурная лакуна в современном художественном дискурсе / Т.В. Агошкова // Сборник статей по итогам IV-й международной конференции «Язык и действительность. Научные чтения на кафедре романских языков им. В.Г. Гака». Том 3. – М.: Издательство «Спутник +», 2019. – С. 18-24
54. Айсин, Р. Какой образ Зулейхи подсовывает нам Яхина? [Электронный ресурс] / Р. Айсин // Поистине. – 2019. – Режим доступа: <https://www.poistine.org/istoriya-odnogo-predatelstva/> – Дата доступа: 08.09.2021.
55. Акай, О. М. Феномен грамматической лакунарности / О.М. Акай // Балтийский гуманитарный журнал. – 2019. – Т.8. – №4. – С. 203-206.
56. Акашева, Т. В. Проблемы перевода безэквивалентной лексики на немецкий язык (на примере повести Б. Акунина "пиковый валет") / Т.В. Акашева, Е. А. Морозов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота. – 2014.– № 4. – С. 13-16.
57. Алефиренко, Н. Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка. Учебное пособие / Алефиренко Н. Ф. – М.: ФЛИНТА, 2016. – 288 с.
58. Андреева, Я. Е. Лингвистическая репрезентация категории повседневности в романе Г. Ш. Яхиной «Зулейха открывает глаза» и в его переводе на китайский язык / Я. Е. Андреева // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. – 2021. – Том 7. – № 2 (26). – С. 75-93.
59. Андреева, Я. Е. Межъязыковые трансформации при переводе с русского языка на китайский романа Г. Ш. Яхиной «Зулейха открывает глаза» / Я. Е. Андреева, Н. В. Лабунец // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. – 2020. – Том 6. – № 4 (24). – С. 6-23.
60. Андреева, Я. Е., Лабунец, Н. В. Гендерный русско-китайский фразеологический портрет / Н. В. Лабунец, Я. Е. Андреева // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. – 2018. – Том 4. – № 3. – С. 103-118.
61. Андреева, Я.Е. Преодоление лингвокультурных барьеров в сфере гендерной фразеологии: переводческий эксперимент в китайской аудитории / Я.Е. Андреева

- // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. – 2019. – № 1. – С. 198-208.
62. Андреева, Я.Е. Элиминирование этнографических лакун при переводе романа Г. Ш. Яхиной «Зулейха открывает глаза» на китайский язык / Я.Е. Андреева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – Том 14. – № 12. – С. 3981-3985.
63. Апресян, Ю. Д. Избранные труды. Том II. Интегральное описание языка и системная лексикография / Апресян Ю.Д. — Москва : Языки русской культуры, 1995. — 767 с.
64. Арзямова, О. В. Этнокультуремы в концептосфере писателя-билингва (на материале романа Гузели Яхиной «Зулейха открывает глаза») / О. В. Арзямова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2016. – №1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnokulturemy-v-kontseptosfere-pisatelya-bilingva-na-materiale-romana-guzel-yahinoy-zuleyha-otkryvaet-glaza> – Дата доступа: 17.11.2021.
65. Арнольд, И. В. Стилистика. Современный английский язык : учебник для вузов. – М. : Флинта, 2016. – 770 с.
66. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – 911 с.
67. Афанасьев, А. Н. Славянская мифология / А. Н. Афанасьев. – Москва: Эксмо; Санкт-Петербург: Мидгард, 2008. – 1520 с.
68. Бархударов, Л. С. Языки перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. – М.: «Междунар. отношения», 1975. – 240 с.
69. Басинский, П. Невероятное. Очевидное [Электронный ресурс] / П. Басинский // Российская газета. – Федеральный выпуск № 110(6681). – 25.05.2015. – Режим доступа: <https://rg.ru/2015/05/25/basinsky.html>. – Дата доступа: 03.09.2021.
70. Белозерова, Н. Н., Лабунец, Н. В. Эколингвистика: в поисках методов исследования. – Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2012. – 256 с.
71. Бердяев Н. Русская идея. – СПб.: Азбука-классика, 2008. – 467 с.

72. Березович, Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Мифопоэтический образ пространства. — Изд. 2-е, испр. и доп. — Москва : КомКнига, 2010. — 240 с.
73. Болотнова, Н. С., Бабенко, И. И. Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль: Монография. — Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2001. — 331 с.
74. Борев, Ю. Б. Эстетика: Учебник / Ю.Б. Борев. — М.: Высш. шк., 2002. — 511 с.
75. Борисова, В. В. Роман Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза»: конфликт рецепций в контексте региональной, русской и мировой литературы (к проблеме национально-культурной идентичности) / В.В. Борисова. — Текст : непосредственный // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. — 2017. — Т.10. — № 5. — С. 654-660.
76. Быкова, Г. В. Лакуны русского языка : словарь / Г. В. Быкова, В. Л. Фраер ; [под науч. ред. И. А. Стернина] ; М-во образования и науки РФ, Федер. агентство по образованию, Благовещ. гос. пед. ун-т. — Благовещенск : ПКИ «Зея», 2009. — 269 с.
77. Быкова, Г. В. Межкультурная коммуникация: Россия – Китай (словарь лакун) / Г. В. Быкова, Н. Л. Глазачева, Лу Чуньюэ; под науч. ред. И. А. Стернина. — Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2011. — 208 с.
78. Быкова, Г.В. Лакунарность как категория лексической системологии / Г.В. Быкова. — Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2003. — 303 с.
79. Валеева, Н.Г. Теория перевода: культурно-когнитивный и коммуникативно-функциональный аспекты : монография / Н. Г. Валеева. — 3-е изд., испр. и доп. — Москва : РУДН, 2018. — 244 с.
80. Ван Мэняо. Направление китайского перевода с точки зрения развития китайской теории перевода / Мэняо Ван // Вестник Московского университета. Серия 22 Теория перевода. — 2012. — №1. — С. 16-23.

81. Ван Мэняо. Современная наука о переводе в Китае: история становления и тенденции развития: диссертация ... кандидата филологических наук / Ван Мэняо. – Москва, 2014. – 158 с.
82. Ван Чаньцзюань, Дубкова, О.В. Интеркультурная трансляция устойчивых выражений (на материале русского и китайского языков) [Электронный ресурс] / Чаньцзюань Ван, О.В. Дубкова // Интерэкспо Гео-Сибирь. – 2014. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/interkulturnaya-translyatsiya-ustoychivyh-vyrazheniy-na-materiale-russkogo-i-kitayskogo-yazykov> – Дата доступа: 18.12.2021.
83. Васильева, Н. Победительница «Большой книги» Гузель Яхина: «Я бы хотела, чтобы меня называли казанской писательницей» [Электронный ресурс] / Н. Васильева // Вечерняя Казань. – 23.12.2015. – Режим доступа: <https://www.evening-kazan.ru/articles/pobeditelnica-bolshoy-knigi-guzel-yahina-ya-by-hotela-chtoby-menya-nazyvali-kazanskoj-pisatelnicey.html> – Дата доступа: 07.08.2021.
84. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного [Текст] / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Русский язык, 1990. – 246 с.
85. Верещагин, Е.М., Костомаров, В.Г. Язык и культура. – М.: Индрик, 2005. – 1038 с.
86. Виноградов, В.С. Введение в переводоведение: общие и лексические вопросы / В.С. Виноградов. – М.: ИОСО РАО, 2001. – 223 с.
87. Виноградов, В.С. Перевод: Общие и лексические вопросы / В.С. Виноградов. – М.: КДУ, 2004. – 240 с.
88. Владова, И.М. Перевод как межкультурная коммуникация [Текст] / И. М. Владова // Русский язык за рубежом. – 2011. – № 4. – С. 27-32.
89. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – М.: Высшая школа, 1980. – 416 с.
90. Волков, К. В., Гурулева Т. Л. Лингвокультурологический аспект китайско-русского перевода / К.В. Волков, Т.Л. Гурулиева // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2019. – № 5 (92). – С. 56–66.

91. Волкова, Т. А. Модели и стратегии перевода в российском и китайском переводоведении: опыт сопоставительного анализа / Т. А. Волкова // Политическая лингвистика. – 2017. – 6(6). – С.158-165.
92. Воробьев, В. В. Лингвокультурология / В.В. Воробьев. – М. : Изд-во РУДН, 2008. – 340 с.
93. Воронкова, И. С. Комментарий как средство компенсации информационной недостаточности / И.С. Воронкова // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2006. – № 1. С. 39-41.
94. Габдреева, Н. В. Субституция как критерий освоенности заимствований в переводах XVIII-XIX вв. / Н.В. Габдреева // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. – 2013. – С. 244-257.
95. Гак В. Г. Сопоставительные исследования и переводческий анализ / В. Г. Гак // Тетради переводчика. – 1979. – Вып. 16. – С. 11-21.
96. Гак, В. Г. Сопоставительная лексикология. На материале французского и русского языков / В.Г. Гак. – М.: URSS. Серия: Из лингвистического наследия В.Г. Гака, 2018. – 264 с.
97. Гачев, Г. Национальные образы мира / Г. Гачев // Вопросы литературы. – 1987. – №10. – С. 156-191.
98. Глазачева, Н. Л. Еще раз о типологии межъязыковых лакун (на материале китайского и русского языков) / Н.Л. Глазачева // Лакуны в языке и речи: сбор. науч. тр. – Благовещенск, 2003. – С. 28-32.
99. Глазачева, Н. Л. Лакуны и теория межкультурной коммуникации / Н.Л. Глазачева // Лакуны в языке и речи: Сб. науч. тр. – Благовещенск: Изд-во БГПУ. – 2005. – Вып. 2. – С. 31–34.
100. Глазачева, Н. Л. Модель лакунизации в современном переводоведении / Н. Л. Глазачева // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. – 2006. – Вып. 2 (42). – С. 244–246. – ISSN: 1810–020.
101. Глазачева, Н. Л. Модель лакунизации как составляющая теории перевода: на примере русского и китайского языков: дис. ... канд. филол. наук: специальность 10.02.19. – Благовещенск, 2006. – 208 с.

102. Грачев, М. А. Интервенция криминального языка / М.А. Грачев // Наука и жизнь. – М., 2009. – № 4. – С. 128-132.
103. Гудков, Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д.Б. Гудков. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 288 с.
104. Данильченко, Т. Ю. Понятие и сущность лакун / Т. Ю. Данильченко // Наука. Искусство. Культура. – 2014. – № 3. – С. 51 – 57.
105. Добровольский Д. О. Фразеобразовательное моделирование в свете теории языковых универсалий (на материале немецкого, нидерландского и английского языков) // Современная фразеология: тенденции и инновации: Монография / Н.Ф. Алефиренко, В.И. Зимин, А.П. Василенко, Т.Н. Федуленкова, Д.О. Добровольский, А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко; отв. ред. А.П. Василенко. – Москва, Санкт-Петербург, Брянск: «Новый проект», 2016. – С. 106-123.
106. Долинина, И. В. Художественный текст как объект лингвокультурологического анализа / И.В. Долинина // Научный вестник Воронежского ГАСУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – Воронеж. – 2015. – № 5(19). – С. 83-92.
107. Ду Синь, Чулкина, Н. Л. Научное содержание термина «лакуна» в российской и китайской теории перевода в сопоставительном аспекте / Ду Синь, Н. Л. Чулкина // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. – Сер. Серия: Гуманитарные науки. № 8 август 2021 г. – С. 147-149.
108. Евтеев, С.В. Лингвокультурологическая модель перевода / С.В. Евтеев // Вестник Брянского государственного университета: История. Право. Литературоведение. Языкознание. – Брянск: РИО БГУ. – 2014. – № 2. – С. 330-332.
109. Ерасов, Б.С. Культура в странах Азии и Африки: Вопросы теории и практики / Б.С. Ерасов. – Москва: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1989. – 229 с.
110. Ермолович, Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур / Д.И. Ермолович. – М.: Р. Валент, 2001. – 200 с.
111. Жельвис, В. И. К вопросу о характере русских и английских лакун / В.И. Жельвис // Национальнокультурная специфика речевого поведения. – М. : Наука, 1977. – С. 136-146.

112. Зиновьева, Е. И. Лингвокультурология: от теории к практике. Учебник. — СПб. : СПбГУ; Нестор-История, 2016. — 182 с.
113. Ибрагимова, К. Г. Межъязыковые лакуны в юридическом дискурсе и лингвокультурные аспекты их элиминирования (на материале англо-русского перевода): дис. ... канд. филол. наук: специальность 10.02.20. — М., 2017. — 194 с.
114. Иванова, А. Я. Специфика концепта "семья" в русской и китайской лингвокультурах (на примере пословиц о семье) [Электронный ресурс] / А.Я. Иванова // Общество: социология, психология, педагогика. — 2019. — № 7 (63). — С. 33-38. — Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=39162981>. — Дата доступа: 10.10.2021.
115. Иванова, Е. Р. Лексико-семантическое поле «немецкий» в романе Г. Яхиной «Дети мои» / Е.Р. Иванова // Балтийский гуманитарный журнал. — 2019. —Т.8. — №1(26). — С. 64-66
116. Иванова, С. В. Лингвокультурологический аспект исследования языковых единиц: дис. ... д-ра филол. наук: специальность 10.02.19. — Уфа, 2003. — 367 с.
117. Инь Гомин. Литературоведение инновации и развитие литературы / Гомин Инь. — Шанхай, КНР: Шанхайское народное издательство, 2005. — 193 с.
118. Карасик, В. И. Языковое проявление личности / В.И. Карасик. — Москва : Гнозис, 2015. — 383 с.
119. Клычникова, З. И. Психологические особенности обучения чтению на иностранном языке. Пособие для учителя / З.И. Клычникова. — М.: «Просвещение», 1983. — 206 с.
120. Конопелько, И. П. Сопоставительный анализ в исследовании и преподавании языка / И.П. Конопелько. — Воронеж: Изд-во ООО «РИТМ», 2019. — 226 с.
121. Концевич, Л. Р. Китайские имена собственные и термины в русском тексте / Л.Р. Концевич. — М.: Муравей, 2002. — 263 с.
122. Корнилов, О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О.А. Корнилов. — М., 2003. —287 с.
123. Костина, Н. И. Лакунарность как лингводидактическая проблема / Н.И. Костина // Науково-теоретичний часопис з мовознавства. Присвячено 200-річчю

від дня народження Миколи Васильовича Гоголя; М-во освіти і науки України, Одеський нац. ун-т ім. І.І. Мечникова. – Одеса: Астропринт. – 2009. – № 14. – С. 219-222.

124. Красных, В. В. Грамматика лингвокультуры: система координат (постановка проблемы) // Язык – культура – человек: Сборник научных статей к юбилею заслуженного профессора МГУ имени М.В. Ломоносова М.В. Всеволодовой / Ред.кол.: Ремнева М.Л. и др. – М.: МАКС Пресс, 2008. С. 204-214.

125. Красных, В. В. Грамматика лингвокультуры: система координат, система таксонов, система ментефактов // Русский язык и культура в формировании единого социокультурного пространства России. Материалы I Конгресса Российского общества преподавателей русского языка и литературы. Санкт-Петербург, 14-18 октября 2008 г. / Под ред. Т.И. Поповой и Е.Е. Юркова. – В двух частях. – Т. II. – СПб.: Издательский дом «МИРС», 2008. С. 333-344

126. Красных, В. В. Культура, культурная память и лингвокультура: их основные функции и роль в культурной идентификации / В.В. Красных // Вестник Центра международного образования Московского гос. ун-та. Серия «Филология. Культурология. Педагогика. Методика». – 2012. – №3. – С. 67–74.

127. Красных, В. В. Культурное пространство: система координат (к вопросу о когнитивной науке) / В.В. Красных // Respectus philologicus. – 2005. – № 7 (12). – С. 10-24.

128. Красных, В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Курс лекций / В.В. Красных. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.

129. Кузнецов, В. Г. Лексические лакуны и границы переводимости / В.Г. Кузнецов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2017. – Вып. 9. – С. 50–59.

130. Кулёмина, Д. М. Специфика межкультурной коммуникации сквозь призму перевода художественного текста (на примере китайского и телеутского языков) / Д. М. Кулёмина, М. Н. Образцова // Экология языка и коммуникативная практика. – 2017. – № 3. – С. 152-163.

131. Кумышева, Л. Ч., Кучукова, З. А. Этногендерный аспект романа Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза» / Л.Ч. Кумышева, З.А. Кучукова // Литературное обозрение: история и современность. – Махачкала: Дагестанский государственный педагогический университет. – 2016. – № 6. – С. 19-21.
132. Курдюмов, В. А. Курс китайского языка. Теоретическая грамматика / В.А. Курдюмов. – М.: ЦИТАДЕЛЬ-ТРЕЙД; ЛАДА, 2005. – 576 с.
133. Кухтенкова, Е. «Дети мои» по-китайски: в Пекине назвали лучших переводчиков с русского языка [Электронный ресурс] / Е. Кухтенкова // Российская газета. – Федеральный выпуск №289(8343). – 22.12.2020. – Режим доступа: <https://rg.ru/2020/12/22/v-kitae-nazvali-luchshih-perevodchikov-s-russkogo-iazyka.html> – Дата доступа: 09.09.2021.
134. Кушнина, Л. В. Перевод как синергетическая система / Л. В. Кушнина // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2011. – Вып. 3 (15). – С. 81-86.
135. Латышев, Л. К., Тимко, Н. В. Отражение ценностей американской лингвокультуры в художественном тексте при переводе на русский язык / Л.К. Латышев, Н.В. Тимко // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». – 2013. – №2. – С. 44–49.
136. Леонович, Е. О. Лингвокультурологический аспект перевода [Текст] : практикум / Е. О. Леонович, О. А. Леонович. – Москва : ФЛИНТА : Наука, 2017. – 204 с.
137. Леонтьева, Т. В. Обычай в русском языке: слово и понятие: монография / Т. В. Леонтьева / науч. ред. Е. Л. Березович. – Москва : Флинта: Наука, 2014. – 211 с.
138. Ли Ифан, Прощенкова, Н. В. Лакуны и безэквивалентные единицы в лексической системе русского и китайского языков / Ли Ифан, Н.В. Прощенкова // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: Мат. VII Междунар. науч.-практич. конф. – Благовещенск, 2017. – С. 585-589.
139. Ломыкина, Н. Спорная книга: Гузель Яхина, «Дети мои» [Электронный ресурс] / Н. Ломыкина // Питерbook. – 08.05.2018. – Режим доступа:

<https://krupaspb.ru/zhurnal-piterbook/intervyu/spornaya-kniga-guzel-yahina-deti-moi.html> – Дата доступа: 09.08.2021.

140. Лосев, А. Ф. Философия имени / А. Ф. Лосев // Самое само: Сочинения / А. Ф. Лосев. – М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. – 1024 с.

141. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история / Ю. М. Лотман. – М.: Языки славянской культуры, 1999. – 465 с. (Язык. Семиотика. Культура).

142. Лотман, Ю. М. Семантика культуры и понятие текста // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / под ред. В.П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 202-212.

143. Лурье, С. В. Историческая этнология / С.В. Лурье. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 448 с.

144. Луценко, О. Д. Особенности перевода этнографических лакун с русского на английский (на материале произведения Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза») / О.Д. Луценко // Новые направления научной мысли : Материалы Международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 11 декабря 2020 года. – Ростов-на-Дону: Ростовский государственный экономический университет «РИНХ», 2020. – С.331-333.

145. Лю Вэньфэй. Перевод и изучение русской литературы в Китае [Электронный ресурс] / Лю Вэньфэй // НЛО. – 2004. – № 5. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/69/lu34.html>. – Дата доступа: 17.09.2021.

146. Лю Хун, Лю Темэй. Выявление лакун при изучении русского языка в китайской аудитории // Лакуны в языке и речи. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2003. – С.109-112.

147. Лю Чаоцзе. Исследование лингвокультурологии в современном Китае / Лю Чаоцзе // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2018. – № 1 (82). – С. 65–70.

148. Ма Хуньюй. Этнографические лакуны как сигналы национальной специфики культуры народа // Лакуны в языке и речи: Сб. научных трудов / Под

ред. Ю.А. Сорокина, Г.В. Быковой. – Благовещенск, 2003. – Вып. 1. – С. 113-115.

149. Мажаев, А. История песни: «На Дерибасовской открылася пивная» [Электронный ресурс] / А. Мажаев // Радио «Шансон». – Режим доступа: https://radioshanson.ru/news/istoriya_pesni__na_deribasovskoy_otkrylasya_pivnaya – Дата доступа: 17.09.2021.

150. Марковина, И. Ю. Элиминирование лакун как действие социально-психологических механизмов «притяжения» и «отталкивания» / И.Ю. Марковина // Вопросы психолингвистики. – М.: ИЯ РАН. – 2006. – № 3. – С. 12-33.

151. Марковина, И. Ю., Сорокин, Ю. А. Культура и текст. Введение в лакунологию: учеб. пособие / И.Ю. Марковина, Ю.А. Сорокин. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010. – 144 с.

152. Маслова, В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. — М.: Издательский центр «Академия», 2001. — 208 с.

153. Метликина, Л. С. Окказиональное словотворчество в прозе Б. Пильняка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: специальность 10.02.01. – М., 2010. – 24 с.

154. Мо Янь. Большая грудь, широкий зад [Текст] : [роман] / Мо Янь ; [пер. с кит. И. А. Егорова]. – Санкт-Петербург : Амфора, 2013. – 830 с.

155. Мо Янь. Страна вина / Мо Янь. – Спб.: Амфора, 2012. – 446 с.

156. Моргун, В. Г. «Национальное» и «универсальное» в теории перевода Китая / В. Г. Моргун // Казанская наука. Филологические науки. – 2020. – № 4. – С. 90-97

157. Муравьев, В. Л. Лексические лакуны на материале лексики французского и русского языков / В.Л. Муравьев. – Владимир : Владимир. пед. ин-т, 1975. – 97 с.

158. Мурзин, Л. Н. Язык, текст, культура // Человек – текст – культура / под ред. Н. А. Куриной, Т. В. Матвеевой. – Екатеринбург: ИРРО, 1994. – С. 160-169.

159. Мухаметрахимов, А. «Зулейха открывает глаза» по-татарски: «Это не презентация перевода, а вечер зависти» [Электронный ресурс] / А. Мухаметрахимов. – Режим доступа: <https://www.businessgazeta.ru/article/312468>. Дата доступа: 15.12.2021.

160. Нейсбит, Р. География мысли / Ричард Нейсбит; пер.с англ. Н. Парфеновой. – М: Астрель, 2012. – 285 с.
161. Нестерова, О. А., Соколова, Е. Н. Лингвокультурема как маркер идентичности (на примере перевода на английский язык романа Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза») / О.А. Нестерова, Е.Н. Соколова // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2021. – Т. 19. – № 1. – С. 127–141.
162. Николаева, Э. А. Лакунарность языка как переводческая проблема (опыт классификации лакун) / Э.А. Николаева // Современные проблемы перевода. Доклады международной конференции, Академия ФСБ РФ, 17.05.2004. – М., 2005. – С. 1-6.
163. Нойберт, А. Прагматические аспекты перевода. Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике / под ред. В.Н. Комиссарова. – М.: Межд. отношения, 1978. – 232 с.
164. Оболенская, Ю. Л. Художественный перевод и межкультурная коммуникация / Ю.Л. Оболенская. – М.: Книжн. дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 264 с.
165. Опарина, Е. О. Лингвокультурология: методологические основания и базовые понятия / Е.О. Опарина // Язык, культура, этнос: Сб. обзоров. – М.: ИНИОН РАН, 1999. – С. 183-187.
166. Павлова, Анна В. Лингвокультурология в России: «за» и «против» / Анна В. Павлова // *Przegląd Wschodnioeuropejski*. – 2015. – No VI/2. – Pp. 201–221.
167. Папикян, А. В. Социокультурные лакуны: типология, причины появления и способы заполнения при изучении иностранных языков / А.В. Папикян // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. Аспирантские тетради. – СПб. – 2008. – Вып. 37 (80). – С. 477–483.
168. Пищальникова, В. А. Картина мира китайцев: теория и практика научного исследования / Под ред. В.А. Пищальниковой / В.А. Пищальникова, О.В. Дубкова, Цун Фэнлин, Яо Чжипэн. – М.: Р.Валент, 2020. – 240 с.
169. Платонов, О. Гузель Яхина: «Я очень люблю, когда меня называют не татарской писательницей, а казанской» [Электронный ресурс] / О. Платонов //

- Бизнес-online. – 20.05.2018. – Режим доступа: <https://www.business-gazeta.ru/article/382800> – Дата доступа: 02.09.2021.
170. Погорелая, Е. А. Человеческое, слишком человеческое? / Е.А. Погорелая // Вопросы литературы. – 2016 – №3. – С. 139-150.
171. Пожидаева, Е. В. Пути формирования и развития национальной лингвокультуры питания (на примере английского языка) / Е.В. Пожидаева // Вестник Костромского гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. – 2012. – Т.18. – №5. – С. 84–87.
172. Попова, З. Д., Стернин, И. А. Очерки по когнитивной лингвистике / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2001. – 191 с.
173. Попова, З. Д., Стернин, И. А. Язык и национальная картина мира / З.Д. Попова, И.А. Стернин. Изд. 3., перераб. и доп. – Воронеж: «Истоки», 2007. – 61 с.
174. Прилепин, З. Роман «Зулейха открывает глаза» рекомендую всем! [Электронный ресурс] / З. Прилепин // Национальная служба новостей. – 11.12.2015. – Режим доступа: <https://nsn.fm/culture/culture-prilepin-roman-zuleykha-otkryvaet-glaza-rekomenduuy-vsem> – Дата доступа: 02.09.2021.
175. Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений. Том шестой: Евгений Онегин / А.С. Пушкин. – М.: Воскресенье, 1999. – 389 с.
176. Пшибиева, М. А. Прагматико-дискурсивные аспекты нумерологических фразеологических единиц (на материале русского, кабардиночеркесского, английского и французского языков): автореферат дис. ... канд. филол.наук: специальность 10.02.20. – Махачкала, 2017. – 27 с.
177. Пэн Вэнчжао, Лю Линг. Лингвокультурология как лингвокультурологическая герменевтика / Вэнчжао Пэн, Линг Лю // Вестник Института иностранных языков НОАК. – 2006. – № 6(29). – С. 23–27.
178. Пэн Вэнчжао. Лингвокультурология: происхождение и развитие / Вэнчжао Пэн // Вестник Гуандунского университета иностранных языков и внешней торговли. – 2008. – № 4(19). – С. 15–20.
179. Радбиль, Т. Б. Национальная специфика грамматики русского языка: когнитивный и лингвокультурологический аспекты // Международный научный

- симпозиум «Русская грамматика» Сборник тезисов Международного научного симпозиума (Москва, 13–15 апреля 2016 г.) – М., 2016. – С. 96–99.
180. Ревзин, И. И., Розенцвейг, В. Ю. Основы общего и машинного перевода: учеб. пособие для институтов и факультетов иностр. языков / И.И. Ревзин, В.Ю. Розенцвейг. – М.: Высш. школа, 1964. – 243 с.
181. Рецкер, И. Я. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода / Дополнения и комментарии Д.И. Ермоловича. – 3-е изд., стереотип. – М.: Р.Валент, 2007. – 244 с.
182. Рут, М. Э. Ономаσιологический портрет реалии как жанр лингвокультурологического описания / Е. Л. Березович, М. Э. Рут // Известия Уральского государственного университета. — 2000. — № 17. — С. 33–38.
183. Савкина, И. Розенхольм А. «Секрет её успеха»: размышления о романе Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза» / И. Савкина, А. Розенхольм // Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2016. – № 3,4. – С. 22-25.
184. Сайтбатталов, И. Р., Фаткулина, Ф. Г., Сайтбатталова, Ю. А. Перевод в контексте межкультурного диалога // Вестник Башкирского университета. –2017. – Том 22. – № 3. – С. 778-782.
185. Серебряков, Е. А. Гоголь в Китае // Гоголь и мировая литература: сб. статей / Отв. ред. Ю.В. Манн. – М.: Наука, 1988. – С. 225–226.
186. Сидорова, О. Г. Лингвокультурологический подход при переводе / О. Г. Сидорова // Дни науки УрГИ. Гуманитарное знание и образование в контексте модернизации России: материалы научной конференции. — Екатеринбург: Уральский гуманитарный институт, 2001. — С. 377-380.
187. Симакова, Л. Зулейхе лучше не открывать глаза [Электронный ресурс] / Л. Симакова // Сайт телекомпании ТВ-2. – Режим доступа: <https://tv2.today/Istorii/Zuleyhe-luchshe-ne-otkryvatglaza#ixzz6f15Yl5Du>. – Дата доступа: 19.12.2021.
188. Сорокин, Ю. А. Лакуны: еще один ракурс рассмотрения // Лакуны в языке и речи: Сб. научн. тр. / Под ред. проф. Ю. А. Сорокина, проф. Г. В. Быковой. – Благовещенск, 2003. – С. 3-8.

189. Сорокин, Ю. А. Этническая конфликтология / Ю.А. Сорокин. – Самара: Русский лицей, 1994. — 94 с.
190. Сорокин, Ю. А. Этнопсихоллингвистика / Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю., Крюков А.Н. и др. Отв. ред. и авт. предисл. Ю. А. Сорокин. — М.: Наука, 1988. — 192 с.
191. Сорокин, Ю. А., Марковина, И. Ю. Культура и ее этнопсихоллингвистическая ценность // Этнопсихоллингвистика / Отв. ред. Сорокин Ю.А. – М.: Наука, 1988. – С. 5–18.
192. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М.: Академический проект, 2001. – 990 с.
193. Степанов, Ю. С. Французская стилистика / Ю.С. Степанов. – М.: Высш. шк., 1965. – 356 с.
194. Стернин, И. А., Быкова, Г. В. Концепты и лакуны // Языковое сознание: формирование и функционирование: сб. статей / под ред. Н.В. Уфимцевой. – М.: Наука, 1998. – С. 55-67.
195. Сунь Цуйин. Женские коммуникативные практики и традиционный уклад жизни в произведениях Г. Яхиной "Зулейха открывает глаза" и Лу Синя "Моление о счастье" [Текст] / Сунь Цуйин, О. А. Нестерова // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. – 2019. – Т. 21. – № 1 (184). – С. 181-195.
196. Сунь Юйхуа. Русская лингвокультурология: ретроспектива и перспектива / Юйхуа Сунь // Иностраный язык и его изучение. – 2008. – № 12(237). – С. 15–20.
197. Супрун, В. И., Кудряшова, Р. И., Брысина, Е. В. Донская казачья лингвокультура в произведении Б.П. Екимова // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. – 2013. – №6 (81). – С.79–85.
198. Тань Аошуан. Проблемы скрытой грамматики: Синтаксис, семантика и прагматика языка изолирующего строя (на примере китайского языка) [Текст] / Аошуан Тань. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 896 с.

199. Телия, В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
200. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово/Slovo, 2000. – 624 с.
201. Тимко, Н. В. Фактор «культура» в переводе / Н. В. Тимко. – 2-е изд., дополн. – Курск: Курский государственный университет, 2007. – 154 с.
202. Томашева, И. В. Понятие «лакуна» в современной лингвистике. Эмотивные лакуны // Язык и эмоции: Сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 1995. – С. 50 – 60.
203. Трофимова, О. В., Полухина, Я. П., Тун Цзин. Нарисательная лексика как объект перевода и комментария в китайских изданиях «Капитанская дочка» А.С. Пушкина / О.В. Трофимова, Я.П. Полухина, Цзин Тун // Вестник Томского государственного университета. – Томск: Томский государственный университет. – 2018. – № 433. – С. 47-58.
204. Тун Цзин. Лингвокультурный потенциал комментариев в переводном художественном тексте и его реализация в китайских переводах повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка»: диссертация ... кандидата филологических наук / Цзин Тун. – Тюмень, 2020. – 404 с.
205. Тынянов, Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино / Отв. ред. В. А. Каверин, А. С. Мясников. – М., 1977. – 573 с.
206. У Гохуа. Контрастивный анализ национально-культурной семантики русских и китайских номинативных единиц / У Гохуа. – Пекин: Изд-во Обучение и исследование иностранных языков, 2003. – 323с.
207. Федоров, А. В. Основы общей теории перевода : (лингвистические проблемы) : для ин-тов и фак. иностр. яз. : учеб. пособие / А. В. Федоров.– М. : ФИЛОЛОГИЯ ТРИ, 2002. – 416 с.
208. Федоров, М. А. Термин «лингвокультура» в аспекте теории культуры / М.А. Федоров // Вестник Бурятского государственного университета. – 2014. – № 6–2. – С. 83–86.

209. Фененко, Н. А. Язык реалий и реалии языка / Под ред. профессора А. А. Кретьова. – Воронеж: Вор. госуд. университет, 2001. – 140 с.
210. Фролова, М. Г., Барабошкин, К. Е. Китайский язык. Большой справочник по грамматике / М.Г. Фролова, К.Е. Барабошкин. – М.: Живой язык, 2014. – 512 с.
211. Хабутдинова, М. Если заглянуть в глаза Зулейхе [Электронный ресурс] / М. Хабутдинова. – Режим доступа: <https://www.kalebtatar.ru>. – Дата доступа: 15.09.2021.
212. Цао Чжундэ. Строители литературного моста — о популяризации русской и советской литературы в Китае / Цао Чжундэ, Ду Минцзин // Проблемы Дальнего Востока. – 2014. – № 3. – С. 153-160.
213. Цуйин С. Коммуникативно-социальный опыт женщины в пространстве традиционной культуры / С. Цуйин, О. А. Нестерова // Человек. – 2019. – Том 30. – № 4. – С. 156-175.
214. Чан Сянюй. О культурных лакунах в международной коммуникации (на материалах русского и китайского языков) / Сянюй Чан // Наука, образование и культура. – 2017. – № 9 (24). – С. 39-43.
215. Чжан Бин. О состоянии перевода и книгоиздания российской литературы в Китае: от перевода и издания отдельных произведений до всестороннего сотрудничества в переводческом и книгоиздательском деле / Чжан Бин // Материалы тематических семинаров IV Международного конгресса переводчиков художественной литературы (Москва, 8-11 сентября 2016 г.) / науч. ред. А. Я. Ливергант; ред. Д. Д. Кузина; сост. И. О. Сид. – М., 2018. – 416 с.
216. Чжан Шилу. Труды Лингвистики Чжан Шилу / Шилу Чжан. – Шанхай, 1984. – 281 с.
217. Чжань Дэхуа. Лексическая безэквивалентность русского языка по отношению к китайскому языку (на материале переводов в русско-китайском словаре): автореф. дис. ... канд. филол. наук: специальность 10.02.19. – М, 1994. – 29 с.
218. Чжао Айго. Несколько философские размышления об основах теоретической лингвокультурологии / Айго Чжан // Вестник Института иностранных языков НОАК. – 2011. – № 1(34). – С. 31–35.

219. Чжао Миншань. Область исследований лингвокультурологии / Миншань Чжао // Вестник Института иностранных языков НОАК. – 1998. – № 3(57). – С. 44–57.
220. Чжипин Хань. Ассоциативные реакции русских и китайцев в аспекте лакунарности / Хань Чжипин // Вестник Пермского университета. – 2015. – № 1 (29). – С. 75-81.
221. Чулкина, Н. Л. Мир повседневности в языковом сознании русских: лингвокультурологическое описание / Н. Л. Чулкина. Изд. стереотип. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2016. – 256 с.
222. Шаклеин, В. М. Лингвокультурология: традиции и инновации : монография / В. М. Шаклеин. – М. : ФЛИНТА, 2012. – 301 с.
223. Шейман, Л. А., Варич, Н. М. О «национальных картинах мира» и об их значении для курса русской литературы в нерусских школах / Л.А. Шейман, Н.М. Варич // Вопросы преподавания русского языка и литературы в киргизской школе. – 1976. – Вып. 6. – С. 64–114.
224. Щичко, В. Ф. Китайский язык. Полный курс перевода : учебник [Текст] / В. Ф. Щичко. – М. : Восточная книга, 2009. – 260 с.
225. Эко, У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе [Электронный ресурс] / У. Эко. – Режим доступа: https://e-libra.ru/read/367_142-skazat-pochti-to-zhe-samoe-opyty-o-perevode.html – Дата доступа: 17.09.2021.
226. Эртельт-Фит, А. Лакуны и их классификационная сетка / А. Эртельт-Фит, Е. Денисова-Шмидт // Вопросы психолингвистики. – 2007. – № 6. – С. 39-51.
227. Юань Линьлинь. Проблема классификации лексических лакун в лингвокультурологическом аспекте (на примере китайского и русского языков) / Линьлинь Юань // Балтийский гуманитарный журнал. – 2018. – Т.7. – №4. – С. 144-147.
228. Юзефович, Г. Гузель Яхина выпустила роман о поволжском немце «Дети мои». С отсылками к Толкиену. Зачем ей понадобился фэнтези-мир? [Электронный ресурс] / Г. Юзефович // Meduza. – 06.05.2018. – Режим доступа:

- <https://meduza.io/feature/2018/05/06/guzel-yahina-vypustila-roman-o-povolzhskom-nemtse-deti-moi-s-otsylkami-k-tolkienu> – Дата доступа: 29.08.2021.
229. Юзефович, Н. Г. Картины мира: лингвокультурологический аспект / Н.Г. Юзефович // Индустрия перевода. – 2013. – №1. – С. 363–368.
230. Юзефович, Н. Г. Российская лингвокультура в произведениях Орlando Файджеса / Н.Г. Юзефович // Политическая лингвистика. – 2011. – №2. – С. 244–249.
231. Якобсон, Р. О лингвистических аспектах перевода / Р. Якобсон // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М., 1978. – С. 16-24.
232. Яхина, Г. Ш. Г. Яхина. «Мне нравится складывать истории». Беседу вела А. Каримова / Г.Ш. Яхина, А. Каримова // Вопросы литературы. – 2016. – №3. – С. 151-159.
233. 1-е послание Иоанна [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.biblegateway.com/passage/?search=1-e%20%D0%98%D0%BE%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D0%B0%202&version=NR> – Дата доступа: 19.10.2021.
234. Grodzki E. The Lacuna Model and Its Application Potential for Advertising Research / E. Grodzki // Вопросы психолингвистики. – М.: 2006. – № 3. – С. 95-103.
235. Hale, K. Gaps in grammar and culture / K. Hale // Linguistics and anthropology in honor of C. F. VolgelinJisse. – NY.: Univ. Press, 1975. – Pp. 77–98.
236. Hockett, Ch. Chinese vs. English: An exploration of the Worfian thesis // Language in culture: Proceedings of a conference on the interrelations of language and other aspects of culture. – Chicago, 1954. – Pp. 106-123.
237. Kazazi L. The Lacuna as a Cultural Phenomenon: Analyzing Martin Camaj's «Circles» / L. Kazazi // Journal of Educational and Social Research. – Vol. 4. – № 4. – Rome: MCSER Publishing, 2014. – pp. 353-356.
238. Yakhina G. Zuleikha. Transl. from the Russian by Lisa Hayden. – London, Oneworld Publ., 2019. – 484 p.

239. 丛亚平. 俄语中表颜色形容词的词义引申 // 山东外语教学. – 1996. – № 3. – 44–47 页. Цун Япин. О коннотативном значении цветowych прилагательных в русском языке // Шаньдунское обучение иностранным языкам. – 1996. – № 3. – С. 44–47.
240. 冯春. 普希金文集 12 卷本. – 甘肃: 敦煌文艺出版社, 1999. Пушкин А. С. Собрание сочинений Пушкина: в 12 т. / пер. Фэн Чунь. – Ганьсу: Литература и культура Дуньхуана, 1999.
241. 刘宓庆. 新编当代翻译理论. – 北京: 中国对外翻译出版公司, 2005. – 314 页. Лю Мицин. Современная теория перевода. – Пекин: Чжунго дуйвэй фаньйи чубань гунсы, 2005. – 314 с.
242. 刘重德. 文学风格翻译问题商榷. – 北京: 中国翻译, 1988. – 89-93 页. Лю Чжундэ. Вопросы перевода литературного стиля // Чжунго фаи, 198. – С. 89–93.
243. 吴国华. 文化词汇学. – 哈尔滨: 黑龙江人民出版社, 1996. – 330 页. У Гохуа. Культурная лексикология. – Харбин: Хэйлунзяньское народное изд-во, 1996. – 330 с.
244. 在静心翻译的温柔岁月里, 积蓄育人的力量. Интервью с Чэнь Фан [Электронный ресурс] // 新浪看点 (Синьлан). – 21.01.2021. – Режим доступа: http://k.sina.com.cn/article_1726918143_66eeadff0200132ke.html – Дата доступа: 09.09.2021.
245. 孙文方, 汉俄语言对比与翻译方略, – 哈尔滨: 黑龙江人民出版社, 2016. Сунь Вэньфан. Китайско-русское сопоставительное языкознание и переводческие стратегии. – Харбин: Хэйлунзяньское народное изд-во, 2016.
246. 尼古拉·果戈里. 外套. 译者: 刘开华. – 安徽文艺出版社, 2004. Лю Кайхуа. Николай Гоголь. Шинель / Пер. с рус. Лю Кайхуа. Аньхойское издательство литературы и искусства, 2004.
247. 张会森. 俄汉语对比研究(下卷). – 上海: 外语教育出版社, 2004. – 496 页. Чжан Хуйсэнь. Сравнительное изучение русского и китайского языков. – Шанхай: Изд-во «Обучение иностранным языкам», 2004. – Т. 2. – 496 с.

248. 死魂灵. [俄] 尼古拉·果戈里. 满涛译. –上海译文出版社, 1983. – 390 页. Ман Дао. Николай Гоголь. Мертвые души / Пер. с рус. Ман Дао. – Шанхайское издательство переводов, 1983. – 390 с.
249. 赵敏善. 俄汉语对比研究. –上海: 译文出版社, 1994. – 297 页. Чжао Миньшань. Разыскания по сопоставлению культурной информации в русском и китайском языках. – Шанхай: Изд-во «И Вэнь», 1994. – 297 с.
250. 阎国栋. 中国文化概观. –天津: 南开大学出版社, 2001. – 303 页. Янь Годун. Китайская культура. – Тяньцзинь: изд-во «Университет Нанькай», 2000. – 303 с.
251. 陆永昌. 俄汉文学翻译概论. –上海, 上海外语教育出版社, 2007. – 319 页. Лу Юнчан. Общий курс художественного перевода с русского языка на китайский. – Шанхай: Шанхай вайюй цзяюе чубаньшэ, 2007. – 319 с.
252. 陈福康. 中国译学理论史稿. –上海: 上海外语教育出版社, 2002. – 521 页. Чэнь Фукан. История теории переводоведения в Китае. – Шанхай: Шанхай вайюй цзяюе чубаньшэ, 2002. – 521 с.
253. 黎昌抱. 王佐良翻译风格研究. –光明日报出版社, 2009. – 213 页. Ли Чанбао. Исследование переводческого стиля Ван Цзоляна. – Гуанминжибао чубаньшэ, 2009. – 213 с.

ИНТЕРНЕТ-САЙТЫ

1. АНО «Институт перевода». Официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://institutperevoda.ru/> – Дата доступа: 09.08.2021.
2. РКПК НКРЯ – Русско-китайский параллельный корпус НКРЯ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/new/search-para-zh.html> – Дата доступа: 07.07.2021.
3. Онлайн-сервис перевода пиньиня в систему Палладия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://palladius.ru/> – Дата доступа: 29.11.2021.
4. Энциклопедия Байду – 百度百科 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://baike.baidu.com/> – Дата доступа: 07.07.2021.

**Контекстные употребления лингвокультурных лакун в переводе романа
«Зулейха открывает глаза»**

Фрагмент из оригинального текста (Г. Ш. Яхина)	Эквивалент в переводе (Чжан Цзе, Се Юньцай)	Дословный обратный перевод на русский язык
Зулейха открывает глаза. [9]	祖列依哈睁开了眼睛。 [3]	Зулейха открыла глаза.
Обуться нельзя – бесшумно пройти в войлочных кота не получится, какая-нибудь половица да и скрипнет. [9]	不能穿鞋 – 穿着厚毡靴走路不可能没有一点声响, 万一哪块地板咯吱响了一声呢。 [3]	Нельзя обуться – пройтись в толстых валенках невозможно без шума, скрипит пол.
Она протягивает руку сквозь занавеску, прикасается к бархатной морде: успокойся, свои. [10]	祖列依哈把一只手伸过帷帘, 抚摸着小马驹柔软的脸颊, 心里说道: 安静点, 自家人。 [4]	Зулейха протянула руку через занавеску, погладила мягкую щеку жеребенка и сказала про себя: тише, свои.
Не запнуться о палас. Не удариться босой ногой о кованный сундук справа у стены. Перешагнуть скрипучую доску у изгиба печи. Беззвучно прошмыгнуть за ситцевую чаршау, отделяющую женскую часть избы от мужской. [10]	祖列依哈没有绊到地毯, 赤裸的双脚也没有碰到右侧靠墙的铁箱子。她躲过火炉弯角处那块一碰就吱吱作响的地板, 钻过那片将小木屋分成男女两部分的印花布帷帘。 [4]	Зулейха не запнулась о ковер, и её босые ноги не коснулись железного ящика справа. Она увернулась от скрипящего пола в углу у печи и прошла через разделяющую дом на мужскую и женскую половины ситцевую занавеску.
Убырлы карчык – Упыриха. [11]	“老妖婆” – 乌佩里哈。 [5]	Старая ведьма – У-пэй-лиха.
Зулейха ее так про себя называет. [11]	祖列依哈背后总是这样称呼她的婆婆。 [5]	Зулейха так за спиной называла свекровь.
Слава Всевышнему. [11]	谢天谢地。 [5]	Спасибо небу и земле.
Слава Аллаху. [11]	感谢真主。 [4]	Благодарю Аллаха.

Упыриха с мученической скорбью на лице. [11]	乌佩里哈哭丧着脸。 [5]	Упыриха с плачущим лицом.
Слепа и глуха, как камень. [11]	像尊雕像。 [5]	Как статуя.
Горе ей, если проспит эту утреннюю пробудку. [11]	如果早晨睡过了头, 那可就遭殃了。 [5]	Если проспит утром, то будет страдать.
Утыкается лбом в стену. Наконец-то. [12]	终于爬到地方了。 [6]	Наконец-то добралась до места.
Зулейха замирает. [13]	祖列依哈呆住了。 [7]	Зулейха остолбенела.
Тестом растекается по ступеням. [14]	瘫在楼梯上。 [8]	Парализована на лестнице.
Только спать горазда, лентяйка. [15]	就知道睡觉, 懒货。 [8]	Знает только как спать, ленивая.
Лечу, лечу, мама! [15]	来了, 来了, 妈妈! [8]	Пришла, пришла, мама! / Я здесь, я здесь, мама!
Явилась. [15]	怎么才来。 [8]	Почему только сейчас пришла.
Рубаха поднимается колоколом. [15]	衬衫被吹得鼓起, 像个钟罩。 [9]	Рубашка поднимается как колпак.
Проваливаясь почти по колено, бредет к отхожему месту. [15]	她几乎要跪在地上, 吃力地朝茅房走去。 [9]	Она почти провалилась по колено, через силу идет к туалету.
Сдурела? [15]	你疯了? [9]	Ты с ума сошла?
Начинается новый день. [16]	新的一天开始了	Новый день начался.
Зулейха низко кивает и шмыгает за чаршау. [16]	祖列依哈顺从地点了点头, 赶紧去拿围裙。 [9]	Зулейха послушно кивнула и поспешила за штору.
Сверху опускает исподнюю рубаху, надевает кульмэк, шаровары. [16]	外面裹上内衣, 穿上长袍和鞑鞑式肥裤。 [9]	Сворачивает нижнее белье снаружи, надевает халат и татарские толстые штаны.
Выехали за дровами. [16]	祖列依哈和穆尔塔扎出门去砍柴。 [10]	Зулейха и Муртаза идут рубить дрова.
Переплетает косы, накидывает платок. [16]	编好发辫, 戴上头巾。 [10]	Волосы переплетены, надет платок.
Вот она, добыча: две смятые, перекрученные, слипшиеся тряпицы	瞧, 这就是最好的奖赏: 两条皱皱巴巴, 因搓捻过	Смотри, вот лучшая награда: две морщинистые, липкие яблочные пастилы.

вкуснейшей пастилы. [17]	紧而粘在一起的甜糯的苹果软糕。 [10]	
Изредка фыркает и встряхивает гривой бодрая на морозе Сандугач. [17]	牵拉雪橇的这匹骏马名叫桑杜加奇，它不畏严寒，精神抖擞，不停地打着响鼻，抖动脖颈上的鬃毛。 [10]	Лошадь, тянущая сани и которую зовут Сан-дудзя-ци, не боится холода и полна энергии.
Лес возле Юлбаша хороший, богатый. [17]	尤尔巴什附近的树林茂密, 丰饶。 [10]	Близкие к Юлбашу леса густые.
Громадины деревьев обступили сани. [17]	巨大的树木围绕在雪橇的四周。 [10]	Огромные деревья окружили сани.
Из глубины леса течет Чимшэ – обычно ласковая, мелкая, полная быстрой рыбы и неповоротливых раков. [17]	从林子深处流淌出奇什梅河 - 平时河水不多, 流速平缓, 水中有许多游动敏捷的小鱼和笨拙的小虾。 [10]	Из глубины леса течет река Чишмэ – обычно воды в реке не много, течение пологое, а в воде есть много быстрой рыбы и неуклюжих раков.
Рука и спина ноют. [17]	祖列依哈背的胳膊和后背很疼。 [10]	Руки и спина Зулейхи очень болят.
Просыпайся, женщина, приехали. [17]	别睡啦，傻娘们，到地方了。 [11]	Не спи, глупая женщина, мы на месте.
После работы так приятно побездельничать на мерно покачивающихся санях – сесть поудобнее, закутаться поглубже в пахучий тулуп, засунуть коченеющие ладони в рукава, положить подбородок на грудь и прикрыть глаза... [17]	劳作之后坐在晃晃悠悠的雪橇上休息一下是很舒服的 – 调整好坐姿，整个身体蜷缩进气味浓烈的皮袄里，冻僵的双手缩进袖筒里，下颏抵着前胸，微微闭上眼睛... [11]	Очень удобно сесть на покачивающиеся санки, чтобы отдохнуть после работы – сесть удобно, свернувшись всем телом в сильно пахнущую кожаную куртку, засунув замерзшие руки в рукава, прижавшись подбородком к груди, и закрыть глаза...
Муж не отвечает – пробирается вперед по пояс в целине. [18]	丈夫没有应声 – 他在原始树林齐腰深的积雪里。 [12]	Муж не ответил - он был по пояс в снегу в дремучем лесу.
Наконец останавливается возле ровной высокой березы с пышным наростом чаги. [19]	穆尔塔扎终于在一棵枝条繁茂的高大白桦树旁停住了。 [12]	Наконец Муртаза остановился у высокой березы с ветвями.

Хороший муж ей достался, грех жаловаться. [19]	她庆幸自己遇到一个好丈夫，无怨无悔。[13]	Она рада, что встретила хорошего мужа, и не жалуется.
Поясницу ломит, плечи наливаются усталостью. [19]	他们腰部酸软，肩膀酸痛无力。[13]	Их поясницы и плечи болят и слабые.
«И в урмане слышно», - тревожно думает Зулейха. [19]	穆尔塔扎的声音在密林里也能听见。祖列依哈心里忐忑不安地想着。[13]	Голос Муртазы и в густом лесу можно услышать, - тревожно подумала Зулейха.
Мне абыстай рассказывала. [20]	阿訇的妻子告诉我的。[13]	Жена имама сказала мне.
Сама-то она мелкая, еле достает Муртазе до плеча. [20]	她自己长得瘦小，个头儿刚到穆尔塔扎的肩膀。[13]	Сама она маленькая и худая, рост только до плеч Муртазы.
Муртаза, а правда, что твоя мать по молодости ходила в урман на несколько дней и вернулась целехонькая? [20]	穆尔塔扎，听说你妈妈年轻时走进密林好几天，最后安然无恙地回来了，是真的吗？[13]	Муртаза, я слышал, что твоя мама в молодости несколько дней ходила по лесу и наконец вернулась в целости и сохранности, это правда?
Опять принимаются за работу. [20]	俩人又接着干活儿了。[13]	Оба снова приступили к работе.
Не заметили, как стало темнеть. [20]	两个人没有觉察到，天色开始变暗。[13]	Оба не заметили, как небо начало темнеть.
Работают долго, молча. [20]	俩人一直忙活着，彼此没有说话。[13]	Оба работали, не разговаривали друг с другом.
Он указывает меховой рукавицей на бревна: сначала перетаскаем их. [21]	穆尔塔扎用毛皮手套指了指被截成几段的树干先搬运它们。[14]	Муртаза указал меховой перчаткой на разрезанный ствол: сначала несем их.
Сегодня это вечернее свидание Зулейхе на руку. [24]	今天这种“晚间交谈”是祖列依哈求之不得的。[18]	Сегодняшний «вечерний разговор» — это то, о чем Зулейха не могла и просить.
Затем таскала орешки в меду, рассыпчатые коштеле, сушеные ягоды. [25]	后来，还带来过裹上蜂蜜的榛子，酥松的甜面食和晒干的野果。[18]	Позже она принесла орехи, покрытые медом, хрустящую сладкую пасту

		и высушенные на солнце ягоды.
Зулейха побаивалась – все-таки она простая женщина, не <i>ошкеруче</i> . [25]	祖列依哈不敢直接跟墓地神说话 – 她是一个普通的女人, 不是 <i>祖传巫师</i> 。 [18]	Зулейха не осмеливалась говорить прямо с духом кладбища — она была обычной женщиной, а не родовым шаманом.
В тепле сразу накрывает усталость. [26]	从寒冷的户外回到温暖的家中, 祖列依哈立即感到疲乏无力。 [19]	Вернувшись в теплый дом, Зулейха сразу почувствовала себя измотанной.
Раскладывает на сяке табан для Муртазы, мечет на него еды. [26]	在板铺大床上放上穆尔塔扎用餐的小桌, 把吃的东西堆放在上面。 [19]	Ставит маленький стол для еды для Муртазы на большую дощатую кровать и ставит на него еду.
Руки и ноги – чугунные, голова – ватная. [26]	胳膊和双腿 – 如同灌了铅, 脑袋里 – 好像塞了棉花。 [19]	Руки и ноги - словно налиты свинцом, голова - словно набита ватой.
Но пятнадцатилетняя Зулейха была такого маленького роста, когда пришла в дом Муртазы, что Упыриха в первый же день сказала, воткнув в невестку тогда еще яркие изжелта-карие глаза: «Эта маломерка и с сундука не свалится». [26]	但是十五年前, 当瘦小的祖列依哈走进穆尔塔扎家的一天, 乌佩里哈用当时还算明亮的黄褐色眼睛死死地盯着儿媳妇, 说着: 这么瘦小, 不会从大箱柜上掉下来的。 [19]	Но пятнадцать лет назад, когда худая и маленькая Зулейха вошла в дом Муртазы, Упыриха уставилась на невестку яркими, желтоватыми глазами и сказала: «Такая худая и маленькая, не упадет с сундука».
Вымыть полы. Замочить веники. [27]	洗净地板, 泡上桦树条浴帚。 [20]	Вымыть полы, замочить веники.
Загляденье, а не печь. [28]	这不是炉子, 而是一个精美的物件。 [21]	Это не печь, это прекрасная вещь.
Сам мулла-хазрэт приходил посмотреть, потом заказал для себя такую же. [28]	阿訇前来参观一下, 也给自己定制了同样的产品。 [21]	Имам приходил в гости и попросил такую же вещь для себя.
Скоро вылезет – накроет плотной волной, собьет с ног, утопит. [28]	但很快又会冒出来 – 浪潮般汹涌袭来, 让人精疲力竭, 浑身酸软。 [21]	Но скоро опять придет - приливной волной, изматывающей и болезненной.

...обреченно вздыхает Зулейха, поднося старухе длинную собачью ягу, меховой колпак и валенки. [29]	... 翻毛长皮袄, 尖顶帽子和毡靴。 [23]	... Зулейха вздыхает и подносит длинную шубу, остроконечную шапку и валенки.
– Не то что ты, жидкокровая... Одних девок на свет принесла – и то ни одна не выжила. [29]	哪儿像你, 一副气血不足的样子。只会生丫头片子, 而且一个没有活下来。 [23]	Как ты, с недостатком крови. Родила только девчонок, и ни одна из них не выжила.
Ни ростом, ни лицом не вышла. [30]	个头儿没长起来, 脸蛋儿也没有长开。 [23]	Рост не стал выше, лицо не раскрылось.
Может, конечно, между ног у тебя в молодости медом намазано было. [30]	当然, 也许你年轻时裤裆抹了蜜。 [23]	Конечно, может быть, у тебя был мед между ног, когда ты была молода.
Оно и правильно: гнилому корню- гнить, а здоровому – жить. [30]	老话儿说得没错, 根子烂了 – 树一定会烂, 根子好了 – 树才能健壮。 [23]	Верна старая поговорка, корни гнилые - дерево сгниет, корни хорошие - дерево крепкое.
Кончается твой род, худокостая, вырождается. [32]	你的家族就是这样, 你骨血不好, 天生瘦弱。 [25]	У тебя весь род такой, твои кости и кровь плохие, родилась тощей.
Валенки. Шаровары – одни, вторые. Пуховые носки. Шерстяные носки. Нитяные носки. [32]	毡靴。然后是鞞鞞式肥裤 – 先脱一条腿。接下来是好几层袜子: 绒毛短袜, 厚毛袜子, 线袜子。 [25]	Валенки. Потом татарские толстые штаны – сначала на одну ногу. Далее несколько слоев носков: пуховые носки, толстые шерстяные носки, нитяные носки.
И за что только Муртаза тебя, нерадивую, выбрал? [33]	穆尔塔扎怎么挑中了你, 啊? 懒鬼! [26]	Как Муртаза выбрал тебя, а? Бездельница!
То-то же. [33]	就是这样。 [26]	Это так.
Бездельница. [33]	坏良心的东西。 [26]	Бессовестная вещь.
Я не дам себя в обиду. [33]	我可容不得别人欺负。 [26]	Не буду терпеть издевательства.
Притворщица. [33]	你就是个虚情假意。 [26]	Ты лицемерная.
Забирается на самую высокую лэукэ, ложится на ней лицом в	爬上蒸浴床的最高层, 仰面躺在上面, 闭上眼睛, “用浴帚给我抽吧。 [26]	Поднимается на верхнюю часть полки в парной, ложится на спину,

потолок, закрывает глаза, – отмокать. [33]		закрывает глаза: «Парьте меня веником».
Поддай-ка еще пару. [34]	再加热点。 [27]	Добавь погорячее.
Ополоснувшись в нескольких ведрах холодной воды, Упыриха готова. [35]	用几桶清水清洗一下, 乌佩里哈就洗完了。 [28]	Помывшись в нескольких ведрах чистой воды, и Упыриха готова.
Мы с Муртазой в доме останемся, а за тобой прилетят три огненных фэрэштэ и унесут прямиком в ад. [36]	我和穆尔塔扎将会待在家里, 而三个天使将飞来找你, 直接把你带进地狱。 [29]	Муртаза и я останемся дома, пока к тебе прилетят три ангела и унесут тебя прямо в ад.
А ты и тогда молчишь – только мычишь, словно Кюбелек. [36]	你当时一言不语 – 总是发出哞哞声就像家里的奶牛丘别列克一样。 [29]	Тогда ты молчишь - всегда мычишь, как домашняя корова Кюбелек.
Щелк кнутом – и разверзается земля. [36]	咔嚓声一大地裂开了。 [29]	Треск – и земля раскололась.
Может, у тебя от услышанного разум помутнился. Кто знает, что тебе в голову придет. [37]	谁知道你听了刚才这些话, 失魂落魄, 会做什么样的事情来。 [29]	Кто знает, что ты сделаешь, услышав эти слова прямо сейчас.
Она меня не жалела, ты ее – пожа... [38]	她不心疼我而你 – 可 – 怜, 可 – 怜 – 她吧... [30]	Она без жалости ко мне, а ты её пожалей.
Лежи смирно, женщина. [39]	老实躺着, 傻娘们。 [31]	Лежи смирно, глупая женщина.
Тело киселем растекается по сундуку. [41]	身体像一难烂泥瘫倒在大柜子上面。 [34]	Парализованное тело, как грязь, упало на большой шкаф.
Зулейха, не открывая глаз, шлепает на свой сундук. [41]	祖列依哈爬士自己睡觉的大柜子, 眼睛仍然闭着。 [34]	Зулейха карабкается на свой большой спальный шкаф, с закрытыми глазами.
Кафтан – главное украшение дома: пахнувший крепким мужским духом. [42]	长袍 – 是家中的一样重要物件: 长袍散发着男人浓重的气味。 [35]	Халат – важный предмет в доме: халат сильно пахнет мужчиной.
Грязь в Казани жирная, добрая. [42]	喀山的泥土又黏有肥沃。 [35]	Казанская грязь липкая и жирная.
Алла сакласын, Муртаза, неужели <i>опять</i> ? [43]	等一下, 穆尔塔扎, 难道又来了? [36]	Подожди, Муртаза, они <i>опять</i> приехали?

И Зулейха понимает: да, <i>опять</i> . [44]	祖列依哈心里明白了: 不错, 又来了。 [37]	Зулейха в душе поняла: да, <i>опять приехали</i> .
Твое какое дело, женщина? [45]	关你屁事。 [38]	Не твоё дело.
Кто ослушается – в калхус запишут. [45]	谁要是不服从 - 就列入送往太阳神祭品的名单。 [38]	Тот, кто не подчинится, будет включен в список жертвоприношений богу солнца.
...а найдут – все зерно разом пропало. [47]	一旦被找到一所有的粮食就都没了。 [39]	После того, как найдут, вся еда пропадет.
Рассыпать зерно из одного мешка по нескольким научились еще в девятнадцатом, как только подступила к Юлбашу тогда еще неведомая, но с каждым годом становившаяся все страшнее, как албасты , прожорливее, как дэв , ненасытнее, как жалмавыз , – продразверстка. [47]	将一个袋子中的粮食分装到几个袋子里, 人们早在1919年就学会了, 当时余粮征集制刚刚在尤尔巴什开展, 还少有人知。然而, 每过一年, 就变本加厉, 愈加肆无忌惮 – 像神话中的女魔鬼, 饕口馋舌, 如同类人巨猿, 欲壑难填, 似传说中的吸血鬼, 贪吃无厌。 [40]	Делить зерно на несколько мешков научились еще в 1919 году, когда в Юлбаше только запустили систему сбора излишков зерна, и мало кто об этом знал. Однако с каждым годом она становится все агрессивнее и беспощаднее — как <i>женский демон</i> , прожорлива, как <i>великан</i> , ненасытна, как <i>кровосос</i> .
Зулейха втягивает ноздрями терпкий соленый аромат кызылык. [48]	祖列依哈用鼻子使劲嗅着掺杂盐味的浓烈香肠味。 [40]	Зулейха понюхала соленую колбасу.
...поэтому называла всех этих людей про себя – красноордынцами. [49]	因比, 干脆就把这些人都称作 – 红色金帐汗国人。 [42]	... поэтому назовем их всех просто - Красная Орда.
Во времена со смешным названием «НЭП». [50]	在“新经济政策”时期。 [42]	В период «новой экономической политики».
Злые языки [50]	爱说闲话的人 [42]	Любящие сплетни люди

<p>Устраивал собрания и горячо зазывал деревенских в товарищество со странным пугающим названием калхус, но его мало кто слушал – на собрания ходили такие же бедняки, как он сам. [50]</p>	<p>организации калхус, но его мало кто слушал – на собрания ходили такие же бедняки, как он сам. [50]</p>	<p>Организовывал собрания и горячо приглашал жителей деревни присоединиться к организации. У этой организации страшное имя - бог солнца, но мало кто слушал - все люди, приходившие на собрание, были такими же бедняками, как и он.</p>
<p>За глаза его называли Мансуркой-Репьем. [50]</p>	<p>大家背后都把他称作曼苏尔卡-列佩。 [42]</p>	<p>Все за спиной называли его Ман-су-ар-ка-лие-пэй.</p>
<p>Мансурка сагитировал несколько человек в свою ящeyку. [50]</p>	<p>曼苏尔卡鼓动几个人晚上到他的支部。 [42]</p>	<p>Мансурка сагитировал несколько человек в свою ящeyку.</p>
<p>Жаным, – говорит она тихо, хриплым спросонья голосом. [52]</p>	<p>亲爱的, – 她用半梦醒的嘶哑声音轻轻说道。 [44]</p>	<p>«Дорогой», - прошептала она хриплым, полусонным голосом.</p>
<p>Посиди со мной, отдохни, переведи дух. [53]</p>	<p>跟我坐会儿, 休息一下, 喘口气吧。 [45]</p>	<p>Посиди со мной немного, отдохни.</p>
<p>А сейчас – я чувствую, как ты устал, сердце мое, как сильно ты устал. [53]</p>	<p>现在 – 我能感觉出来, 你累喽, 我的心肝宝贝, 你太累了。 [45]</p>	<p>Теперь - я чувствую, ты устал, мое сокровище, ты устал.</p>
<p>Сегодня шепнули – опять что-то готовится. [53]</p>	<p>今天到处都说 – 又要有什么举动了。 [45]</p>	<p>Сегодня везде говорят – что-то готовится.</p>
<p>Зерно посевное спрятали, а толку-то – если зерно отберут? [53]</p>	<p>粮种倒是藏起来了, 可是地被没收了 – 那还有什么用处? [45]</p>	<p>Зерно спрятали, а землю конфисковали — что толку?</p>
<p>Моё! [53]</p>	<p>这是我的财产啊! [45]</p>	<p>Это моя собственность!</p>
<p>Он ударяет кулаком по ребру кровати – та жалобно поет в ответ тонким металлическим голосом. [53]</p>	<p>他用拳头捶打着床帮 – 床痛苦地发出了尖细的金属响声。 [45]</p>	<p>Он стучал кулаками по кровати - кровать больно закрипела.</p>
<p>Так хотелось меня оседлать. [54]</p>	<p>就是想把我弄到手。 [46]</p>	<p>Просто хотел заполучить меня.</p>
<p>Говорила я ему: не по себе яблоко рвешь,</p>	<p>我对他说: 你别自不量力, 想要摘苹果吃, 瘦腿</p>	<p>Я сказал ему: «Не переоценивай себя, ты</p>

худоногий, зубы обломаешь! [54]	的家伙, 小心别把牙给硌掉了! [46]	хочешь нарвать яблок, чтобы поесть, худоногий парень, будь осторожен, чтобы не потерять зубы!»
Куда там – лишь раззадорила кобеля ... [54]	根本不管用 – 反而进一步 激起了公狗的好斗心... [46]	Не работает вообще - вместо этого еще больше разжигает боевой дух кобеля.
Тем летом, когда играли в кыз-куу... [54]	那个夏天, 我们一起玩骑 马追姑娘游戏... [46]	Тем летом мы играли в погоню за девушками верхом на лошадях.
Твоя мелкозубая жена не смогла родить тебе сына и скоро пропадет в преисподней. [57]	你那个满嘴细牙的老婆不 能给你生儿子, 所以她很 快就要下地狱了。[49]	Твоя жена, у которой рот с мелкими зубами, не может дать тебе сына, поэтому она попадет в ад.
Зулейха испуганно прислоняется к поставленным друг на друга сундукам у окна, рукой торопливо поправляя кружевную каплау. [58]	祖列依哈闻声惊恐地靠在 窗户旁边堆放在一起的箱 子上, 同时用一只手匆忙 整理铺在上面的钩花罩 单。[50]	Зулейха в ужасе облокотилась на коробки, сложенные у окна, и торопливо перебирала одной рукой вязаное крючком покрывало.
Грех на душу взял. [61]	真是作孽。[53]	Действительно грех.
Это проделки Мансурки-Репья и его нищевродов из ящeyки, не иначе. [61]	这是曼苏尔卡-列佩以及 支部的那些穷叫花子们干 的, 肯定没错。[53]	Это, конечно, сделали Мансурка-Лие-пэй и нищие из его ячейки.
Вот уж правда – джинн вселился... [62]	真的没错 – 人一旦中了 魔。[54]	Это правда – в человеке демон.
И изба за ночь выстудится... [62]	这房子一晚上可要冻透 了。[54]	В доме за ночь станет холодно.
Отлыниваешь?! [67]	你可真会偷懒?! [58]	Вы действительно ленивая?!
Прости нас, зират иясе, дух кладбища. [67]	原谅我们吧, 墓地神。 [59]	Прости нас, дух кладбища.
Испугался, мужичок, к мамке под юбку торопится. [67]	你害怕了, 伙计, 急着往 老娘的裙子下面躲呢。 [59]	Испугался, приятель, скорей прячется под юбку матери.
Одно слово – кровь с молоком. [73]	一句话 – 青春朝气, 貌美 如花。[65]	Одним словом – юная и энергичная, прекрасная, как цветок.

Такая грудь – на троих бы хватило. [73]	鼓胀 – 足够同时哺乳三个孩子。 [65]	Достаточно, чтобы кормить грудью троих детей одновременно.
Да они тут по-русски ни бельмеса, товарищ Игнатов. [73]	他们一点儿也不懂俄语, 伊格纳托夫同志。 [65]	Они по-русски вообще не понимают, товарищ Игнатов.
Красноордынец Игнатов внимательно оглядывает лошадь. [73]	伊格纳托夫仔细打量着拉雪橇的母马。 [65]	Игнатов внимательно смотрит на кобылу, тянущую сани.
Спуску не жди! [74]	等着挨骂吧! [66]	Жди, что тебя отругают!
Куда уж им до тебя! – улюлюкают красноордынцы. [74]	关你什么事! 红色金帐汗国人挖苦道。 [66]	Не твое дело! — с сарказмом сказали люди из Красной Орды.
Сидевший истуканом Муртаза вдруг резко поворачивается к саням и с ненавистью смотрит Игнатову в глаза. [74]	僵坐着的穆尔塔扎突然转过身子, 恶狠狠地盯着伊格纳托夫的眼睛。 [67]	Муртаза, застывший, вдруг обернулся и свирепо посмотрел Игнатову в глаза.
Вот тебе, зеленоглазая, и грибы! [76]	给, 你的蘑菇, 绿眼睛。 [68]	Вот, твои грибы, зеленоглазая.
Против власти идёте, единоличники?! [81]	你们对抗政府想做单干户?! [72]	Вы хотите пойти в одиночку против правительства?!
То-то и оно. [81]	说得一点没错。 [73]	Вот так.
Простите-извините. [81]	请原谅。 [73]	Пожалуйста, извините.
Наконец поддевает лезвием штыка висящую высоко над входом ляухэ – пытается снять. [82]	最后, 用刺刀尖去挑门口上方绘有古兰经格言的一块挂毯 – 试图摘下来。 [74]	Наконец, кончиком штыка поднимает настенный коврик над дверью с цитатами из Корана — и пытается его снять.
Достает с высоких киштэ мужнины подушки, взбивает. [83]	从高高的壁橱上取下丈夫的枕头, 然后拍打蓬松。 [75]	Берет подушку мужа из высокого шкафа и взбивает ее.
Беззвучно прошмыгнуть за ситцевую чаршау, отделяющую женскую часть избы от мужской... [84]	钻过那片将小木屋分成男女两部分的印花布窗帘。 [76]	Сквозь ситцевую занавеску, разделяющую мужскую и женскую части дома, без шума пройти не получится.
Вот нажили добра – мама не горюй! [85]	我们这是积德呢 – 让妈妈们不再忧伤! [76]	Мы делали добро - пусть мамы больше не грустят!
Где тебя шайтан носит, мокрая курица?! [85]	魔鬼把你弄哪儿去啊, 可怜虫?! [77]	Куда черт тебя занес, жалкая букашка?!

Чуть не поседел. [85]	简直就是白毛鬼呀。 [77]	Волосы чуть не побелели.
Ну дождешься – Муртаза тебе покажет! [86]	嘿，等着瞧 – 看穆尔塔扎怎么收拾你! [77]	Эй, подожди и посмотри, что Муртаза сделает с тобой!
Только живых покойников в обозе не хватало! [86]	这些活死人只能添麻烦! [78]	Эти живые мертвецы могут доставить только неприятности!
Что расселась? [86]	怎么还没坐好? [78]	Почему еще не села?
Дура. [92]	真是个头脑简单的傻瓜。 [84]	Какая простодушная дура.
Докатился. [92]	竟然堕落到这种程度。 [84]	Упасть до такой степени.
За его спиной – закутанная в платок по брови жена. [93]	他的身后 – 坐着头巾包裹至眉梢的老婆。 [85]	За ним сидит жена, закутанная по брови платком.
Жалость? Больно уж мелкая эта баба, тонкая. [93]	怜悯吗? 不忍看到这个瘦小而孱弱的女人。 [85]	Жалость? Невозможно смотреть на эту маленькую и слабую женщину.
Игнатов Никогда не был бабником. [94]	伊格纳托夫从来不喜欢向女人南太媚。 [86]	Игнатов никогда не любил флиртовать с женщинами.
Но он ни с кем сходиться не торопился и душой прикипать тоже. [94]	不过，他并不急于与某个女人走得过近，也并非打心眼里喜欢某个女人。 [86]	Однако он не торопился сближаться с какой-то женщиной и не любил искренне.
Все как-то не до того. [94]	还顾不上这种风花雪月，花前月下。 [86]	Нет дела до романтики любви.
Мне свои люди позарез нужны. [94]	我非常需要自己人。 [86]	Мне очень нужны свои люди.
Знал, хитрец, чем взять. [94]	聪明的家伙，应当知道该怎么做。 [86]	Умный парень, знал, что делать.
То ли дело – Настасья. [95]	纳斯塔西娅 – 则完全不同。 [88]	Настасья – совсем другая.
Ну его к лешему. [99]	让它见鬼去吧。 [92]	Пусть идет к черту.
Идет к высокой нише михраба, встает на колени. [100]	走向高高的壁龛前，跪下了。 [93]	Он подошел к высокому михрабу и опустился на колени.
За январь-то уже полстада – тю! Факт. [101]	整个一月份已经少了几乎一半 – 咳! 真是没辙。 [93]	За январь сократился почти вдвое – кхм! Действительно ничего не поделаешь.

Не дрейфь, товарищ! [101]	不会胡来的, 同志! [94]	Не шуми, товарищ!
Мужья пускали женщин в мечеть неохотно, лишь по большим праздникам: на Уразу и на Курбан. [102]	丈夫们并不愿意让老婆走进教堂, 只有恰逢重大节日时才会这么做: 守斋节和宰牲节。[94]	Мужья неохотно пускают жен в мечеть и делают это только в большие праздники: Великий пост и Курбан-Байрам.
Давай-ка я тебе сена организую, раскрасавица. [102]	来, 我给你弄些干草吧, 美人。[94]	Пойдем, я принесу тебе сена, красавица.
От зорьки и до зорьки моряки на вахте зорки. [103]	水兵站岗时整夜都非常机警。[96]	Моряки были очень бдительны всю ночь, когда стояли на страже.
Зулейха засыпает. [104]	祖列依哈睡着了。[97]	Зулейха уснула.
Это она, пышнощекая срамница. [105]	这是她, 脸蛋绯红的骚货。[98]	Это она, румяная потаскуха.
Все-таки - здание культа. Винегрет какой-то получается. [107]	反正 – 就是一个用作祭祀的房子。来个大杂烩嘛。[100]	Так или иначе – это здания для богослужения. Получается какое-то ассорти из закусок.
В голове у тебя винегрет. [107]	你的脑袋也是大杂烩哟。[100]	В твоей голове ассорти из закусок.
Јапага, как сказал бы отец, посылая ежеутренний величественный взгляд за окно. [110]	正如父亲所说, 一月份的女神每天清晨都派来使者, 高傲的眼神望着窗外。[103]	Как и говорил мой отец, январь каждое утро глядит в окно величественными глазами.
<i>Nic locus est ubi mors gaudet succurrere vitae,</i> гласила надпись над круглым зданием университетского анатомического театра. <i>Это место, где смерть с радостью помогает жизни.</i> [111]	学校解剖室的圆形建筑物上方; 题写着这样的铭文: 这里, 死亡在快乐地帮衬着生命。[104]	Над круглым зданием патологоанатомического зала школы висит надпись вроде этой: Здесь смерть радостно дополняет жизнь.
Десять лет не помнил, а потом захотел – и нате? [115]	你以为这种事情那么简单: 只要一想 – 就能回想起来? [108]	Думаете, это так просто: подумал — и это прозошло?
Они все опечатают, а ты сразу: шась! [116]	他们会把一切都查封, 你就马上跑来! [108]	Они все запечатают, и ты сразу придешь.

Подумаешь – работала на него куда-то. Подумаешь – важная была птица. Без тебя бы давно уже помер твой прохвессор. [117]	你想想 – 你曾经为他工作过。你想想 – 你曾经也是个了不起的重要人物呢。没有你，你的教授早就死了。 [109]	Ты подумай - раньше ты у него работала. Если подумать, ты когда-то был важным человеком. Без тебя твой профессор умер бы.
Ну-ка, яблонька моя... [117]	噢，我的小心肝... [110]	О, моя дорогая...
Женщина – гора открывает дверь. [118]	一个身材高大，体形肥硕的女人打开了门。 [110]	Высокая толстая женщина открывает дверь.
Студент-химик со смешной фамилией Обида и следами вечной ипохондрии на лице. [119]	名字滑稽可笑，化学专业的大学生奥比达，脸上永远一副抑郁的神情... [112]	Фамилия у него смешная, а у Ао-би-да, студента колледжа, изучающего химию, постоянно депрессивное выражение лица.
Светило. Какое там!.. [125]	巨星。真是抬举！ [117]	Большая звезда. Как торжественно!
Милые оперившиеся птенцы... [125]	一群羽翼初丰的可爱孩子... [118]	Милые, неоперившиеся дети...
На Дерibasовской открылася пивная-а-а-а, там собиралася компания блатная-а-а-а... [137]	杰里巴索夫斯基大街上开了一家啤 - 啤 - 啤酒馆，那帮家伙总是在 - 在 - 在那儿... [129]	На Дерibasовской есть пивная-пивная, и эти ребята всегда там...
Кому-то было отпущено жизни с щепотку, как ее дочерям; кому-то – с горсточку; кому-то – неизмеримо щедро, целыми мешками и амбарами, как свекрови. [140]	有的太短暂，就像她的女儿们，有的 – 稍长一些；而有的 – 长生久视，龟鹤遐齿令，就像婆婆。 [132]	Кто-то жил слишком мало, как ее дочери, кто-то - чуть дольше, а кто-то - долго, как ее свекровь.
Наиболее удачливые арестанты могли любоваться из камер на синие, в золотых звездах луковки Благовещенского собора и буро-зеленый шпиль Сторожевой башни внутри посада. [142]	最幸运的囚犯，从囚室里能够看到布拉戈维申斯克大礼拜堂金星状的蓝色圆形穹顶，也能瞭望到斯托洛仁沃塔楼褐绿色的尖顶。 [134]	Самые удачливые заключенные могли увидеть голубой купол Благовещенского собора в форме золотой звезды из камеры и коричнево-зеленый шпиль Сторожевой башни.

Один из сыновей многодетного крестьянина, долговязый мальчонка лет двенадцати, неожиданно срывается с места. [142]	那个农民领着一群孩子正在前行，其中一个又高又瘦的小孩，年龄十二三岁的样子，突然跑出人群。 [134]	Крестьянин вел группу детей, и один из них, высокий и худой ребенок лет двенадцати или тринадцати, вдруг выбежал из толпы.
Перегонял кровь большой страны с запада на восток. [142]	在幅员如此辽阔的国家，将人口从西部驱赶到东部。 [134]	Гнал население такой большой страны с запада на восток.
Так одна за другой, по крупинкам, народ создает будущее своей страны. [144]	就这样一点点，一件件，集腋成裘，创造着国家的未来。 [136]	Всего понемногу, по частям, вместе, создавая будущее страны.
Да и какая уж тут личная жизнь, когда на дворе – такое! [144]	不错，肩负如此伟大的事业，怎么能沉溺于卿卿我我，缠绵眷眷呢！ [136]	Да, взявшись за такое великое дело, как можно ворковать!
Да что тут мочь, Бакиев! [146]	这有什么不行的，巴基耶夫！ [137]	Что тут не так, Бакиев!
А тыща человеческих голов – бирюльки?! [146]	一千来号人 – 可不是儿戏？！ [138]	Тысяча человек - детская игра?!
За мной! Не рассыпаться! Держаться в кучу! В кучу, мать вашу рассудить! [149]	跟着我！不要走散！紧挨在一起！挨在一起，耳朵聋啦！混账东西！ [141]	За мной! Не блуждать! Ближе друг к другу! Рядом друг с другом, глухие! Негодяи!
С высоты своего богатырского роста, поверх толкающихся малахаев, платков, ушанок, тюбетеек, шляпок и бушлатов Игнатов находит глазами нужную дверь. [150]	伊格纳托夫身材高大，眼前这些互相拥挤和推搡的人群几乎都在他的视，线之下越过他们头上戴的皮帽子，头巾，护耳皮帽，绣花尖顶小帽格式女帽以及身上穿的呢大衣 – 他寻找着自己需要的那扇门 – “喀山“站站长办公室。 [142]	Игнатов высокий, и толпа была почти вся на виду, на людях были надеты шапки, платки, шапки-ушанки, пальто, он искал нужную ему дверь - кабинет начальника станции "Казань".
Но в воздухе что-то висит. [152]	然而，空气中好像弥漫着一种什么东西。 [144]	Однако, казалось, что-то витало в воздухе.
Не пристало порядочной женщине якать без повода. [155]	不应当让一个正派女人无缘做地总是”我“字不离口。 [148]	Приличная женщина не должна всегда говорить «я».

... И повезу вас, граждане раскулаченные, и вас, граждане бывшие люди, в новую жизнь... [160]	... 我要把你们这些“富农公民”，和你们，过去的人，送往新的生活。 [153]	... Посылаю вас, "кулацких граждан", и вас, бывших людей, в новую жизнь.
Ну что притихли, хrustьяне? [165]	嘿，怎么都无精打来的，你们这些乡巴佬? [158]	Эй, почему вы молчите, хrustьяне?
Без смотрящего вам тут – амба, голуби. Цыц, вы, шкеты, под вагоны-ы-ы, кондуктор схавает вас вра-а-аз. [165]	没人看护，你们马上就会 – 完蛋，亲爱的。说完，突然拖着长音大声唱了起来：快藏到车厢底下吧，年轻和没有经验的伙伴们，列车员如果看到并抓住你们，他一定会惩罚你们的。 [158]	Без смотрящего вы облажаетесь, дорогие. После разговора он вдруг громко запел на длинной ноте: «Поторопитесь и прячьтесь под вагон, молодые и неопытные друзья, если кондуктор вас увидит и поймает, он вас накажет».
Две ходки имею, зёма. На Сахалине чалился, в Соловках мочалился. [166]	一个冬天跑了两趟。一次是到萨哈林岛，一次是到索洛韦茨基群岛。 [159]	Одной зимой я бежал два раза: один раз на Сахалин и один раз на Соловецкие острова.
Это вам не воля вольная. [166]	但是您也不能为所欲为。 [159]	Но ты не можешь делать все, что хочешь.
Береги портрет, падла. [167]	小心点，老家伙。 [160]	Потише, старичок.
Но это ж не комендант – зверь: еще раз, говорит, увижу эти финтифлюшки... [175]	然而，这就不是警备长 – 而是动物了：如果再让我看见这些花哨的东西... [168]	Однако это не комендант - это животное: если я снова увижу эти пёстрые вещи...
Апрель на носу. [176]	马上就到四月份了。 [169]	Скоро апрель.
Нары были испещрены посланиями: имена любимых, даты, клятвы не забыть и не простить, стихи, посвящения, угрозы, молитвы, похабные ругательства, тонкий женский профиль, цитаты из Библии, арабские каракули... [176]	板铺上到处涂着各种寄语：心上人的名字，日期，铭记在心的誓言，不能原谅的诅咒，诗歌，献词，威胁话，祈祷文，下流的骂人话，女人的侧面轮廓，圣经中的引文，潦草的阿拉伯语字句... [169]	На доске были нацарапаны всевозможные сообщения: имя возлюбленной, дата, клятвы, непростительные проклятия, стихи, посвящения, угрозы, молитвы, нецензурные ругательства, женский профиль, цитаты из

		Библии, непонятные арабские слова...
Дурак. Тряпка. Нюня. [178]	傻瓜蛋, 窝囊, 小太软。 [171]	Дурак, трусливый, слишком мягкий.
Куда-куда? – будут стучать колеса. Куда-куда? И сами же себе отвечать: Туда-туда. Туда-туда. Туда-туда. [180]	咣当- 咣当 (哪里 – 哪里)? 而车轮本身就回答: 喀哒 – 喀哒 (那里 – 那里)。 [174]	Куда-куда? –стучат колеса. Куда-куда? И отвечают: Туда-туда. Туда-туда. Туда-туда.
... изгибается коромыслом, сбрасывает с себя обоих, но ударяется головой о печной угол и затихает. [181]	...身体蜷成弓形,拼命想把两个人从身上掀下去,不料头撞在炉子角上,立刻没了动静。 [175]	.....тело свернулось дугой, отчаянно пытаюсь оторвать двух человек от тела, но неожиданно ударилось об угол печи и тут же остановилось.
По его брусничному телу извиваются синие вены рек. [184]	沿着它紫红色的身子,如同静月水 – 般布满了虫宛虫延绵延的蓝色的河流。 [179]	Вдоль багрово-красного тела полно червеобразных голубых рек.
За окном ночь стоит теплая, бархатная. [185]	窗外, 黑夜很暖和, 给人一种温柔的感觉。 [179]	За окном ночь очень теплая, дарящая людям ощущение нежности.
Тоже мне – сам, сам... С усам! [188]	我 – 本人, 我本人... 并不比别人差! [182]	Я – сам, сам... не хуже других!
Вот те раз – чай на квас! [189]	哦, 这是为什么? [183]	О, это почему?
Так не лучше ли сразу? [196]	这样是不是更好 – 生下来马上就夭折? [191]	Не лучше ли было бы умереть, не родившись?
В тайге, у черта на рогах? [205]	在原始森林? 在荒郊野岭? [201]	В первобытном лесу? В дикой местности?
Отсюда все – как на ладони. [206]	眼前视野开阔, – 览无余。 [202]	Поле зрения широкое.
Шиш тебе. [208]	呸, 你胡说。 [205]	Пф, говоришь ерунду.
Хрен с тобой. [208]	好吧。 [205]	Хорошо.
... увози с глаз долой. [208]	快开走。 [205]	Быстрее уходи.
Разгильдяйство сплошное. [211]	简直是玩物职守。 [207]	Это просто игрушка.
Да уж, хорошо корыто, ничего не скажешь... [212]	是条好船, 没什么说的... [209]	Хорошая лодка, ничего не скажешь...

<p>А ведь на поселении ей все равно помирать. Тайга, гнус, работы... - не сдюжит, нет. [214]</p>	<p>不过，在劳动村，她依然逃不过死亡。原始森林，吸血的小飞虫。繁重的体力劳动...肯定经受不住，肯定的。[210]</p>	<p>Однако в трудовом поселке ей все же не удастся избежать смерти. Дремучий лес, кровососущие маленькие летающие насекомые. Тяжелый физический труд... точно не выдержит, точно.</p>
<p>Да и не леса вовсе – урманы. [214]</p>	<p>这根本就不是树林 – 而是高大繁密的原始森林。 [211]</p>	<p>Это вовсе не лес - это высокий, дремучий, непроходимый лес.</p>
<p>А так, чтоб врагов – и беречь, и кормить, и жалеть, и лечить, - нет, увольте ... [217]</p>	<p>这可倒好，是敌人 – 还要保护，养活，还要怜悯，治病 – 不算了吧... [214]</p>	<p>Врагов - защищать, кормить, жалеть, лечить - не пойдет.</p>
<p>Ну и на хануриков твоих, если слушаться не будут. [229]</p>	<p>嘿，也足够对付你的这些狗东西了，如果这帮家伙不服管教。 [226]</p>	<p>Эй, хватит для твоих собак, если слушаться не будут.</p>
<p>Это, что ли, пилы? Этими, что ли, соплями – лес-то пилить? [230]</p>	<p>这难道就是锯？难道这种小锯 – 也能用来伐木？ [227]</p>	<p>Это пила? Можно ли использовать эту маленькую пилу для лесозаготовок?</p>
<p>Пышная зеленая грудь левого берега круто вспучивалась, словно подоспевшее в кадушке тесто, падала ярким изумрудным отражением в свинцовое зеркало реки. [233]</p>	<p>左岸葱茏的树木在陡峭的河岸上向外伸延，就像盆里发西孝的面才，泛着绿宝石般的光泽，飘洒在皮光粼粼的河面上。 [231]</p>	<p>Зеленые деревья на левом берегу простираются в стороны по крутому берегу реки с изумрудным блеском, плывущим по мерцающей речной глади.</p>
<p>Ладонь колет ломкая щетина мха. [234]</p>	<p>脆石硬的青苔刺痛手掌。 [232]</p>	<p>Хрупкий мох колет ладонь.</p>
<p>Эти навязанные ему в начале пути «остатки» - удивительный факт! – оказались чрезвычайно живучи. [239]</p>	<p>这些在启程前硬塞给他的“余孽” - 简直就是个奇迹! -生命力异常顽强。 [237]</p>	<p>Эти "остатки" ему дали перед отъездом - чудо! - исключительно живучие.</p>
<p>Горелов – такой где угодно приспособится, перекрасится в любой цвет, переметнется к кому нужно, присосется,</p>	<p>比如戈列洛夫 – 就是如此：如同一个变色龙，见风使舵，八面玲珑，溜须拍马，欺怕硬，夹缝中求生存。 [237]</p>	<p>Например, Горелов – он такой: как хамелеон, держащий руль по ветру, отчаянно пытающийся выжить.</p>

перегрызет пару глоток, выживет.		
Тунейдцы – язва на теле общества. [241]	一对寄生虫 – 社会毒瘤。 [239]	Паразиты – язва общества.
В общем: рухлядь, еденное молью старичье, пыль истории. [241]	总之，一堆破烂货色，一群老态龙钟的家伙，历史的尘埃而已。 [239]	Короче говоря, куча хлама, куча старомодных ребят, просто пыль истории.
Неказистый, весь какой-то перекошенный, скособоченный, отчаянно некрасивый. [242]	这个人长相丑陋，一张脸好像被捏歪了，弄余斗了。 [241]	Этот мужчина уродлив, и его лицо кажется скрюченным.
Вольф Карлович жил в яйце. [250]	沃尔夫 卡尔洛维奇生活在一个隐形的密封罩之中。 [248]	Вольф Карлович жил в невидимом, закупоренном колпаке.
Читать лекции или обсуждать диагнозы можно было и со скорлупой на голове. [256]	上课或会诊可以头戴密封罩。 [254]	Во время занятий можно носить невидимый защитный колпак.
- Подождите, как-то это все скоропалительно... - Скоро, профессор, скоро! Палите! [264]	- 等一等，这些是不是过于仓促... - 很快就会结束，教授，很快的！开炮！ [260]	Подождите, это слишком поспешно ... – Скоро закончится, профессор, скоро! Открывайте огонь!
Профессор торопливо подворачивает рукава мундира, обращается только к толковой сестре: - Руки. [267]	教授迅速卷起制服的衣袖，朝着这位冷静，聪明的妇女命令道：洗手。 [263]	Профессор быстро засучил рукава мундира и приказал спокойной, интеллигентной женщине: Помойте руки.
А если придется кантоваться две недели? [267]	可是，如果需要在草棚里住上两周？ [263]	Но что, если вам нужно пожить в хижине две недели?
То-то же. У него не забалуешь. [277]	就应该这样。他对这群人绝不会纵容娇惯，放任自流。 [272]	Вот так, как должно быть. Он никогда не будет поваживать эту группу людей и не отпустит их.
Кто-то курился в едком дыму костра, немного спасавшем от насекомых. [290]	有人站在篝火冒出的浓烟中，想把蚋虫熏走。 [284]	Кто-то стоял в густом огне костра, пытаясь выкурить комаров.

У ленинградских же зимней одежды не было – в их узлах лежало преимущественно бесполезное барахло. [293]	那群列宁格力人则比较困难 – 他们的包裹里面, 大部分都是单薄的春秋大衣。[287]	С группой ленинградцев сложнее: большая часть их вещей - это тонкие пальто.
Урка. [294]	狗东西。[288]	Собака.
И так неладно, и смяк нескладно. [294]	这样不行, 那样也不行。[288]	Так не пойдет, и так не пойдет.
Как ни крути, сидеть ему здесь и ждать – хоть Кузнец, хоть самого черта лысого. [295]	无论如何, 他都要守候在这里 – 等待库兹涅茨的出现, 或者根本就等不到任何人。[288]	Несмотря ни на что, он будет здесь ждать появления Кузнец.
Он велел Горелову будить лежебок, а кто ослушается – лишать ужина. [297]	但是他让戈列洛夫盯着他们, 有谁偷懒不干 – 不给晚饭吃。[291]	Но он заставил Горелова будить них, а кто не слушался - обеды не давал.
Чем меньше ртов – тем легче остальным. [298]	吃饭的人越少, 其他人才能越轻松。[291]	Чем меньше человек ест, тем легче другим.
Идет, косолапый, сам идет в руки! [299]	它正朝你走来, 脚趾向内, 它在自投罗网! [292]	Он приближается, стопы повернуты внутрь, и он бросается в ловушку!
Иногда тайгу накрывала метель – несколько дней выла над землянкой, пела, кричала в печной трубе. [305]	有时, 原始森林刮起暴风雪 – 连续几天, 土窑上方狂风怒吼, 炉子的火因道中嘶鸣声, 嚎叫声此起彼伏。[298]	Иногда в густом лесу дует метель — целыми днями шумит ветер над глиняной печью, а огонь из печки ревет и воет.
- Ну что ж, будем есть солянку, - Изабелла черпает ложкой из пузатого мешка соль и опускает в давно кипящий на огне котел. Солянка готова. [306]	嗨, 我们今天喝肉丁稠辣汤。伊莎贝拉用勺子从鼓鼓的袋子里取出一勺盐。放到早一滚开的锅里。肉丁稠辣汤做好了。[300]	У нас сегодня будет густой и острый суп с нарезанным кубиками мясом. Изабелла высыпала из набухшего мешка ложку соли. Положила его в котел. Густой острый суп с нарезанными мелкими кубиками мясом готов.
Доктор Лейбе ругал ее на чем свет стоит. [308]	莱贝把祖列依哈狠狠责骂了一顿。[301]	Лейбе сурово отругал Зулейху.
Зыркает блестящим карим глазом и – юрк! – по стволу вверх. [316]	还有一个小家伙目乏巴着一双棕色的闪亮眼睛 – 是	Маленький с карими глазами - зяблик! - на ветвях выше.

	燕雀！ - 在上面的树枝上。 [309]	
Кто старое помянет – тому, как говорится ... [321]	过去的就让它过去吧，就像人们说的... [314]	Пусть прошлое пройдет, как люди говорят...
Как началась с прошлой весны катавасия, так и покатилося ... [324]	去年春天开始的混乱局面，现在还在漫延发展 ... [317]	Хаос, начавшийся прошлой весной, все еще продолжается.
«Татарская гидра». Это он-то гидра? [325]	“鞑靼多头蛇报”。他就是多头蛇? [318]	«Татарская гидра». Он гидра?
Так что не рыпался бы ты, голуба. [325]	所以，你最好哪儿也别去，兄弟。 [318]	Так что лучше никуда не ходи, братишка.
Посидишь пока за моей широкой спиной, замолишь грехи. [325]	暂时有我做你的靠山，你就好好戴罪立功吧。 [318]	А пока я буду твоей поддержкой, ты можешь искупить вину.
А то испугается тебя личный состав, за лешего примет. [325]	否则，你会吓着这些人的，大家以为你是个活死人呢！ [319]	Иначе напугаешь этих людей, подумают, что ты живой мертвец.
По тебе, Игнатов, видно – идейный ты, до ногтя. [325]	你嘛，伊格纳托夫，看来 – 是个有思想，有抱负的人，大公无私。 [319]	Ну ты, Игнатов, похоже, вдумчивый, целеустремленный, самоотверженный человек.
Темный ты, Игнатов. [326]	瞧你这副愁眉苦脸的样子，伊格纳托夫。 [319]	Взгляни на свой хмурый вид, Игнатов.
<i>Старички</i> по возможности старались держаться друг друга. [332]	这些老年人尽可能挨在一起，相互依靠。 [325]	Эти пожилые находятся максимально близко друг к другу, полагаются друг на друга.
Суп называл – <i>буйоном</i> , сухари – <i>гренками</i> , а куски рыбы и вовсе – <i>гужоном</i> . [332]	他把汤称作肉汤，面包干 – 称作烤面包块，干脆把鱼块叫作 – 鱼排。 [326]	Суп он назвал бульоном, сухарики — гренками, а рыбу просто — рыбными кусками.
С тех пор стала оставлять ему свой платок – пусть лучше утыкается в него. Голову пришлось носить непокрытой. [334]	从那之后，她将自己的头巾给他留下 – 哭的时候也好用来擦擦眼泪。而她只好不戴头巾了。 [328]	С тех пор она оставляла ему свой платок, чтобы он вытирал слезы, когда плачет. И ей ничего не оставалось, кроме как ходить без платка.
Стала ходить к Игнатову в платке. [338]	她开始戴着头巾前往伊格纳托夫哪里送饭。 [332]	Она стала носить платок, чтобы доставлять еду Игнатову.

<p>- Ви́ла! - Нет. Никаких ви́л с граблями. [341]</p>	<p>列宁的全名首字母缩写是“ВИЛ”, 加第二格“А”, 组合到一起恰好是“ВИЛА”。 [334]</p>	<p>Полная аббревиатура имени Ленина - «ВИЛ», плюс второй падеж (родительный) «А», что вместе звучит как «ВИЛА».</p>
<p>Сумлинский как в воду глядел. [342]</p>	<p>苏姆林斯基确有先见之明。 [335]</p>	<p>Сумлинский был предусмотрителен.</p>
<p>- Ну?! - Гвозди гну! [342]</p>	<p>- 哦! - 我在弄弯钉子! [335]</p>	<p>- О! - Я гну гвозди!</p>
<p>Заковыристо. Вам не по часом имя снарядил? [342]</p>	<p>听上去怪怪的。是牧师随便给你们起的名字? [336]</p>	<p>Звучит странно. Священник дал вам имя?</p>
<p>- Семь рук, - не сразу ответил Игнатов. [342]</p>	<p>“七只手”。伊格纳托夫缓慢地回答道。 [336]</p>	<p>“Семь рук”, - медленно ответил Игнатов.</p>
<p>- Черт с тобой! - махнул рукой Кузнец. - Пусть будет Семь рук! [343]</p>	<p>“见你的鬼!” 库兹涅茨摆了摆手, “就叫七只手好啦!” [337]</p>	<p>”Черт с тобой!” - кузнец махнул рукой. “Назовем Семь рук!”</p>
<p>Наборщик в типографии принял нужный пробел за ошибку, исправил - и во все справочники, на все карты поселок вошел под несколько измененным, но не менее звучным названием: Семрук. [343]</p>	<p>而印刷厂的排字工人将村名中的空格视为打字错误, 并且做了纠正 - 结果, 现在变成了谢姆鲁克. 在所有手册和地图上, 出现的都是这个名字. 村名被做了一点改动, 不过依然响亮。 [337]</p>	<p>Наборщик в типографии посчитал пробел в названии деревни ошибкой и исправил ее. В результате теперь это Семрук. Это название на всех картах. Название села немного изменено, но оно по-прежнему звучное.</p>
<p>Через полчаса Зулейха перетащила свои нехитрые пожитки в лазарет. [347]</p>	<p>半个小时之后, 祖列依哈就把自己简单的随身物品全都搬到了医务所。 [340]</p>	<p>Через полчаса Зулейха перевезла все свои нехитрые вещи в больницу.</p>
<p>Хлебает баланду Горелов. [360]</p>	<p>坐着戈列洛夫, 正在大口地喝着汤。 [352]</p>	<p>Горелов сидел и ел суп.</p>
<p>У меня - не забалуешь! [362]</p>	<p>我这里 - 绝对允许好吃懒做! [354]</p>	<p>Когда я здесь - ленивым быть запрещено!</p>
<p>Игнатов знал: Кузнец мотает на свой черный, блестящий, завитком уходящий от носа к щеке ус все, что он говорит в</p>	<p>伊格纳托夫心里清楚: 库兹涅茨捋着自己鼻子下面撅起的八撇胡; 心里随时记着伊格纳托夫所说的一</p>	<p>Игнатов в глубине души точно знал: Кузнец гладит усы и всегда запоминает все, что говорит Игнатов</p>

трезвости, подпитии или беспамятном пьяном угаре. [366]	切, 无论是清醒, 微醉, 还是酩酊大醉。[358]	трезвым, слегка пьяным или очень пьяным
Хером своим будешь землю пахать, а не инструментом. [371]	你就用自己的两只手耕地 吧, 而不是农具。[363]	Будешь обрабатывать землю своими руками, а не орудиями.
По тебе же лагерь плачет, горячими слезами заливается. [373]	你应当待在蓝狱嘛! [365]	Ты должен быть в тюрьме!
Встречай шухер в гости! [379]	到你这儿检查来了! [371]	Пришли тебя проверять!
В животе бьется похолодевшее сердце. [408]	心怦怦直跳。[399]	Сердце бьется.
Как-то само собой получилось, что завалившимся в углу огрызком карандаша он стал шкрябать на полу каракули. [408]	一切都是自然而然的, 他 拿起遗忘在角落里的一小 截铅笔头, 开始在地板上 胡乱画了起来。[399]	Как-то само собой он взял забытый в углу карандаш и начал беспорядочно рисовать на полу.
Семрукские крестьяне почтительно величали его «наш дохтур». [416]	谢姆鲁克的农民们恭敬地 称他为“我们的医生” [406]	Семрукские крестьяне уважительно называли его «наш доктор».
Давно не выходила в свет. [419]	很长时间没有看到你的画 作喽。[409]	Я давно не видела твоих картин.
«Вернисаж» ожидался ночью, под покровом темноты. [419]	“画展预展”定在夜间, 借助夜幕的掩盖。[409]	«Предпросмотр выставки» был запланирован под покровом ночи.
С высокого катища хорошо видно, как вдалеке, на семрукской пристани, грузится на свой блестящий коричневый катер еле держащийся на ногах от тяжелого похмелья Кузнец. [430]	从地势很高的防波堤上可 以清楚地看见, 在远处, 在谢姆鲁克码头上, 库兹 涅茨醉醺醺地摇晃身体, 脚步踉跄地正在登上自己 那艘亮闪闪的棕色汽艇。 [419]	С высокого мола, вдалеке, на причале Семрука пьяно раскачивался Кузнец и, шатаясь, влезал в свой блестящий коричневый катер.

Полные тезки. Можно сказать – абсолютные. [440]	完全同名同姓。可以讲 – 绝对的。[429]	Одно имя, одна фамилия. Можно сказать – абсолютно.
За это – обнимала Юзуфа крепче и дольше, зацеловаывывала, заласкивала. [440]	正因为如此, 她总是更加用力, 更加长久地拥抱优素福, 不断地亲吻, 不停地抚摸。[429]	Из-за этого она крепче, дольше обнимала Юсуфа, целовала, гладила.
Ничего, муся, крути себе дальше свои амурь. [441]	没你 – 什么事, 小猫咪, 继续爱着吧。[430]	Без проблем, кошечка, продолжай любить.
Мальчишки в больших черных кепках и оборванных штанах рыбачили на набережной неизвестной Юзуфу реки Сены. [441]	一群学生, 头戴宽大的黑帽子, 穿着破烂的裤子, 坐在优素福并不知道的塞纳河堤岸边捕鱼。[430]	Группа студентов в широких черных шляпах и рваных брюках ловит рыбу на берегу реки Сены, о которой Юсуф не знает.
Зулейха и раньше была мелкая, ниже плеча, а теперь стала и вовсе крошечная, будто сжалась. [452]	祖列依哈本来就身体瘦小, 还没到他的肩头, 现在变得更加矮小, 几乎缩成一小团。[442]	Зулейха изначально была худой и маленькой, ниже плеча, теперь она стала еще короче, почти сжалась.
Весной сорок второго Кузнец явился, как всегда, - снегом на голову, вдруг. [457]	1942年春天, 库兹涅茨又来了, 和以往一样 – 突然造访。[447]	Весной 1942 года снова приехал Кузнец, как всегда – внезапно.
Я уже почти успел позабыть, что где-то в мире есть Бахчисарай. [457]	我几乎忘记了, 在世界的某个地方还有巴赫奇萨赖。[447]	Чуть не забыл, что где-то в мире есть еще Бахчисарай.
Как прогнал Глашку – так бобылем и живешь. [459]	自你把格拉什卡赶走 – 就一直过着清冷子瓜寂的生活嘛。[449]	С тех пор, как ты прогнал Глашку, так и живешь холодной, глупой и одинокой жизнью.
И готовит оккупантам теплую встречу, с хлебом-солью. [460]	准备热烈欢迎侵略者, 手捧面包加盐恭迎他们呢。[451]	Приготовились тепло приветствовать захватчиков и встретить их с хлебом-солью в руке.
Денег не возьмет, а вот кофу – как пить дать, хлещет ее целыми днями. [478]	不会收钱的, 可以送点咖啡 – 送点喝的, 他每天都喝咖啡。[469]	Нельзя дать денег, можно дать кофе - отправь немного попить, он пьет кофе каждый день.
Постарела, подурнела, лицо рябое. [480]	她变得有些苍老, 也变丑了, 脸上有麻子。[471]	Она стала немного старой и некрасивой, с рябым лицом.

Не Аглая – Глашка. [480]	不是啊格拉娅 – 而是格拉什卡。 [478]	Не А-гы-ла-я – Гы-ла-шен-ка.
Как же, не узнаешь тебя... Заматерел... [481]	怎么, 几乎都认不出你了... 老了... [472]	Я тебя почти не узнаю... постарел...
... выудил грязно-белый, захватанный пальцами и нежно махрящийся на сгибах, бумажный треугольник. [488]	二战时期, 苏联的前线信件为三角形。 [478]	Во время Второй мировой войны фронтовые письма в Советском Союзе были треугольной формы.
Вокруг в искрящемся хороводе солнечных лучей дрожат еле различающиеся очертаний деревьев. [500]	四周阳光闪耀, 金光灿灿, 几乎分辨不出树木的轮廓。 [491]	Солнце светило кругом золотым светом, и очертания деревьев едва можно было различить.

Контекстные употребления лингвокультурных лакун в переводе романа

«Дети мои»

Фрагмент из оригинального текста (Г. Ш. Яхина)	Эквивалент в переводе (Чэнь Фан)	Дословный обратный перевод на русский язык
...спеть что-нибудь громкое, задорное, к примеру колонистскую "Ach Wolge, Wolge!.." [15]	... 大声唱出点什么热情激昂的调子, 比如定居点的村民经常唱的 Ach Wolge, Wolge! [4]	... спеть что-нибудь вслух, например, Ach Wolge, Wolge!, которую часто поют жители колонии.
Стихи лились на юные лохматые головы щедро, как вода в банный день. [19]	诗句如同沐浴日的水一样, 朝一个个乱蓬蓬的脑袋慷慨地喷涌而出。 [8]	Стихи, как вода в банный день, щедро хлынули на лохматые головы.
В самой Германии, давно уже объединившейся и теперь гордо именовавшей себя империей, диалекты варились в одном котле. [20]	德国早已结盟, 现在骄傲地把自己命名为帝国, 这里的诸多方言就像肉汤煮白菜一样在一口大锅里熬煮... [9]	В Германии, которая давно объединилась и теперь гордо именуется империей, множество диалектов варится в одном котле.
А в поволжских колониях практиковать "высокую кухню" было некому - и местные диалекты замешались в единый язык, простой и честный, как луковый суп с хлебными корками. [20]	而伏尔加河畔的聚居地无人操持"高级料理", 于是当地的各种方言混入了他们纯朴诚实的统一语言, 就像面包丁加进了洋葱汤。 [9]	Однако никто в населенных пунктах на Волге не занимается «высокой кухней», поэтому различные местные диалекты смешались в бесхитростный язык, как гренки с луковым супом.
А балбес-то ваш нынче опять шалопайничал! [23]	你家的小伙子这两天又不务正业了! [12]	Ваш парень эти два дня опять бездельничал.
Дети мои! Новообретенные сыны и дочери российские! Радужно принимаем вас	我的孩子们! 新加入俄罗斯的儿女们! 热烈欢迎你们来到我们坚实的臂弯, 我们一定会保护你们, 像父母一样照顾你们! 我们想	Мои дети! Новые сыновья и дочери России! Мы обязательно защитим вас и позаботимся о вас, как родители!

<p>под надежное крыло наше и обещаем защиту и родительское покровительство! Взамен же ожидаем послушания и рвения, беспримерного усердия. бестрепетного служения новому отечеству! А кто не согласен - пусть нынче же убирается обратно! Гнилые сердцем и слабые руками в российском государстве - без надобности!.. [23]</p>	<p>以此换来你们的服从、勤勉和无尽的忠心,希望你们毫无怨言地报效新祖国! 若有人不服从 - 现在请立刻原路返回! 心灵堕落、四体不勤之人在俄国毫无用处! [13]</p>	<p>В обмен на ваше послушание, усердие и бесконечную преданность, я надеюсь! Кто ослушается - теперь той же дорогой немедленно назад! Развращенные умы не нужны России!</p>
<p>Вслед ему сияла сочная радуга, а то и две, небесная лазурь струилась сквозь прорехи уплывающих за Волгу туч. [25]</p>	<p>碧蓝的天空透过伏尔加河上空乌云的缝隙流淌出来。 [15]</p>	<p>Голубое небо струилось сквозь просветы в темных облаках над Волгой.</p>
<p>Преотменное настроение его было вызвано и яркой голубизной майского неба. [26]</p>	<p>巴赫的心情特别舒爽。 [25]</p>	<p>Бах в очень хорошем настроении.</p>
<p>Гнадентальцы о весенних чудачествах шульмейстера знали, относились к ним снисходительно: "Уж ладно, что с него возьмешь - с образованного-то человека!.." [26]</p>	<p>格纳丹塔尔人对老师春天的怪癖有所了解,他们对此态度宽容:"随他去吧。你能拿他这种受过教育的人怎么办呢! [16]</p>	<p>Гнадентальцы что-то знали о весеннем сумасшествии учителя и относились к нему терпимо: «Что поделаешь с таким образованным человеком, как он!»</p>
<p>Отстояв службы в торжественно убранной кирхе и налюбовавшись горением праздничных свечей, одарив друг друга сладостями и вареными яйцами, проведав усопших родственников</p>	<p>在装饰得十分隆重的路德教堂做礼拜,尽情欣赏燃烧的节日蜡烛,互赠甜点和彩蛋,去墓地悼念死去的亲人,去邻村探望活着的亲人,把"玻璃"奶酪和黄琥珀色的</p>	<p>Помолившись в пышно украшенной лютеранской церкви, полюбовавшись горящими праздничными свечами, подарив друг другу сладости и яйца, отправившись на кладбище оплакивать</p>

<p>на кладбище и живых - в соседних деревнях, наевшись досыта "стеклянного" сыра и янтарно-желтого сливочного масла, колонисты запрягали весь свой тягловый скот и отправлялись на пахоту - всей семьей. [26]</p>	<p>黄油吃个够,这一切事情做完后,村民们套上拉车的牲口,全家人一起出发去耕地。[16-17]</p>	<p>умерших родственников, навестив живых родственников в соседних деревнях, наевшись "стеклянного" сыр и масла, жители колонии запрягали свой скот и всей семьей отправились вместе пахать поля.</p>
<p>Он собрался было уже высунуть ноги из-под перины и нащупать на полу уютные чуни из овчины-старицы, как вдруг на подушку легла тень. [27]</p>	<p>他正打算把脚伸出鸭绒被,够一够地板上舒服的羊毛拖鞋,突然一道阴影投向他的枕头。[17]</p>	<p>Он уже собирался вытянуть ноги из-под одеяла, чтобы дотянуться до лежащих на полу удобных шерстяных тапочек, как вдруг тень упала на его подушку.</p>
<p>Вскинул глаза- кто-то стоит по ту сторону окна, в диковинной треугольной шапке, припав лицом к стеклу. [27]</p>	<p>抬眼一看,窗户那一侧站着一个人,头戴一顶古怪的三角帽。[17]</p>	<p>Подняв голову, у окна стоял мужчина в странной треугольной шляпе.</p>
<p>Удрученно качая головой, поспешил обратно в шульгауз. [27]</p>	<p>他闷闷不乐地摇了摇头,快步走向校舍。[18]</p>	<p>Он мрачно покачал головой и быстро пошел обратно к зданию школы.</p>
<p>Лицо надуло щеки, сложило губы трубочкой, прикрыло томно глаза и истаяло в вышине. [28]</p>	<p>脸颊圆鼓鼓的,嘴巴撮得滚圆,眼睛倦怠无力,这张脸在高空慢慢融化了。[18]</p>	<p>Лицо выпуклое, рот круглый, глаза усталые и слабые медленно таяли в небе.</p>
<p>Нет, он не был суеверен, как большинство гнадентальцев. Нельзя же всерьез полагать, что из-за потревоженного случайно ласточкиного гнезда корова начнет доиться кровью: или что сорока, чистящая перья на крыше, предвещает увечье кому-то из домашних. [28]</p>	<p>不,他并没有大多数格纳丹塔尔村村民那么迷信。如果燕子窝偶然受到惊扰,奶牛就会挤出血来,或者,要是喜鹊在屋檐上梳理羽毛,家里就会有人受伤 - 这些都不能当真。[18]</p>	<p>Нет, он не был таким суеверным, как большинство жителей деревни Гнаденталя. Если ласточкино гнездо потревожить, у коров пойдет кровь, или, если сороки чистят свои перья на карнизах, кто-то в семье пострадает. Все это не серьезно.</p>

Многоуважаемый шульмейстер Бах. [29]	尊敬的巴赫老师。 [19]	Уважаемый Учитель Бах.
Сердечно приветствую вас и приглашаю на ужин для обсуждения одного дельца. [29]	向您致以问候并邀您就餐,鄙人有事相商。 [19]	Приветствую вас и приглашаю на ужин, нам есть что обсудить.
Баху отчего-то вспомнилось, как мать пугала в детстве: "А вот киргиз придет- заберет!" [31]	巴赫不知为什么想起小时候母亲经常下他说: “吉尔吉斯人马上就来把你抓走!” [22]	Бах почему-то вспомнил, что в детстве мать часто говорила ему: «Киргиз придет и заберет тебя!»
Однако уже через пару минут деревья расступились, глянула просторная пустошь с раскинувшимся на ней большим хутором. [34]	但是过了两分钟之后,树木闪到一旁,眼前出现一片空地,中间还有一座大庄园。 [25]	Но через две минуты деревья увернулись в сторону, и показался кусочек открытого пространства, а посередине большая усадьба.
Прочие хозяйственные постройки прятались позади: амбары, навесы, просторный хлев, низкая избушка ледника, колодезный сруб. [34]	其他家用建筑都藏在房子后面,如谷仓、遮阳篷、宽敞的畜栏,低矮木屋罩着的冰窖和水井。 [26]	За домом спрятаны и другие бытовые постройки, такие как амбары, навесы, просторные загоны, ледяные погреба и колодцы, прикрытые низкими бревенчатыми избами.
Весь центр ее занимал тесовый стол, уставленный таким количеством яств, которых хватило бы, верно, и Ослингскому великану из древней саксонской легенды. [36]	屋子正中央是一张薄木板桌,上面摆的食物可能都够古代撒克逊神话中的巨人吃了。 [27]	В центре комнаты тонкий деревянный стол, на котором еды может хватить для гигантов древней саксонской мифологии.
Бритая наголо голова мужчины блестела в точности, как пышный калач в центре стола, смазанный яичным желтком и подрумяненный в печи. [36]	男主人的光头和桌子中间涂抹了蛋黄、又在炉子里烤得十分松软的面包圈一模一样 [27]	Лысина хозяина блестела как смазанный яичным желтком и очень хорошо пропеченный в печи бублик на середине стола.

...а уши, большие и белые, воинственно торчащие в стороны, поразительно напоминали вареники, грудой вздымавшиеся в глубокой плоске. [36]	两只又大又白的耳朵斗志昂扬地一朝外支棱着, 特别像盘子里摆着的两只大饺子。[28]	Два больших белых уха торчали, как два больших цзяоцзы на тарелке.
-Вы - Удо Гримм? - уточнил на всякий случай. -Да уж не господь бог. [37]	您一是乌多格里姆?"以防万一,老师又问了一次。"还能是谁呢?" [28]	— Вы Удо Гримм? - на всякий случай снова спросил учитель. — Кто еще бы это мог быть?
Семнадцать на Троицу стукнет. [37]	圣三一节她满十七岁。 [28]	На Троицу ей будет 17.
Здесьние тьюфяки взяли бы, как пить дать, а в рейхе – не возьмут, даже с приданым. [37]	本地的窝囊废或许能娶她, 没准会的, 在帝国肯定不会, 哪怕有嫁妆都不行。[29]	Местный размазня мог бы на ней жениться, может быть, но не в империи, даже с приданым.
И мне легче и тебе – деньжонка в карман! [38]	你也能赚点小钱。 [37]	Ты тоже сможешь получить небольшие деньги.
А вопросы я и сам задавать мастер! [38]	我自己也是提问题的专家! [29]	Я сам эксперт в вопросах!
А приезжай завтра со своим барахлом: книжками, карандашами (или чем ты там на уроке нос пачкаешь?) [38]	你明天直接带着你那堆东西过来吧,书、铅笔,或者你在那边上课时用来涂涂抹抹的东西。 [30]	Просто принеси завтра свою кучу вещей, книги, карандаши или что-то, чем ты там мажешь в классе.
Самовар нести? [39]	上茶炊吗? [31]	Чайная посуда?
Мир лежал внизу весь, целиком : и оба берега, и степь в зеленой дымке первых трав, и струившиеся по степи речушки , и темно-голубые дали по краям окоема, и сизый орлан, круживший над рекой в поисках добычи. [40]	世界在下面一览无余:左右两岸,绿草葱茏的草原,草原上奔流的小溪,视野尽头深蓝色的远方,在河面上盘旋觅食的蓝雕。 [32-33]	Внизу мир виден: левый и правый берега, зеленеющие луга, стремительный поток рек, темно-синяя даль в конце поля зрения, синий орел, парящий над рекой в поисках пищи.
...зубы сводило нещадно, в них поселилась какая-то	他的牙齿上下直打架,酸痛发冷,仿佛嘴巴里吹过了一阵穿堂风,胃里也同	Зубы его болели, и ему было больно и холодно, как будто через рот дунул

<p>ноющая прохлада, будто в челюсти гулял сквозняк; таким же мерзким холодком обдувало изнутри желудок. [41]</p>	<p>样泛起一股令人生厌的凉意。 [33]</p>	<p>порыв ветра, и в животе тоже появилась неприятная прохлада.</p>
<p>А глазищи у девиц порой бывают страх какие! [41]</p>	<p>有的女孩们的眼睛简直可怕。 [40]</p>	<p>У некоторых девушек ужасные глаза.</p>
<p>Вчерашняя старуха-кухарка сидела тут же, у окна, удобно устроившись на низенькой скамейке и поставив перед собой крашенную в земляничный цвет прялку. [42]</p>	<p>昨天的厨娘在这里呢,在窗户旁边,舒服地坐在一张小长凳上,面前摆着一台漆成土褐色的纺车。 [34]</p>	<p>Здесь была вчерашняя кухарка, она удобно сидела у окна, перед ней стояла прялка, выкрашенная в земляной коричневый цвет.</p>
<p>Извольте шутить, фройляйн? [43]</p>	<p>小姐,您是在开玩笑吗? [36]</p>	<p>Мисс, вы шутите?</p>
<p>- Отец боится... - наконец заговорила Клара, но опять умолкла, в затруднении подбирая слова, - ...что, глядя на постороннего мужчину, я стану вместилищем греха. [46]</p>	<p>"父亲担心...." 克拉拉终于开口了,但又不吭声了、艰难地斟酌词语,"我怕我见到陌生男性会犯下过失。" [39]</p>	<p>— Отец беспокоится... — наконец сказала Клара, но снова замолчала, пытаюсь подобрать слова, — Он боится, что я наделаю ошибок, когда встречу незнакомого человека.</p>
<p>У меня нет ничего за душой. [52]</p>	<p>我没有亲人。 [46]</p>	<p>У меня нет родных.</p>
<p>У киргизов все иначе: их <i>көк</i> - плотное и выпуклое, как крышка казана, - прихлопывает человека сверху, и не выберешься: каленым гвоздем вбито в крышку медно-красное <i>кун</i>. [57]</p>	<p>他们的 <i>kok</i> 是厚实的,向外凸起,就像铁锅的锅盖,从头顶拍一下,你就无处可逃了;他们把红铜色的 <i>кун</i> 用烧红的钉子钉进盖子。 [53]</p>	<p>Их <i>көк</i> плотный и выпирает наружу, как крышка вока, хлопнет сверху и бежать некуда, <i>кун</i> вбил его в крышку раскаленными гвоздями.</p>
<p>Вся одежда на хуторе, зимняя и летняя, была соткана и пошита ею, так же как нарядные скатерти, напоминающие черную паутину, усыпанную</p>	<p>整个庄园里的人穿的衣服,无论冬装还是夏装,都是她织的、她裁剪缝制的,还有那些桌布也是,桌布像撒上了红花和蓝花</p>	<p>Одежда, которую носили люди во всем поместье, будь то зимой или летом, была соткана, скроена и сшита ею, как и скатерти, которые, казалось, были усыпаны красными и</p>

<p>красными и синими цветами; простыни и наволочки, кружевные кроватиные покрывала. [58]</p>	<p>的黑色蜘蛛网,床单、枕套和带花边的床罩也是她做的。[54]</p>	<p>синими цветами. Простыни, наволочки и кружевное покрывало тоже были сделаны ею.</p>
<p>Бах несколько раз наблюдал, как долговязый киргиз-перевозчик провожает хозяина на ялике вниз по течению, к Саратову: Гримм предпочитал путь по воде пешему и редко запрягал коня в телегу или ехал верхом. [58]</p>	<p>好几次,巴赫看见又高又瘦的吉尔吉斯人划船送主人到下游去,去萨拉托夫那个方向。比起陆路,格里姆更愿意走水路。极少套马车或骑马。[54]</p>	<p>Несколько раз Бах видел высоких худощавых киргизов, гребущих за своим хозяином вниз по течению, в сторону Саратова. Гримм предпочитает путешествовать по воде, чем по суше.</p>
<p>Волга была в этих краях столь широка, что даже добротные гнадентальские дома казались с правого берега всего лишь россыпью цветных пуговиц, среди которых булавкой торчала колокольня. [58]</p>	<p>不过这也无可厚非,这个地区的伏尔加河十分宽阔、从右岸看起来,格纳丹塔尔村的那些房子仿佛一些散落的纽扣。中央的钟楼就像一个坚起来的大头针。[54]</p>	<p>Река Волга в этом районе очень широкая. С правого берега дома в поселке Гнаденталь выглядят как какие-то разбросанные пуговицы. Башня с часами в центре похожа на булавку.</p>
<p>Говорят, студент-недоучка из семестра Дюрер... [68]</p>	<p>听说,丢勒家没毕业的大学生... [67]</p>	<p>Говорят, что студент из семьи Дюрер, который не окончил университет...</p>
<p>За стеклом, затянутым злой моросью, бушевала непогода. [72]</p>	<p>玻璃窗上蒙了一层不祥的水汽,窗外风雨交加。[71]</p>	<p>На стеклянном окне был злоеущий слой пара, а за окном - ветер и дождь.</p>
<p>... к скрючившемуся на перевернутой лодке Баху подошли рыбаки-сообщить, что, так и быть, "свезут шульмейстера на ту сторону, ежели ему по самое горло туда приспичило, но только завтра, когда мамка-Волга утихомирится вконец. [73]</p>	<p>...船夫们走到蜷缩在倒扣的小船上的巴赫跟前、去告诉他:"就这样吧,送老师到对岸去吧,既然他迫不及待地要去那儿,不过得等到明天,等伏尔加母亲河彻底平静下来。[72]</p>	<p>...лодочники идут к Баху, который забился в перевернутую лодку, чтобы сказать ему: «Отвезем учителя на тот берег, раз он не может ждать, но надо ждать до завтра, когда Волга-матушка совсем успокоится».</p>
<p>А главное, не имелось свидетельства о конфирмации, которое</p>	<p>她没有每个小移民都有坚信礼证明。[78]</p>	<p>У нее не было свидетельства о</p>

получает каждый юный колонист. [78]		еонфирмации каждого маленького колониста.
Выслать обоих! Выставить на волжский лед, с вещами, – пусть чапают куда хотят! [83]	把两个人都赶走吧! 让他们在结冰的伏尔加河上示众, 让他们带着东西, 爱去哪儿去哪儿! [84]	Прогоните обоих! Выставьте их на лед Волги, скажите взять вещи, пусть идут куда хотят!
Бах, пока один жил, дело свое знал. Пусть и дальше живет - один. И детей пусть учит! А что с придурью в котелке - так это ничего. [83]	巴赫自己过日子的時候, 工作干得不錯。就让他继续过吧, 一个人过。让他教孩子们上课! 家里那个傻女人呢, 其实没什么。 [84]	Когда Бах жил один, он хорошо работал. Пусть он продолжит, один. Пусть учит детей! Что касается дуры дома, то это ничего.
Стараясь не шуметь, закинул на печь старый полушубок (кровать с первого же дня уступил Кларе) и улегся, свернулся крендельком. [84]	他把旧皮袄扔在壁炉上 (床第一天就让给了克拉拉), 蜷起身子躺下了。 [84-85]	Он бросил старую шубу на печь (кровать Кларе отдал в первый день), свернулся и лег.
Натянул полушубок, нахлобучил на затылок малахай, сунул ноги в валенки, схватил в охапку утиную перину- укутать Клару- и выбежал в ночь. [85]	巴赫披上皮袄, 扣上护耳帽, 脚踏棉靴、抱起鸭绒被- 要用它裹住克拉拉, 冲进了黑夜。 [85]	Бах надел шубу, застегнул уши, надел шапку ушанку, валенки и подобрал перину, чтобы завернуть в нее Клару, и убежал в ночь.
Тексты же песенок и шванков, которые напевала Клара, все ее пословицы и поговорки, просторечные прибаутки и присказки, наоборот, были близки и родны хутору. [90]	克拉拉唱的歌词、讲的笑话, 她的谚语和顺口溜、俏皮话和俗语, 相反, 对庄园而言亲近又可爱。 [92]	Песни, которые поет Клара, шутки, которые она рассказывает, ее пословицы, шутки и поговорки, напротив, близки и милы усадьбе.
... и однажды холодным темным вечером земляничная прялка вновь зажужжала, заплясали по гостиной хороводы огненных бликов. [94]	... 于是有一天, 一个寒冷阴暗的夜晚, 纺车又嗡嗡地响了起来, 光影在客厅跳起了群舞。 [96]	... так однажды, холодной и темной ночью, прялка снова загудела, и в гостиной заплясали свет и тень.

<p>Мог бы работать для нее - и работал - не покладая рук, с последней утренней звезды и до первой вечерней... [96]</p>	<p>他能为她工作,他也能这样做,一刻不停,从早晨最后一颗星星落下干到晚上第一颗星星升起。 [98]</p>	<p>Он мог работать на нее, и работал без остановки, от последней звезды утром до первой звезды вечером.</p>
<p>Однажды ночью подумалось: стал как жадный гном, трясущийся над золотом. [97]</p>	<p>有一天晚上他不由得想到,他就像一只守着天聘的癞蛤蟆。 [100]</p>	<p>Однажды ночью он не мог не думать, что он подобен жабе, охраняющей небеса.</p>
<p>А сама пахнет... водой лавандовой из лавки Контурина, по рубль двадцать флакон... [110]</p>	<p>而她自己散发出...孔图林家小铺的薰衣草香味,二十卢布一瓶的... [116]</p>	<p>И сама она источает...аромат лавандовых духов из маленького магазинчика Контурина, двадцать рублей за бутылку...</p>
<p>-Тьфу, паскудство какое, аж зубы свело! [110]</p>	<p>"呸,真下流,"威严的声音说。" [116]</p>	<p>Пф, это противно, — сказал грозный голос.</p>
<p>Республика нынче родилась — советская республика немцев Поволжья! [126]</p>	<p>现在共和国成立了 — 伏尔加河流域德裔苏维埃共和国! [135]</p>	<p>Теперь стали республикой — советской республикой немцев Поволжья!</p>
<p>- Немчура, - уверенно произнес мужик, рассмотрев Баха. [112]</p>	<p>"德国化。"那个大块头看了看巴赫,确定地说。 [118]</p>	<p>— Германия, — уверенно сказал здоровяк, глядя на Баха.</p>
<p>- Шкет! - заорал дерзкий, устремляясь следом. [114]</p>	<p>"小不点儿!"放肆的人紧跟其后大喊道。 [120]</p>	<p>«Кроха!» — крикнул ему вслед дерзкий человек.</p>
<p>Все эти фёрстеры, клемпереры, нонне, борхардты, штрюмпели, бумке — заполошная каркающая стая, налетевшая из Германии по первому же зову сиятельного больного. [129]</p>	<p>所有这些福斯特们、克伦佩勒们、诺纳们、波尔夏特们、斯特伦佩尔们、布姆克们,只要尊贵的领袖一声召唤,这群喉音浓重的人就手忙脚乱地迅速飞过来了。 [138-139]</p>	<p>Все эти фёрстеры, клемпереры, нонне, борхардты, штрюмпели, бумке с сильными голосами налетали в спешке, когда звал достопочтенный вождь...</p>

<p>Сейчас, когда махина советского государства, только оправившегося от мук становления - разрухи, Гражданской войны, голода, - возвышается в мире первым островом, единственным оплотом мировой революции, и держится на плаву верой в эту идею, нельзя совершать резких движений. [131]</p>	<p>现在,苏维埃国家这个庞然大物刚从一连串成长的痛苦中恢复元气,它经历了经济衰退、内战、饥荒,它正冉冉升起、要成为世界第一大岛屿和世界革命的唯一堡垒,它继续信仰这种思想,不能做剧烈动作。 [141]</p>	<p>Сейчас гигант, Советское государство, только что вышедшее из кризиса, Гражданской войны, голода, оправляется, поднимается, чтобы стать самым большим в мире островом и единственным оплотом мировой революции. Нельзя делать резких движений.</p>
<p>Десятки Хансов и Петеров – преданных коммунистов из поволжских колоний – были тайно направлены на берега Рейна и Шпрее с целью разложения империалистического строя изнутри. [132]</p>	<p>数十个汉斯和皮特 - 忠诚的伏尔加河聚居地的共产党员们,被秘密派往莱茵河和施普雷河岸边,他们将从德国内部建立帝国制度。 [142-143]</p>	<p>Десятки Гансов и Петеров - верных коммунистов в Волжской колонии, тайно отправленных на Рейн и Шпрее, на берегу они будут строить имперские институты внутри Германии.</p>
<p>...вскипятит ведро талого снега и запарит утреннюю тюрю из морковной муки вперемешку с овсом... [138]</p>	<p>巴赫用盘子盖上浅盘,再用毛巾盖上盘子,这样面汤就能更入味了。 [147]</p>	<p>Бах накрыл неглубокое блюдо тарелкой, затем накрыл тарелку полотенцем. Это делает суп с мукой более ароматным.</p>
<p>Снял с гвоздя и накинул на плечи полушубок, пару лет назад ушитый из старого козуха Удо Гримма... [139]</p>	<p>他从钉子上摘下短大衣,披在自己身上,衣服是两年前用乌多格里姆的一件旧皮衣改的 ... [147]</p>	<p>Он снял колышки и накинул на себя пальто, перешитое два года назад из старой кожаной куртки из Удо Гримма...</p>
<p>... в тишине хлева книге будет спокойнее, чем в доме, наполненном детским плачем, материнским сюсюканьем и заунывными колыбельными. [139]</p>	<p>... 在安静的牲口棚里,读诗集会感觉比家里更清静一点儿,那里没有婴儿的哭声,没有母亲悠长悲凉、充满宠爱的摇篮曲。 [147]</p>	<p>...в тихом сарае, читать стихи чуть тише, чем дома, где не плачет младенец, а маме не поет длинные и грустные колыбельные, полные любви.</p>

<p>...Бах желал сделать все как можно быстрее: уложить ребенка на ступени кирхи и тотчас удалиться, не смотря по сторонам... [150]</p>	<p>... 巴赫想尽快把一切事情做完:把孩子放到教堂台阶上、转身就走、不四处张望,不去管新事物和新变化。[161]</p>	<p>... Бах хотел сделать все как можно быстрее: оставить ребенка на ступеньках церкви, развернуться и уйти, не оглядываться.</p>
<p>Здесь, на крыльце пастората, он и решил оставить младенца. [152]</p>	<p>他决定就把孩子放在这里,放在牧师寓所的门廊上。[163]</p>	<p>Он решил положить ребенка сюда, на крыльцо пасторского дома.</p>
<p>Выскочил во двор, где заметил у стены кучу хламья, выцепил из нее покореженную, но целую еще жестяную крышку от сепаратора - сойдет за плошку. [156]</p>	<p>他急忙走进院子,在墙边发现了一堆破烂,从里面拽出来一个取奶器。机器已经坏了,但铁皮盖子还完整-这可以用来当碗。[168]</p>	<p>Он поспешил во двор, нашел у стены кучу мусора и вытащил из нее сепаратор. Машинка сломана, но жестяная крышка цела - ее можно использовать как тарелку.</p>
<p>Не лицо – лик, тонкий и нежный, какой можно увидеть лишь на иконе. И сияли на этом лице не глаза – очи: темные, блестящие, в обводке длинных ресниц. И атели на этом лице не губы – уста. И не щеки розовели нежно – ланиты. [163]</p>	<p>这不是一张普通的脸,它清秀温的样子只有圣像画上才能见到。眼睛也不同寻常,乌黑油亮,睫毛修长。嘴唇红润饱满。双颊绯红。[177]</p>	<p>Это не обычное лицо, его нежный и теплый образ можно увидеть только на иконе. Глаза тоже необычные, угольно-черные и блестящие, ресницы длинные. Губы красные и пухлые. Щеки румяные.</p>
<p>Это, что ли, ваш домовой?- спросила дева хрипло. [164]</p>	<p>"怎么,这就是你们的家神?"少女嘶哑地问道。[177]</p>	<p>- Это ваш домашний дух? - хрипло спросила дева.</p>
<p>Он опустил взгляд и с удивлением обнаружил, что носит дева синюю косоворотку с натянутой поверх вязаной душегрейкой... [164]</p>	<p>他垂下目光,惊讶地发现少女穿着一件蓝色的男式衬衫,外面披了一件毛背心,她的裤子是麻布的,塞在靴子里。[177-178]</p>	<p>Он опустил глаза и с удивлением обнаружил, что на девушке синяя мужская рубашка, поверх которой шерстяной жилет, брюки мешковины, заправленные в сапоги.</p>
<p>Да вовсе и не дева то была - мужичонка, маленький ростом и широкий в кости, изувеченный</p>	<p>这根本不是什么少女,而是一个男人,个头矮小,骨架宽大,得了什么致残的病,老天恣意妄为,给了</p>	<p>Это совсем не девушка, а мужчина невысокого роста, широкоплечий, с какой-то болезнью и с красивым девчачьим лицом.</p>

какой-то болезнью, по нелепой прихоти судьбы наделенный прекрасным девичьим лицом. [164]	他一张漂亮的少女的脸。 [178]	
Голова твоя – авгиева конюшня, Бёлль. [168]	你的脑袋就是脏乱差的马厩。 [183]	Твоя голова, Белль, - грязная конюшня.
Все диковинные слова и выражения были понятны даже тугодуму Бёллю. [169]	所有这些古怪的词语和表达似乎连脑袋最不灵光的彪里都能听懂。 [184]	Все эти странные слова и выражения, кажется, понимает даже Бёлль, голова которого работает меньше всех.
А на исходе февраля, когда Бах поделился с ней парой только что написанных веселых шванков (из тех, что гнадентальские женщины поют во время посиделок уже ближе к ночи, разгоряченные коньячным пуншем и терпким допелькюммелем), девочка сощурилась хитро и на мгновение растянула губы - впервые улыбнулась. [183]	二月快结束时,巴赫第一次跟她分享了几个刚写好的欢快的小调(晚间聚会时分,喝了白兰地和又酸又涩的茴香甜酒后,热血沸腾的格纳丹塔尔村的女人们愿意唱这样的小调),小姑娘狡黠地眯起了眼睛、尘抻长了嘴角-她第一次露出了笑容。 [200]	Ближе к концу февраля Бах впервые поделился с ней несколькими только что написанными веселыми песнями (теми, что в Гнадантале после коньяка и анисового ликера поют женщины), девочка лукаво прищурила глаза, и уголки рта вытянулись — она впервые улыбнулась.
Да, только так – Анна Ласково – Анче. [189]	是的,就叫这个名字吧,安娜。 [209]	Да, именно это имя, Анна.
В Германии, однако, прижились не все: за более чем сто лет русские немцы, сами того не заметив, превратились в отличный от рейхсдойчей народ. [190]	但是,并非所有人都适应了德国,因为一百多年间,德裔俄国人已经不知不觉变成了与同胞们不同的人。 [210]	Однако не все адаптировались в Германии, потому что за более чем сто лет русские немцы, сами того не осознавая, стали непохожими на своих соотечественников.
И недаром в облике твоём проглядывается что-то от Аристотеля... [192]	пропуск предложения	

...бери ложку и ешь, хлебай от пуза, скреби по доньшку... [193]	...拿起勺子吃吧,吃得饱饱的,把碗底刮干净... [213]	...возьми ложку и ешь, досыта, до дна тарелки...
Ничего ведь о тебе не знаю до сих пор, старый ты сыч... Впрочем, черт с тобой! [193]	"你有孩子吗?到现在为止,我对你还一无所知呢,你这个老家伙... 不过,见你的鬼去吧! [214]	- У тебя есть дети? До сих пор я ничего о тебе не узнал, старый гад... Да черт с тобой!
Ты же слагаешь словечки, как кружева плетешь. [195]	你是会遣词造句的人,就像编织花边一样精美。 [216]	Ты умеешь подбирать слова и составлять предложения так же красиво, как плести кружево.
Слог мой корявый извини, иначе не умею. [195]	我的表达能力不怎么样,你别介意,别的我也不会写。 [216]	Я не очень хорошо выражаюсь, больше ничего не могу написать.
...Бах тут же выдернул торчавший карандаш, прятал в карман домашней вязаной фуфайки. [203]	...巴赫一把拽下戳在那儿的铅笔,把它藏在家居毛衣的口袋里。 [226]	...Бах выдернул воткнутый туда карандаш и спрятал его в карман домашнего свитера.
Был он толст, как селедочная бочка, лыс, как пшеничный каравай, борода же его напоминала горсть квашеной капусты. [205]	他胖得就像一个鲱鱼桶,光秃秃的脑袋像个大圆包、乱蓬蓬的胡子好似一团腌白菜。 [228]	Он был толст, как бочка селедки, с лысиной, как большой круглый хлеб, и косматой бородой, как маринованная капуста.
Пришлось Деве и служанке скитаться по другим странам и просить милостыню... [208]	少女和女仆不得不在其他国家流浪气讨... [232]	Девушке и служанке пришлось скитаться по другим странам и просить милостыню...
... яблоки были огромны, как детские головы, и румяны, как маковый цвет. [209]	...苹果像小孩脑袋那么大、罌果花般粉扑扑的。 [233]	...яблоки размером с детскую голову и пышные, как маки.
Но сегодня и для меня засияло солнышко красное. [210]	但是今天的红太阳为我闪耀。 [234]	Но сегодня мне светит красное солнце.
Ударил на кирхе колокол. [210]	教堂的钟敲响了。 [235]	Зазвенел церковный колокол.
Откуда ты все это берешь?! Все эти мраморные руки и ноги, которые крошатся в пыль	"你这都是从哪儿找到的?! 所有这些碎成灰烬的大理石的胳膊和腿...	Где ты все это нашел?! Все эти мраморные руки и ноги, испепеленные в прах... эти обмороженные

<p>под шагами... эти портреты, крытые инеем... дымящиеся груды потрохов... бороды, похожие на ворохи кислой капусты, яблоки размером с детскую голову... [210]</p>	<p>这些覆着冰霜的肖像... 冒着热气的一堆堆下水...像一团腌白菜似的胡子,小孩脑袋那么大的苹果... [236]</p>	<p>портреты... бороды, как квашеная капуста, яблоки размером с детскую голову...</p>
<p>Шекспир ты нечесаный! Шиллер кудлатый! [210]</p>	<p>你这个披头散发的莎士比亚!没梳头的席勒! [236]</p>	<p>Ты лохматый Шекспир! Нечесаный Шиллер!</p>
<p>Она повторяла птичьи голоса, как заправский пересмешник, учась ласковым и нежным нотам у лесных жаворонков и зарянок, дерзким и гневливым - у рябинников, тревожным и просящим- у ремезов, настойчивым- у желтых и зеленых дятлов. [215]</p>	<p>她就像一只地道的模仿鸟,跟林子里的云雀和红胸鸫学习温婉柔和的声音,跟田鸫学习粗鲁气恼的声音,跟潘雀学习不安和恳求的声音,跟黑啄木鸟和绿啄木鸟学习执着的声音。 [241]</p>	<p>Она, как настоящий пересмешник, учится нежному и мягкому голосу у жаворонка и малиновки в лесу, грубому и злому голосу у полевого дрозда, звуки беспокойства усваивает у черных и зеленых дятлов.</p>
<p>А в саду уже налились багрянцем увесистые яблоки. [220]</p>	<p>而果园里已经长满分量不轻的红苹果。 [247]</p>	<p>А в саду уже полно красных, тяжелых яблок.</p>
<p>Удо Гримм оборачивался жадным великаном, королем-чревоугодником или хвастливым ландграфом; старуха Тильда - ведьмой или бранчливой пряхой; юная Клара - то прекрасной королевой, то добродетельной падчерицей; бирюк Бёлль-с-Усами - сапожником, башмачником, егерем и фореитором, непременно злым и недалеким; пройдоха Гаусс - хитрым пастухом;</p>	<p>巴赫的调色板也简单,一面是简单的民间故事情节,一面是熟悉的人。乌多·格里姆变成了吝啬的巨人、贪吃的国王或爱吹牛的地主;老太婆蒂尔达变成了可恶的巫婆或爱吵架的织布妇人;少女克拉拉时而是美丽的公主,时而是德行高尚的继女;愁眉苦脸的小胡子彪里是靴匠、鞋匠、猎人和赶马车的,他必须是个凶恶愚蠢的家伙;老滑头高斯变</p>	<p>Палитра Баха тоже проста, с одной стороны, простые народные сюжеты, а с другой - знакомые люди. Удо Гримм стал скупым великаном, прожорливым королем или хвастливым помещиком; старушка Тильда превратилась в ненавистную ведьму или задиристую ткачиху; Клара то в прекрасную принцессу, то в добродетельную падчерицу; нахмуренный усатый Белль был сапожником, охотником и</p>

<p>Арбузная Эми- сварливой женою. С Гофмана были списаны горбуны и карлики, бесовские человечки, а также черти и горные духи. [225]</p>	<p>成了狡猾的牧人;西瓜女郎艾米 变成了喋喋不休的妻子。霍夫曼被写成驼背、侏儒、吃人的小媛子。 [252-253]</p>	<p>колесничим, и непременно злобным и глупым типом; старый ловкий Гаусс превратился в хитрого пастуха; арбузная Эми стала болтливой женой. Гофман описан как горбатый, безжалостный, карлик-людоед.</p>
<p>Была городская улица, вечно скользкая от измороси... [230]</p>	<p>有过城市的街道,永远因下雨而湿滑... [258]</p>	<p>Были городские улицы, вечно скользкие от дождя...</p>
<p>В оставшуюся раму встав. портрет вождя... Учителя для школы - непременно обеспеч. к осени! [233]</p>	<p>把领袖的肖像镶到空相框里... 入秋前尽快找一个老师! [261]</p>	<p>Поместить портрет вождя в пустую рамку... Найти учителя как можно скорее до осени.</p>
<p>... в широкой Гофмановой душе уже живет частичка каждого гнадентальца - как свое ощущал он и тело любого колониста, и его хозяйство, и дом, и даже разбитую осенней грязью пару деревянных башмаков-кломпов. [239]</p>	<p>...在霍夫曼宽广的胸怀中已经有一点格纳丹塔人感觉了-他对每个居民都视同己出,能感受到他们的家业、房屋,甚至还能感受到他们被秋天的泥泞泡坏的那双靴子。 [268]</p>	<p>...в большом сердце Гофмана уже есть немного гнадентальского ощущения - он видит каждого жителя, чувствует его дом, даже его обувь, промокшую в осенней грязи.</p>
<p>По указанию Гофмана сказки из гроссбуха читались вслух. [254].</p>	<p>根据霍夫曼的指示,账本上的故事得在每周阅览室的集会上... [286]</p>	<p>По указанию Гофмана рассказы из расчетной книги должны были представляться на еженедельном собрании...</p>
<p>Этим новым взглядом он вдруг увидел свою страну по-настоящему, словно в первый раз: всю, целиком, в полноте смыслов и красоте оттенков, охватил внутренним взором от края и до края. [278]</p>	<p>他用这崭新的目光突然真正看到了自己的国家,宛如初见。他看到了完整的、全部的国家,含义充分,色彩丰富,他用内在的目光从一侧看到了另一侧。 [312]</p>	<p>С этим совершенно новым видением он внезапно и по-настоящему увидел свою страну, как будто увидел ее впервые. Он видел всю страну, всю, полную смысла и цвета, и внутренним взором</p>

		охватил ее от края до края.
<p>Не подходили ей ни скучные <i>Ноябрина</i> с <i>Дояркой</i>, ни воинственные <i>Армия</i> с <i>Баррикадой</i>, ни <i>Вилюра</i> с <i>Буденой</i> (какие-то коровьи клички, честное слово!), ни заковыристая <i>Дзержиналда</i>. Наконец нашел: <i>Авиация</i>.</p>	<p>无聊的诺雅勃丽娜和多雅尔卡不适合她,雄赳赳的阿尔米娅和巴里卡达,维柳拉和布坚娜(说真的,这都是奶牛才叫的名字!)也不适合,更不用说古怪的泽尔任纳尔达了。他终于找到了一个 - 阿维阿齐娅。[425]</p>	<p>Скучные Нуо-я-бо-ли-на и Дуо-я-ар-ка не подходили ей, воинственные Ар-ми-я и Ба-ли-ка-да, Вэй-лиу-ла и Бу-дзьен-на (серьезно, как коровьи клички!) тоже не подходили, что уж говорить об эксцентричной Дзы-ар-жэн-на-ар-да. В конце концов нашел одну – А-вэй-а-ци-я.</p>
<p>-Ва-ся, - повторяла Анче. - Вася. Вася. Вася... [385]</p>	<p>"瓦-夏," 安娜又重复了一遍," 瓦夏! 瓦夏! 瓦夏..." [441]</p>	<p>Ва-ся, - повторила Анна, «Вася! Вася! Вася...»</p>